С. Г. Германюк

Вечность стоит этого пути

Автобиографический очерк

С. Г. Германюк

Вечность стоит этого пути

Автобиографический очерк

Издательство «Христианин»
МСЦ ЕХБ
2016

Степан Григорьевич Германюк
Вечность стоит этого пути
Автобиографический очерк

2016 Издательство «Христианин» МСЦ ЕХБ
Издано на пожертвования верующих
Распространяется безвозмездно
Продаже не подлежит

Детство

Мои родители, Григорий Антонович и Прасковья Васильевна Германюк, жили на Западной Украине, в селе Подгайчики Станиславской области (сегодня это Ивано-Франковская область). Эта местность в те годы принадлежала Польше.

Отец мой был бедным селянином, хлеборобом. С ранней юности он служил у священника, пас лошадей и скот. Отец был ревностным прихожанином, и священник его любил. Однако провины своего работника священник просто так не прощал — наказывал как полагается.

Отец нередко вспоминал, как досталось ему от священника за то, что катался на его жеребёнке. Он побил его палкой и строгонастрого запретил садиться на жеребят. Одного наказания было достаточно, и спустя годы отец хорошо помнил об этом и учил своих детей правильно относиться не только к людям, но и к скоту.

В 1925 году отец поехал во Францию на заработки, оставив дома жену с годовалой дочерью. Он завербовался шахтёром и пять лет отработал на шахте. Во Франции отец познакомился с верующими и искренне уверовал в Иисуса Христа. Он всем сердцем полюбил живого Бога и принял спасение, дарованное в Иисусе Христе.

Вернувшись в своё село, отец стал с большой ревностью проповедовать Евангелие. В Подгайчиках образовалась христианская община. В начале тридцатых годов на богослужения собиралось около шестидесяти семей.

Мать приняла благую весть не сразу. Она с детства была набожна, верила по-православному, и наш дом был увешан иконами. Отец долго и терпеливо разъяснял ей суть спасения, объяснял, что такое иконы и кто их придумал. Пришло время, и мать ясно поняла, как надо жить по-христиански и верить, и охотно убрала все иконы.

Я пришёл в этот мир 15 августа 1933 года. К тому времени в нашем доме молились живому Богу и икон уже не было.

О новообращённых в нашем селе большую заботу проявляли христиане Швейцарии. Они построили большой молитвенный дом. Это было первое двухэтажное здание в селе, которое называли евангельским домом. В нём был просторный зал для богослужений и классы для воскресной школы.

Несмотря на то, что мы жили в селе, отец по воскресеньям не работал ни в дни посева, ни в дни жатвы, даже если колос грозил осыпаться. Отец чтил Бога и воскресный день полностью посвящал Ему. В субботу он заготавливал корм скоту на два дня и старался пораньше закончить все работы, чтобы приготовиться к воскресенью. Этого дня мы всегда ждали, как великого праздника. На богослужение шли всей семьёй пораньше и целый день находились в молитвенном доме. Собрания проходили живо, всегда было много слушателей.

Отец не терпел безделья и заботился о том, чтобы его дети тоже были трудолюбивы. Я рос вместе с братом Ярославом, который был на три года младше меня. Старшие сёстры помогали матери, а нас загружал работой отец. Нам приходилось очень много работать. Я молотил цепями овёс, пшеницу, рожь.

К каждому воскресенью мы должны были выучить или главу из Псалтыря, или стихотворение. Стихи учили из христианских журналов, которые получал отец. Мы знали очень много стихов, псалмов из Библии и просто христианских песен, потому что отец любил петь.

Поздней осенью и зимой, когда заканчивались сельскохозяйственные работы, отец сапожничал. В это время он особенно

много пел, пел вместе с нами и таким образом пробудил любовь к пению и в наших душах.

В 1939 году Западная Украина воссоединилась с Украиной и привольная жизнь для христиан закончилась. К власти пришли атеисты. Молитвенный дом в Подгайчиках конфисковали. В нём вначале разместилась школа, затем — медпункт. В конце концов его превратили в клуб. Каждый раз, проходя мимо этого красивого здания, мы едва сдерживали слёзы, думая о том, что стало с нашим евангельским домом.

Многие христиане не выдержали напора гонений. Кто-то вернулся в православие, кто-то предпочёл «верить в душе», а кто-то просто охладел, стал равнодушным ко всему святому. Всего шесть семей, в том числе и наша, продолжали собираться на богослужения невзирая ни на что. Собирались по домам.

В 1941 году грянула война. Отца забрали в армию. На фронте он не был, оружие в руки не брал и никого не убивал. Его отправили на Дальний Восток, и там он работал до 1946 года. Для семьи это был очень трудный период.

Мне было десять лет, когда к селу приблизились немецкие войска и нас срочно эвакуировали. Погрузив на телегу свои скудные пожитки, мы на лошади отправились на восток. Корову привязали к телеге. Она спасла нас от голодной смерти.

После окончания войны жизнь в селе оставалась очень и очень трудной. Каждый крестьянин был обложен непосильным налогом. Его полагалось платить буквально со всего: с кур, овец, коров и так далее. В уплату дани шли яйца, молоко, масло, мясо, шкура, шерсть. Сборщики налогов могли прийти в дом и забрать всё, что им заблагорассудится, совершенно не заботясь о том, как будет жить семья крестьянина.

Переживая о благосостоянии семьи, отец в 1949 году решил переехать на Донбасс, в город Лисичанск Ворошиловградской области. В семье к тому времени было шестеро детей — три сына и три дочери.

На Донбассе началась моя сознательная христианская жизнь.

Юность

Старание отца во всём угодить Богу и служить Ему искренне, от всего сердца, оставило в моей душе неизгладимый след. Всё доброе, что он посеял в нас в детстве, обильно проросло и принесло в юности свой плод. Закончив сельскую семилетку, я поступил в железнодорожный техникум в Черновцах. Но проучился совсем немного. Глядя на ровесников и их распущенную жизнь, я вдруг понял, что должен идти к Богу и навеки связать свою судьбу с Ним. Я не хотел жить так, как живут окружающие меня люди.

Ночью, когда все спали, я вышел во двор общежития и воззвал к Богу с просьбой простить меня и принять в число Своих детей. На следующий день я оставил учёбу и поехал домой, вернулся в своё село. Родители поняли меня и не осудили за принятое решение.

С тех пор мир стал для меня чужим. Никакая атеистическая мораль, школа, друзья, никто и ничто не могло поколебать мою веру — я был глубоко убеждён, что Бог есть, и Он — мой Бог, мой Творец и мой Спаситель! Я хотел служить только Ему.

В начале пятидесятых годов я познакомился с молодёжью не только в Лисичанской общине, но и в Ворошиловградской. В областной центр я поехал учиться на бухгалтера. Духовное состояние молодёжи мне не очень нравилось. Дух Святой побуждал меня к тому, чтобы растормошить молодых братьев и сестёр, возбудить в них усердие к Божьему делу, вызвать горячую любовь к Господу.

В 1951 году мне исполнилось восемнадцать лет, и я горел желанием заключить завет с Господом. Община в Лисичанске насчитывала более ста членов. Пресвитер слыл человеком строгим, и дисциплина в общине была идеальной. Но он, к сожалению, был предан властям и ни большого, ни малого дела не делал без разрешения уполномоченного Совета по делам

религиозных культов и старшего пресвитера.

Когда я заявил в церкви о своём желании принять крещение, пресвитер спросил меня (такие вопросы задавали во всех общинах):

— Ты намерен защищать отечество с оружием в руках?

— Буду поступать так, как написано в Библии,— ответил я.

— Тогда ты не готов к крещению,— категорично заявил пресвитер.

Меня вот-вот должны были призвать на службу в армию, и я сильно хотел успеть принять крещение. Отказ пресвитера опечалил меня, но нисколько не угасил во мне любви к Богу и желания заключить с Ним вечный союз.

В конце декабря я был в городе Жданове. Туда переехал из Лисичанска один молодой брат — Володя Скляренко. Он пригласил меня к себе на встречу Нового года. По-видимому, он сказал братьям, что я хочу принять крещение, но в Лисичанске мне отказывают.

Первого января часа в три ночи мы пришли к Володе на квартиру, чтобы немного поспать. Вслед за нами пришёл незнакомый мне седовласый старец. Он начал беседовать со мной о крещении. Больше часа он задавал мне вопросы, проверяя, знаю ли я Священное Писание.

Старец дал мне много разных наставлений, а потом спросил Володю:

— Для чего ты меня позвал?

Володя жестами дал мне понять, что я должен сказать служителю о своём желании принять крещение. Я подумал: «Сейчас он испытает меня, убедится, что я возрождён, и скажет, чтобы приехал летом принимать крещение».

— Я хочу заключить завет с моим Господом! — воодушевлённо выпалил я.

— Тогда собирайся, пойдём... — сказал старец спокойным голосом.

Взяв с собой тулупы, мы отправились на берег Азовского

моря. По пути Володя пригласил ещё нескольких братьев, которые стали свидетелями моего обещания Богу.

Ещё не рассвело. Море у берега подмёрзло. Мы помолились, и служитель спустился к воде и стал проламывать лёд.

Моя душа трепетала от всего происходящего. Наконец исполнится моё заветное желание! Я стану членом церкви, приобщусь к сонму святых! Никакие трудности мне теперь не страшны — я Божье дитя и мой Господь всегда будет со мной!

Глядя на старца, ломающего лёд, я вдруг пришёл в себя: «Что же я стою?! Дедушка полез в воду, а я дрожу здесь от холода и волнения!» Я ринулся вниз и быстро проломал лёд руками, чтобы можно было окунуться.

Крестив меня, старец попросил не узнавать его имя и фамилию и никому не говорить, кто и где преподал мне крещение.

— Помни, что был такой старец,— кротко сказал он,— но не узнавай моё имя, потому что тебя будут спрашивать...

Его проникновенный голос я запомнил на всю жизнь.

— Если бы врачи узнали, что я сделал, меня не похвалили бы,— добавил он. — У меня хронический катар горла, и мне ни в коем случае нельзя переохлаждаться, тем более — заходить в ледяную воду. Но я сделал это ради Господа, ради Его Церкви. Меня очень печалит то, что молодёжи отказывают в крещении...

Это признание всколыхнуло мою душу и зажгло искреннее желание подражать этому старцу, который выполнял Божью волю, не считаясь с опасностями.

«У Господа всегда были и есть служители, которые делают Его дело,— думал я. — Невзирая на репрессии дело Божье на земле совершается!»

После крещения старец подарил мне открытку с пожеланием верности Богу. Меня это тронуло до глубины души — убелённый сединой, помышляющий о переходе в вечность служитель не перестаёт говорить о верности Господу, тогда как вокруг процветает атеизм...

— В мрачные дни неверия, в дни измены Богу ты всё же оставайся верным своему Господу, будь верным до конца,— говорил мне старец.

Он придавал верности большое значение, и я трепетно желал того же — любить моего Спасителя и быть преданным Ему в любых обстоятельствах.

Домой я уехал с огромной радостью — ещё бы, я стал членом Божьей Церкви, частицей возлюбленной Богом Невесты Иисуса Христа! Естественно, я совершенно не знал, что ждёт меня впереди.

Каникулы закончились, и я поехал в Ворошиловград на учёбу. Там я начал участвовать в вечере Господней.

В Ворошиловграде была большая община. Вечерю Господню совершал старший пресвитер Антон Васильевич Гайворонский. Два раза я принимал участие в хлебопреломлении беспрепятственно, а потом кто-то донёс пресвитеру, что я крестился где-то нелегально. Он стал наблюдать за мной, и я это хорошо чувствовал.

После очередной вечери Господней пресвитер подошёл ко мне и сказал:

— Стёпа, я хочу побеседовать с тобой.

Беседа длилась довольно долго. Больше всего его интересовало имя моего крестителя.

— Мы разрешим тебе участвовать в хлебопреломлении, если скажешь, кто тебя крестил.

— Филипп,— ответил я, когда он в третий раз задал мне один и тот же вопрос.

— Таких Филиппов сейчас много развелось! — недовольно заметил он. — Скажи конкретно имя и фамилию.

— Не скажу,— отрезал я.

— Тогда я запрещаю тебе участвовать в вечере Господней!

На этом наша беседа закончилась.

Запрет пресвитера сильно томил моё сердце. Я не мог ни пожаловаться кому-то, ни попросить у кого-то помощи.

Молодёжь, правда, сочувствовала мне. Мы успели хорошо подружиться. Приехав в Ворошиловград, я стал ревностно трудиться среди молодых братьев и сестёр, и они ожили. Как могли, мы изучали Священное Писание, и это нас объединяло. А у пресвитера было задание наблюдать за молодёжью, чтобы она не проявляла особой активности. Атеисты взяли направление на уничтожение церкви, и делали это руками старших пресвитеров.

Молодёжь несколько раз ходила к Гайворонскому с просьбой разрешить мне участвовать в вечере Господней, но он был непреклонен.

Закончив учёбу, я вернулся в Лисичанск. Там я не нашёл поддержки ни со стороны родителей, ни со стороны друзей. Все они считали, что я крестился «не как все» и теперь должен из-за этого страдать.

Я не мог не считаться с запретом пресвитера и в то же время мне хотелось исполнять заповеди моего Господа. Переживая о происходящем, я написал старшему пресвитеру письмо: «Если не разрешите мне участвовать в вечере Господней, я буду вынужден уйти к пятидесятникам или субботникам».

Конечно, я не собирался уходить из церкви, но хотел каким-то образом побудить служителя пересмотреть мой вопрос. Я знал, что он негативно относится к пятидесятникам и по его наводке многие из них были арестованы.

Получив моё письмо, Гайворонский написал нашему пресвитеру: «Разрешаю его принять, только пусть скажет, кто его крестил».

Неподалёку от Лисичанска, в городе Пролетарском, была община, в которой пресвитерское служение совершал Фома Михайлович Горбунов. Он мне очень нравился своей богобоязненностью и мудростью. Узнав о моих проблемах, он сказал:

— Мне не надо знать, кто тебя крестил. Главное, что старший пресвитер разрешил тебя принять.

В воскресенье утром меня приняли в члены Пролетарской

общины, а вечером уже предложили поделиться словом назидания. Это была моя первая проповедь. Я говорил о Божьей любви, прочитав текст из Книги пророка Иеремии: «Издали явился мне Господь и сказал: любовью вечною Я возлюбил тебя и потому простёр к тебе благоволение».

Когда я только намеревался принимать крещение, один брат учил меня:

— Начинай проповедовать с простых истин, не опускайся в глубины учения. Больше говори о Божьей любви, старайся доскональнее изучать эту тему, и ты будешь и сам обогащаться, и других насыщать.

Недолго я наслаждался жизнью в церкви — меня призвали в армию. Служил в Ленинграде, был писарем. Фома Михайлович постоянно писал мне хорошие письма, ободрял меня, чтобы я духовно не ослабел.

В армии я добросовестно выполнял свои обязанности, и меня за это уважали. Но работники политотдела никак не хотели мириться с моим христианством. Начальство прилагало много усилий к тому, чтобы сломить меня и уничтожить мою веру. Но со мной был Господь, и усилия атеистов не имели успеха.

Бывало, выстроят на плацу человек четыреста солдат и объявляют:

— Кто не комсомолец, выйти из строя!

Выхожу я один.

— Ха-ха-ха! — дружно смеются солдаты.

Командир постыдит меня перед всеми и прикажет кому надо, чтобы поработали со мной и сделали меня комсомольцем. Так бывало не один раз. Но в общем служба моя прошла спокойно. Попытки атеистов переубедить меня ещё больше укрепляли мою веру и содействовали моему духовному росту.

Возвратившись домой из армии, я продолжал трудиться среди молодёжи.

Первые годы семейной жизни

К созданию семьи я относился со всей серьёзностью. Мне хотелось, чтобы этот важный шаг был сделан в полном соответствии с Божьей волей. Я много постился и умолял Господа дать мне подругу по сердцу моему.

Ещё до службы в армии, когда мы только переехали на Донбасс, произошло следующее. Мы шли с одним братом на молодёжное собрание, и он, как бы между прочим, кивнул на небольшой домик:

— Здесь живёт очень хорошая, серьёзная сестра из нашей молодёжи. Её зовут Ася.

Он больше ничего не сказал, а я не придал особого значения этой информации, но имя сестры запомнил.

Позже, когда я уже познакомился со всеми братьями и сёстрами в церкви, я узнал, что Ася — это Ульяна Гуляева. Родители звали Ульяну просто Асей, и это имя так и закрепилось за ней во всех неформальных отношениях.

Это была девушка с нелёгкой судьбой. Отец её, коммунист, работал начальником цеха на одном из заводов. Во время войны, чтобы избежать ареста, ему пришлось прятаться, переодевшись в женскую одежду: гитлеровцы были беспощадны к коммунистам. Когда война закончилась, какая-то цыганка соблазнила его, и он ушёл к ней, оставив жену и троих детей. Ульяна сильно любила отца и в свои пятнадцать лет тяжело пережила его измену.

У Аси была старшая сестра, которую во время войны взяли в плен и угнали в Германию. Среди пленных оказался один служитель, пресвитер церкви. Он собирал вокруг себя молодёжь и проповедовал им Христа. Сестра Ульяны уверовала в плену и даже приняла крещение.

Вернувшись домой, сестра нашла верующих и стала посещать богослужения. Она пригласила на собрание и Асю. Вскоре Ася тоже покаялась и стала глубоко верующим человеком. (Её

вера на протяжении всей жизни подвергалась многим репрессиям, однако Ася сохранила её до самого конца.)

Ася очень хотела быть врачом, лечить людей. После школы она выучилась на фельдшера и пыталась поступить в медицинский институт, но не прошла по конкурсу и подала документы в ветеринарный.

Когда у меня появилась мысль о создании семьи, я стал наблюдать за Асей. Как-то раз мы с группой молодёжи шли домой после богослужения. Ася что-то несла в руке.

— Что у тебя там? — спросил я.

— Крем для лица,— просто ответила она.

— Разве тебе не достаточно той красоты, которую дал Бог, что ты хочешь ещё что-то добавлять? — удивился я.

Я считал, что девушкам совершенно не нужны никакие пудры, крема и мази. Юность сама по себе прекрасна и не нуждается ни в каких добавлениях, которые лишь искажают и портят её красоту. Я стал открыто говорить об этом молодёжи.

— Если брат мой соблазняется, вовек не буду этим заниматься! — вдруг произнесла Ася и что было силы швырнула баночку с кремом в огород, мимо которого мы проходили.

Этот поступок сказал мне о том, что Ася — настоящая христианка, она хорошо знает Писание и способна пойти на подвиг, если того потребуют обстоятельства.

«Это будет послушная жена»,— неожиданно пронеслось в моей голове, и я немного удивился этой мысли.

Ася уехала в Ставрополь — там она училась, а я продолжал молиться о том, чтобы Господь дал мне хорошую, богобоязненную жену.

Когда мои мысли сосредоточились на этой скромной девушке, я стал молиться конкретно о ней. Я верил, что Дух Святой оказывает влияние на мои мысли и желания, потому что я всего себя целиком посвятил Господу.

В 1956 году, когда Ася приехала домой на каникулы, я сделал ей предложение. Она пообещала подумать и снова уехала на учёбу.

Уже из Ставрополя Ася написала мне о своём согласии выйти за меня замуж. Бог дал ей понять, что на это есть Его воля, а для неё исполнять желания Господа — самое главное в жизни.

Целый год мы ждали возможности заключить семейный союз. Наконец 27 августа 1957 года, когда Ася приехала на каникулы, мы вступили в брак. Молитву благословения над нами совершал Григорий Иванович Майборода — служитель, широко известный в то время не только в нашей области, но и за её пределами.

Начало нелёгкого, но благословенного пути

Разделить нашу радость приехало много друзей. Брак проходил во дворе молитвенного дома, что в те годы ещё не практиковалось. К тому времени община в Пролетарске не стала подчиняться ВСЕХБ. Служителем в ней был Володя Скляренко, который вернулся из Жданова. Община не принадлежала ни к какому союзу, и богослужения проводились свободно, в согласии со Словом Божьим. Наш брак был первым в этой общине.

После бракосочетания мы с Асей пе-

реехали в Ставрополь, потому что ей надо было заканчивать учёбу. Я устроился на работу в лагерь для заключённых вольнонаёмным бухгалтером.

Община в Ставрополе состояла из семисот членов. Там был хороший хор, много проповедников. Пресвитер сделал запрос в церковь города Пролетарска по поводу моего членства и получил положительный ответ. Меня приняли в Ставропольскую общину и допустили до служения. По Своей безграничной милости Бог благословлял меня, особенно в служении среди молодёжи.

Моё ревностное служение не могли не заметить сотрудники КГБ. В то время в Ставропольской церкви было очень много агентов, которые работали доносчиками. Чекистам передавали всё, что делается в общине. Я понял, что некоторые христиане даже проповеди записывали для того, чтобы то, что говорил проповедник, слово в слово передать кому надо.

Недолго проработал я бухгалтером, как приехал ко мне подполковник из Комитета госбезопасности. Начальник колонии освободил свой кабинет, и мы беседовали с глазу на глаз.

Подполковник усиленно склонял меня к сотрудничеству с органами КГБ.

— Советская власть воспитала тебя, дала тебе образование,— говорил чекист. — Теперь ты должен ей послужить. Не исключено, что в среду верующих может проникнуть какой-нибудь шпион или предатель, и нам надо вовремя его обезвредить, чтобы и нам и вам спокойно спалось. Для этого вы должны сообщать нам, когда в общине появляются гости. Больше от вас ничего не требуется.

Манера говорить и сам тон говорящего казались такими доверительными, что хотелось верить всему, что он говорил. Однако моё юное сердце насторожилось, и я не дал никакого согласия.

Беседа была непродолжительной. Мы уже встали, чтобы выйти из кабинета, как вдруг подполковник спросил:

— Если сотрудники спросят тебя сейчас, где ты был, что скажешь?

— Что беседовал с работником КГБ,— ответил я.

— Ты что?! — встрепенулся он. — Этого нельзя говорить! Надо что-нибудь придумать.

— Обманывать не буду,— категорично заявил я.

— Как это — молодой человек в интересах Родины не может сказать неправду?!

— Всякая неправда — это грех, а я не хочу грешить и не буду никого обманывать.

Подполковник рассердился и стал говорить со мной не то чтобы строго, а грубо. Я видел, как он всеми силами сдерживает себя, чтобы не переборщить.

— Ладно, мы ещё встретимся,— сказал он наконец и вышел из кабинета.

Прошло немного времени, и меня вызвали в КГБ. Это было большое серое здание. Когда я увидел, сколько там охранников и как за мной одна за другой закрываются железные двери, у меня дрогнуло сердце, задрожали колени, застучали зубы. Я подумал: «Сейчас увидят, как я дрожу, и скажут: какой трусливый баптист!» И я взмолился: «Господи! Кто они такие, что я перед ними дрожу?! Успокой меня, Ты ведь моя защита и опора!» В тот же момент я почувствовал, как по всему телу прошла какая-то горячая струя, и вместе со спокойствием в сердце появилась смелость и желание ни в чём не уступать врагу.

В небольшом кабинете, за закрытой дверью, меня около четырёх часов склоняли к сотрудничеству. Их было несколько человек, но разговаривали они по одному, сменяя друг друга.

— Дай подписку о сотрудничестве,— эту фразу произносил каждый, причём по несколько раз в течение беседы.

Невзирая ни на какие их обещания, укоры и угрозы, я говорил твёрдое «нет». Они были не просто огорчены, а возмущены.

— Посмотри, какое на тебе хорошее пальто! — говорил по-

жилой работник, похоже с немалым стажем. — Это же государство одело тебя, а ты не хочешь ему помогать!

— Это противоречит моей совести,— стоял я на своём.

— А ты сожми свою совесть вот так! — воскликнул он, потрясая кулаком. — Сожми совесть в кулак!

— Это вы так делаете,— сказал я печально,— а верующие так не поступают. Я не согласен сотрудничать с вами.

— Мы сгноим тебя! — угрожающе произнёс он и выгнал меня из кабинета: — Иди вон!

Так власти начали давить на меня, желая найти во мне сотрудника, разрушающего церковь. Мне в ту пору было двадцать четыре года.

После каждой встречи с чекистами я рассказывал обо всём в церкви, открыто говорил о том, что немало братьев и сестёр сотрудничают с властями и это нечестно перед Господом.

— Друзья, нельзя сжимать свою совесть в кулак,— смело говорил я, стоя на кафедре. — Нельзя сотрудничать с врагами Церкви Христовой!

Мне жаль было смотреть на седых, с окладистыми бородами христиан, которые вынуждены были низко опускать голову, сгорая от стыда. Как же думали эти старцы отвечать за своё преступление перед Богом?

Когда я сказал в КГБ, что не буду с ними сотрудничать, они потребовали написать расписку.

Позже я никогда не писал ничего подобного, а в то время, не имея опыта и достаточных поучений, я написал: «Обязуюсь не распространять содержание бесед, которые проводили со мной работники Комитета госбезопасности и отказываюсь сотрудничать с ними». Это я писал под их диктовку и думал: а не будет ли мне плохо оттого, что отказываюсь от сотрудничества? И я быстро дописал: «...по вопросу тайной работы среди евангельских христиан-баптистов».

Один из работников, прочитав, возмутился:

— Тебе же этого не диктовали! Зачем написал?

Другой, по-видимому старший, посмотрел и положил расписку в папку:

— Пусть будет.

Меня выпроводили в коридор, не попрощавшись.

Я покидал это огромное здание с большой радостью. Мне казалось, что у меня выросли крылья — ведь я был свободен от ярма предательства, свободен от тех пут, которые готовил мне сам сатана!

Не желая ждать ближайшего богослужения, я поспешил к пресвитеру рассказать, что не осквернил себя сотрудничеством с властями, что меня выгнали из кабинета в полном смысле этого слова. Но пресвитер, по всей видимости, сотрудничал с ними, поэтому моё признание не вызвало у него радости. Он просто поддакивал мне. Я же был ещё неопытен и не знал, как сильно преуспели атеисты, наступая на церковь.

После моего отказа от сотрудничества чекисты взялись за Асю и вообще за всех верующих студентов. В Ставрополе училось очень много христиан. Сотрудники КГБ встречались даже с теми из них, кто был вне церкви, но родители у которых — верующие. Кто не желал помогать нечестивым, того исключали из института.

Поскольку Ася была на последнем курсе, её поставили перед выбором: или Бог, или диплом!

— Слишком дешёвый ваш диплом, чтобы ради него отказаться от Господа,— ответила им Ася. — Если я с дипломом завтра умру, кому я буду нужна? Нет, я хочу остаться верной своему Богу!

За это слово выпускные экзамены она не сдала. Её просто провалили, хотя она училась хорошо, к тому же была беременна.

Когда по трём предметам Асе поставили двойку, я сказал:

— Больше не ходи на экзамены и не нервничай. Они же не зря заявили: или Бог, или диплом!

Вместо диплома Ася получила справку о том, что прослушала курс ветеринарии в сельскохозяйственном институте. На от-

работку её направили в Туву. Хотя это было очень далеко от Ставрополя, мы легко преодолели дорогу, готовые справиться со всем, что нас ожидало.

Приехали в Кызыл — столицу Тувы. Оттуда надо было ехать ещё четыреста километров до Чадана. Там мы познакомились с Иваном Дмитриевичем Горбатенко и его женой. Эти христиане приютили нас в своём доме, хотя у них самих было много детей. Мы же никак не могли найти себе квартиру. Хозяева, как только узнавали, что мы верующие, сразу отказывали в жилье. Иван Дмитриевич принял нас и даже платы не брал, относясь к нам как к родным.

Асю зачислили на работу в лабораторию, а я устроился бухгалтером в большую организацию «Мясомолпром».

В Чадане 30 сентября 1958 года у нас родилась дочь, которую мы назвали Галиной.

Вскоре мы узнали, что по закону студент-выпускник, не сдавший по какой-либо причине экзамены, через год может пересдать их в другом подобном вузе и получить диплом.

В Бурятии, в Улан-Удэ, был сельскохозяйственный институт, и мы решили, что Ася поедет туда, но тайно, чтобы чекисты не узнали и не помешали получить диплом. Мы договорились в это время не переписываться и никому ничего не говорить, пока она не сдаст экзамены.

Наконец я получил долгожданную телеграмму: «Всё в порядке. Возвращаюсь». Ася сдала экзамены и получила диплом.

В Чадане была маленькая, едва живая группа верующих. Даже Иван Дмитриевич на собраниях был какой-то пассивный, проповедовал очень слабо, сухо. А у меня горела душа, мне хотелось встряхнуть этих спящих и охладевших христиан, помочь им поднять глаза и посмотреть на то, что сделал для нас Господь Иисус! Мне хотелось, чтобы они полюбили Его всем сердцем.

Мы с Иваном Дмитриевичем стали посещать христиан по домам, беседовать с ними, ободрять. Господь благословил наш труд, и группа стала увеличиваться. На богослужения

приходило около шестнадцати человек. Мы все вместе изучали Писание, много пели.

Христиане оживились, и недруги это сразу заметили. В местной газете появилась статья о том, что баптисты вербуют в свою секту людей и мешают современному обществу строить светлое будущее. Они, мол, распевают свои песни напротив клуба, в котором всегда грязно, наплёвано и полно окурков. Автор статьи призывал читателей ни в коем случае не поддаваться на пропаганду баптистов и навести порядок в клубе, чтобы всем хотелось туда зайти.

Не прожили мы в Чадане и двух лет, как меня вызвал секретарь райкома партии и сказал:

— Уезжайте отсюда поскорее! Не надо нам вашей отработки! Вы мешаете нам пропагандировать атеизм. Мы убеждаем людей, что с религией скоро будет покончено, что в Бога верят только малограмотные и старики, а нам тут же говорят: «Нет, молодые тоже верят! Вон главный бухгалтер и его жена — и молодые, и образованные, и верующие!»

Атеисты были заняты своими идеями, а мы, горя любовью к Спасителю, старались творить Его волю и соблюдать все Его заповеди. Конечно, это было нелегко, но Бог завещал нам силу и благословения и был верен Своим обещаниям, даруя нам всё необходимое. Божьих благословений не забыть никогда. В Туве же они были особенными.

Как-то раз я был в Кызыле — сдавал свои отчёты и заодно посетил группу верующих. У нас получилось необычное богослужение — восемь человек искренне обратились к Богу. Для меня это было неожиданно. Я не призывал к покаянию. Мы беседовали о Божьей благодати, а Дух Святой совершал в их сердцах Своё спасительное дело. Больше двух часов мы молились Богу со слезами — одни каялись, другие прославляли Господа за величие Его дела, за подвиг спасения.

После такого благословенного общения я приехал домой радостный, а свою жену застал в слезах. Она совсем пала духом.

— Ты завёз меня в такую глушь,— плакала она,— и оставил с маленьким ребёнком на руках! Сам разъезжаешь, а я всё время одна и одна...

Я готов был вспыхнуть гневом в ответ, но Господь дал мне силы противостоять лукавому, который всегда хочет навредить нам, и победить его происки любовью.

— Родная моя, неужели это правда, что лучше сидеть дома и ублажать тебя, чем служить Богу? — спросил я. — Послушай, в Кызыле восемь душ примирились с Богом. Не чудо ли это?!

Я стал рассказывать, как прошло богослужение, и глаза моей возлюбленной просветлели. То был переломный момент в нашем совместном служении Богу. Ася была духовно богатым человеком, крепко любила Господа, и Он помог ей побороть себя и занять правильную позицию. С тех пор я не знал препятствий в служении. Как бы тяжело ни было, она всегда благословляла меня трудиться на Божьей ниве, разделяя со мной все скорби и переживания.

Проживая в Чадане, я посещал не только Кызыл, но и Абакан, и Минусинск. Господь щедро дарил мне Свои благословения, и я мог делиться откровениями Его слова, назидая и ободряя христиан. Хотя по указанию КГБ в церквах запрещалось давать слово приезжим братьям, в Абакане я проповедовал. Там были уважаемые старцы, бывшие узники, например Антон Васильевич Красинский. Он настаивал на том, чтобы мне давали слово, и пресвитер его слушал. Несмотря на запреты, в Абакане проходили большие молодёжные общения.

Пробуждение Божьего народа

Осенью 1959 года нам всё же пришлось покинуть Туву. С маленьким ребёнком на руках мы возвратились на родину жены, в Луганск (так переименовали Ворошиловград).

Мы долго искали работу, но нас нигде не принимали.

— Ася, мы с тобой неправильно начали,— опомнился я. — Давай назначим пост и будем молиться Господу, чтобы Он определил, где нам надо работать.

Мы так и сделали и вскоре вновь убедились, что надеющиеся на Господа непременно обретут у Него милость.

Когда мы обратились в учреждение по распределению молодых специалистов, нам дали направление на мясокомбинат в город Сватово. Мы переехали в этот городок, и Ася устроилась в колбасный цех врачом-технологом, а я — финансистом в бухгалтерию.

Незадолго до нашего приезда, в Сватово произошёл необыкновенный случай. Дочь пресвитера зарегистрированной общины, закончив педагогический институт, устроилась в школу преподавателем. Чекисты её тут же предупредили: «Или ты будешь работать учителем, или твой отец будет пресвитером. И то и то невозможно. Или он пусть уходит, или тебя уволим».

Дочь стала уговаривать отца, чтобы он отказался от служения. И он уступил. Он попросил церковь освободить его от должности пресвитера и отдал своё удостоверение А. В. Гайворонскому.

Недели через две эта учительница попала в автокатастрофу и погибла. Бывшему пресвитеру осталась внучка, и он должен был воспитывать её, потому что отец девочки оказался негодным человеком. Спустя годы я случайно встретился с ним в местах лишения свободы.

Эта печальная история — горький урок для тех, кто ради временного благополучия решается пренебречь вечными ценностями и ни во что ставит служение Богу.

Когда пресвитер Сватовской общины сдал своё удостоверение, власти закрыли молитвенный дом. Я много беседовал с этим служителем, но он не хотел менять своё решение. Он просто сдался, не устоял перед натиском атеистов. На мои увещания он твердил одно: «Я столько лет учил свою дочь, и что,

всё напрасно?» Это, конечно, было его поражение. Если бы он оставался верным Богу, всё могло быть совершенно иначе.

Немного освоившись в Сватово, я стал разыскивать верующих, которые после закрытия молитвенного дома перестали собираться на богослужения. Их состояние было просто ужасным. То была вымирающая община: молодёжи не было, детей — тем более. Были одни старики, и те — робкие и боязливые. И всё же я ходил по домам, беседовал с духовно уснувшими и остывшими христианами, желая пробудить их бессмертные души. Это было нелёгкое дело!

Проживая в Сватово, мы с Асей были членами церкви в Пролетарском, где жили мои родители. Служителем в Пролетарске был Володя Скляренко, который в 1957 году вывел общину из ВСЕХБ. Он был ревностным христианином, выступал против всяких связей с внешними. Однако в истине он не устоял. Довольно скоро после рукоположения он впал в крайность — стал углубляться в пророчества и неверно их толковать.

Я старался помочь Володе вернуться на истинный путь, но он не захотел. Указывая на такие места Писания, как «не высокомудрствуйте, но последуйте смиренным; не мечтайте о себе», я говорил, что нам надо больше внимания уделять святости и чистоте, чтобы творить Божью волю, а проникать в то, что Бог сокрыл от нас,— не стоит. Володя же стоял на своём. Он выдал хрущёвскую семилетку за седмицу из Книги пророка Даниила и настроил христиан на то, что через три с половиной года Господь придёт за Церковью и верующие должны готовиться к этому событию.

Не в силах переубедить служителя, я вместе с женой, отцом и младшим братом Ярославом ушёл из церкви. Когда же пришло время и пророчество не исполнилось, церковь отлучила Владимира Скляренко и избрала служителем Якова Фомича Василенко. Позже его арестовали и он отбыл немалый срок заключения за свою верность Богу.

Когда на производстве узнали, что мы с Асей верующие и

посещаем христианские собрания, на нас обрушились гонения.

Директору мясокомбината, на котором мы работали, тоже доставалось из-за нас. Когда он приезжал на совещания в областной центр, о нём говорили: «Приехала святая организация». От этих слов его коробило, и он старался притеснять нас как только мог.

Обстановка в церквах в те годы была нелёгкая. Инструктивное письмо старшим пресвитерам внедрялось властями повсеместно. Общины были на грани разрушения. Преданные властям служители создавали большие трудности в своих церквах. Они свели крещение молодёжи до минимума. Крестили в основном тех, кому было уже за тридцать. Детей вообще не пускали на собрания. Дьяконы стояли у порога и отправляли детей домой, оправдываясь тем, что из-за них власти закроют молитвенный дом. Правда, были и разумные пресвитеры, которые не так рьяно исполняли предписания врагов церкви. В их общинах была молодёжь, богослужения посещали дети и подростки.

К 1961 году христиане повсеместно стали томиться от атеистического гнёта. Мы с Асей и многие наши друзья были в числе тех, кто жаждал святой христианской жизни, соответствующей Божьему Слову. Мы поняли, что ВСЕХБ идёт неверным путём, и словно ждали какого-то толчка, сигнала, объяснения, хотели знать, что делать в этих обстоятельствах.

Получив Первое послание Инициативной группы, мы восприняли его с большой радостью и трепетом. По общинам тут же образовались молитвенные группы, которые стали молиться о том, чтобы Господь пробудил Свой народ от греховной спячки и повёл путём освящения.

В Луганской области братья начали проводить совещания и рассуждать о том, как дальше совершать служение Богу. Во многих общинах стали отлучать тех, кто читал письма от Инициативной группы и собирался для молитвы о пробуждении. В Луганске, например, сразу отлучили двенадцать человек.

Мы в Лисичанске стали собираться отдельно. К нам приехал служитель из города Шахты и очень много содействовал пробуждению христиан в нашем городе. Мы по трое суток постились перед Богом и молились об очищении и освящении каждого рождённого свыше. Мы видели, что церкви находятся в плачевном состоянии: с молодёжью никто не занимается; бесед о дружбе, о чистоте взаимоотношений никто не проводит, исповедание грехов не практикуется. Всё было очень запущено.

Послание Инициативной группы всколыхнуло церкви, и повсеместно обнаружились ревностные, горячо любящие Бога братья и сёстры, желающие служить Господу так, как Он заповедал в Священном Писании. И хотя власти встретили оживление христиан с большим недовольством, они никак не могли остановить начавшееся движение.

О нас писали в газетах, всячески высмеивая и унижая нашу веру. Наши собрания разгоняли, нас били и штрафовали. До своего первого ареста в 1973 году я тринадцать раз был оштрафован. Обычно штраф не был ниже пятидесяти рублей. Сотрудники с насмешкой спрашивали меня: «На кого ты работаешь?»

В нашей области за годы гонений в местах лишения свободы побывало двадцать три человека. Общий срок заключения составил сто два года!

В 1965 году на одном из больших молодёжных собраний в Луганске меня хотели арестовать, но молодёжь окружила своего служителя таким плотным кольцом, что милиция не смогла через него пробиться. Мне тогда удалось скрыться, однако в Сватово пришло соответствующее распоряжение, и меня всё же осудили на пятнадцать суток. Меня постригли налысо, что в то время было большим унижением, и появиться после срока в таком виде на работу было нелегко.

Когда меня осудили на пятнадцать суток, Ася была в командировке. Я попросил охранявшего нас милиционера, чтобы он отпустил меня домой успокоить детей. С этим милиционером

Галя, Гриша и Лиля

мы были хорошо знакомы, и он разрешил мне вечером ненадолго сходить домой.

К тому времени у нас было уже трое детей: в 1960 году родился Гриша, а в 1961 — Лиля.

Придя домой, я увидел печальную картину: дети сидели в темноте, боясь включить свет, и плакали. Вызвав на помощь свою маму, я постарался объяснить детям, что мы идём путём Иисуса Христа, поэтому нас всегда будут преследовать и гнать, как гнали Его. Если же мы будем молиться и во всём доверять Господу, Он даст нам радость и защитит от всех врагов.

В 1966 году в Луганске осудили сразу трёх служителей: Василия Андреевича Голуба, Анатолия Никитовича Балацкого и Николая Ивановича Буткова. Каждого приговорили к четырём годам лишения свободы. Наш областной совет заметно поредел. Им руководил пресвитер Рубежанской церкви Григорий Иванович Майборода, отбывший срок заключения в сталинских лагерях. Это был опытный пастырь. Он очень хорошо и правильно видел состояние церкви. Ему доверяли труд не только в области, но и за её пределами.

В Лисичанске община была небольшая, насчитывала человек тридцать. Собрания проходили в доме моего отца. Представители власти приходили чуть ли не на каждое богослужение и

старались разогнать нас. Порой казалось, что их ярости нет предела. Например, моей маме было уже больше семидесяти лет, а её во время молитвы тянули за волосы, стараясь поднять с колен, чтобы она прекратила молиться!

В 1967 году Михаил Тимофеевич Шаптала рукоположил меня в благовестники. На всю жизнь остался в моей памяти разговор служителя с Асей. Спрашивая о её согласии на моё рукоположение, он сказал:

— Ты же знаешь, что отдаёшь своего мужа Господу. Возможно, как служителю, ему придётся долгие годы провести в неволе. Ты к этому готова?

Ася заплакала.

— Да,— сказала она сквозь слёзы,— я отдаю его Господу. Пусть Бог всем управляет, как Ему угодно.

Она никогда не препятствовала мне в служении. Ася была мне верным другом, разделяя со мной и печали и радости. Бывало, у нас оставалось всего три рубля*, а мне надо было ехать или на совещание, или же посетить какую-либо общину. Ася всегда благословляла меня в путь:

— Бери эти деньги и езжай, совершай Божье дело. А мы как-нибудь обойдёмся, Господь нас не оставит...

Ещё не возвратились из заключения наши служители, осуждённые в 1966 году, как в 1968-м арестовали Павла Тимофеевича Рытикова и Петра Михайловича Печного. На пять лет их разлучили с церковью. В области почти не осталось служителей. В связи с этим мне приходилось посещать многие общины, совершать хлебопреломление, крестить новообращённых. Нагрузка была большая.

Совершенно неожиданно мы стали замечать, что с Григорием Ивановичем Майбородой происходит что-то неладное. Его будто подменили. Если раньше он был пламенным проповедником, мог давать разумные советы, был бесстрашен, защищая Божье дело перед внешними, то сейчас всего этого не стало.

* Три рубля — двадцатая часть минимальной зарплаты.

Его проповеди трудно было слушать — он мог рассказывать какие-то сказки.

Сёстры в церкви стали мне говорить:

— Что-то не то происходит с Григорием Ивановичем.

Как-то раз ночью мой сын Гриша, который ещё не ходил в школу, сильно заплакал во сне. Я разбудил его и спрашиваю:

— Что случилось? Почему ты плачешь?

А он говорит:

— Майборода в милицейской форме стучит в окно! С ним ещё два милиционера, они хотят тебя арестовать!

Меня это сильно встревожило, и я начал присматриваться к жизни этого служителя, начал молиться о том, чтобы получить ясность, что же всё-таки происходит.

В нашей области, как и в других местах, был организован выпуск христианской литературы гектографическим способом. Это была тайная работа, и требовалось много мудрости, чтобы она продолжалась в атеистической стране. Когда поведение Григория Ивановича стало вызывать недоумение у братьев и сестёр, работу по изданию литературы стали от него скрывать. Он сразу возмутился:

— Почему вы прячетесь от меня? Я же ответственный за область! Разве мне не положено знать, кто пишет книги, где это делается?

Мы постарались пояснить, что в этой работе произошли некоторые изменения и ему лучше об этом не знать. Но Григорию Ивановичу трудно было с этим смириться. Как-то раз он в три часа ночи зашёл к одному брату — весь избитый, в синяках, дрожащий то ли от холода, то ли от страха.

— Скажи, где у нас типография? — спросил он с ходу.

Хозяин спокойно ответил:

— Григорий Иванович, вы же хорошо знаете, что у меня её нет.

— Ну, тогда я пошёл,— сказал старец, закрывая за собой дверь.

Хозяина встревожил вид Григория Ивановича и его столь

несвоевременный визит. Поэтому он пошёл следом за старцем. Оказалось, что неподалёку от дома, в переулке, стояли две «Волги». Григорий Иванович сел в одну из них, и машины тут же уехали.

Слышать об этом мне было очень трудно. Это был самый тяжёлый период в моей жизни.

Однажды мы возвращались из Харцызска, с праздника Жатвы. Григорий Иванович стал мне жаловаться:

— Брат Стёпа, мне очень тяжело. Мне так тяжело, что и жить не хочется. Я готов или укол какой-нибудь принять, или удушить себя... Чекисты вконец замучили, вызывают постоянно в КГБ, не дают покоя...

Меня в то время тоже стали вызывать. В Луганске в КГБ появился один майор, который вёл усиленную работу по вербовке верующих.

— А почему вам тяжело? — спросил я. — Меня тоже вызывают, но, уходя от них, я радуюсь, что могу страдать за Господа. Это же наша победа!

— Ах, ничего ты не знаешь! — скорбно вздохнул он.

Власти торжествовали победу, когда им удалось завербовать Г. И. Майбороду. Он служил им, но какое это было несчастное служение! Этот исполин, муж веры, стал человеком, желающим удушить себя! Это очень и очень страшно.

В то время совещания нашего областного совета не разгоняли. Незачем было делать это, потому что власти знали о нас всё, доносчики работали успешно. А в Донецке, например, разгоняли все собрания и совещания, на которых появлялся Григорий Иванович. Он всегда сообщал чекистам, куда едет, и им больше ничего не надо было. Они одних братьев арестовывали, других штрафовали и таким образом старались достичь своей цели. Однако Григорий Иванович думал, что ничего плохого не делает: «Я только сказал, куда и когда еду. А братьев я не предаю...» От него же больше ничего и не требовали.

По приезду из Харцызска я передал братьям наш разговор

с Григорием Ивановичем. Выслушав меня, Григорий Фёдорович Ротарь сказал:

— Почему же ты не спросил, отчего ему плохо? Почему ты не выяснил, что с ним происходит? Если ты не узнаешь всё до конца, мы тебя накажем.

Эта угроза дала мне ясно понять, насколько серьёзно обстоит дело с Григорием Ивановичем. Я ездил к нему несколько раз, но завести разговор на трудную для меня тему никак не получалось. Я чувствовал себя перед ним малым ребёнком. Мы говорили о том о сём, а по делу никаких вопросов задать я не мог. У меня не было сил против такого авторитета. Я каждый раз уезжал от него ни с чем.

Через какое-то время Григорий Фёдорович сказал мне:

— Ну что, брат, пора тебя отлучать. Ты не довёл дело с Майбородой до конца...

Лишь после трёхдневного поста я поехал к Григорию Ивановичу, почувствовав в себе силу Святого Духа.

Он был со своей женой на кухне, и я попросил её оставить нас вдвоём.

К тому времени все служители в области знали, что Григорий Иванович не очень хорошо вёл себя на съезде ВСЕХБ, куда его посылали от нашего братства. Он написал, например, записку в Президиум, что очень доволен съездом. Он заискивал перед А. И. Мицкевичем, задавал ему какие-то вопросы. И это нас насторожило. Нам стало известно, что Мицкевич приезжал к Майбороде домой. Он не заехал ни в какую общину, из-за чего у верующих были даже обиды.

Итак, я попросил Григория Ивановича рассказать, какие у него взаимоотношения со ВСЕХБ. И он около двух часов рассказывал, как хорошо и мирно прошёл съезд, сколько писем он получает с разных мест от старших пресвитеров, рассказал, о чём они пишут. Он старался убедить меня, что там немало хороших братьев, что с ними надо общаться.

Поняв, к чему он клонит, я стал говорить напрямую:

— Григорий Иванович, мы с вами никогда ничего не скрывали друг от друга, скажите, пожалуйста, какие у вас взаимоотношения с КГБ?

Услышав этот вопрос, он тут же покрылся потом — крупным, словно горошины. Такой благородный старец с пышной бородой вдруг покраснел и задрожал.

Чуть не плача, он признался:

— Стёпа, я поймался. Поймался. Уловили меня...

Григорий Иванович поведал мне, как он попался в сети КГБ, как его, бедного, избивали, желая сломить.

Ещё в 1948 году, когда он жил в Сибири, его приговорили к двадцати пяти годам лишения свободы как пресвитера Красноярской церкви. Власти злились на него, потому что за время его служения община выросла на сто пятьдесят человек, в ней было много молодёжи.

Свой срок Григорий Иванович до конца не отбыл. В мае 1956 года его освободили со снятием судимости. Освободить — освободили, но с поля зрения, по-видимому, не выпустили. Когда Григорий Иванович влился в пробуждённое братство и стал со всей верностью служить Богу, чекисты не замедлили прийти к нему и сказать: «Кого-кого, а тебя сгноим! Ты оттуда живым не выйдешь. Если же будешь сотрудничать с нами, останешься служителем». И он согласился. Это согласие довело его до плачевного состояния.

Слушая этого бедного старца, я рыдал. Он тоже плакал, но не так сильно. Мне было его очень жалко. Без этого служителя не обошлось ни моё бракосочетание, ни моё рукоположение — он призывал на меня Божье благословение. Он был моим советником по многим вопросам, был для меня примером. Я его любил. И вот произошло такое страшное падение. Я был глубоко потрясён.

После нашей беседы и молитвы Григорий Иванович сказал:

— Не рассказывай об этом никому. Выведите меня из областного совета, и чекисты отстанут от меня.

Перед совещанием областного совета Григорий Иванович прислал мне записку с просьбой рассмотреть его вопрос заочно. Я был ещё довольно молодым служителем и всегда прибегал за помощью к Господу, нуждаясь в Его мудрости. И Он вразумлял меня. Я написал Григорию Ивановичу в ответ: «Ваш вопрос без вас рассматривать не будем. Ваше присутствие необходимо».

И он явился. Попросив, чтобы его освободили от участия в совете, он добавил:

— Дабы не погибла моя душа.

Григорий Фёдорович Ротарь зацепился за это слово и тут же спросил:

— Разве в областном совете работают на погибель? Что с тобой случилось?

Григорий Иванович не смог промолчать и перед всеми братьями признался, что сотрудничает с КГБ. Все братья плакали. Но сам он уже не плакал, его дух стал дерзким, покаяния у него не было. Нам было страшно видеть служителя в таком состоянии.

На этом заседании братья уличили Григория Ивановича в нечестности с деньгами. Таков закон: к одному греху непременно прилагается другой.

Выслав Григория Ивановича из комнаты, служители стали рассуждать о нём и пришли к заключению, что недостаточно только вывести его из областного совета, нужно ещё и отлучить от церкви. Григорий Иванович согласился с тем, что достоин отлучения, но попросил не обнародовать его грех.

На членском собрании, в присутствии служителя из областного совета, Григорий Иванович сказал:

— Я сделал большой грех. Бросьте меня в море. Может быть, Бог пошлёт мне кита...

Его отлучили, и среди христиан прошёл слух, что старик впал в блуд. Пришлось срочно созывать церковный совет и уточнять причину отлучения. Затем об этом сообщили церкви. Братья и сёстры сильно скорбели. Этот старец был хорошим

пастырем, и его падение никого не оставило равнодушным.

Узнав об отлучении Г. И. Майбороды, КГБ велел ему немедленно идти в церковь и требовать срочного восстановления. Григорий Иванович требовал этого настойчиво и жёстко, утверждая, что его отлучили неправильно.

Однако Рубежанская церковь отказала Григорию Ивановичу.

— Нет, восстановить вас нельзя,— сказал руководитель церкви, мой брат Ярослав. — Вы достойны наказания, как и сами признали это на членском собрании.

После этого случая на нас обрушился шквал гонений, чего и следовало ожидать. Особенно мне чекисты не могли простить этого разоблачения. «Не лезь к нам в карман!» — не раз говорили они угрожающе.

А Григорий Иванович, поняв, что в церковь его не примут, поехал в канцелярию ВСЕХБ, где его встретили с распростёртыми объятиями. Вышестоящие служители стали возить его по общинам, и он всенародно каялся в том, что поддерживал служение Совета церквей, что разделял общины, что был инициатором движения за пробуждение Божьего народа. Каяться в этом его заставили чекисты, и он не мог их не послушаться.

Хотя зарегистрированная община в Лисичанске не соглашалась принимать Григория Ивановича в члены церкви, старший пресвитер под натиском КГБ заставил это сделать.

Павел Тимофеевич Рытиков ездил к Григорию Ивановичу домой, пытался достучаться до его сердца, чтобы он остановился на гибельном пути, но всё было бесполезно.

Меня и моего брата Ярослава к тому времени уже арестовали, и мы из тюрьмы писали Григорию Ивановичу письма. Мы очень хотели, чтобы он раскаялся. Он давал следствию показания против меня, свидетельствуя, что я запрещал молодёжи вступать в комсомол и профсоюз. Я просил у следователя очную ставку с Григорием Ивановичем, но мне отказали.

Мы писали в письме, что готовы всё простить, только бы он признался перед Божьим народом, что сотрудничает

с внешними, и больше не делал этого. Но увы, Григорий Иванович не захотел признать свою вину!

Умирал он в страшных муках, крича от боли. Неверующие дети удивлялись и говорили матери: «Почему наш папа умирает в таких муках? Ведь он всю жизнь был верующим...» Это был суровый урок для всех, кто заигрывал с сотрудниками КГБ. Лучше принять мученическую смерть, как Николай Кузьмич Хмара или Ваня Моисеев, лучше быть убитым, оставаясь верным Богу, чем умереть предателем, словно раздавленный червь...

После отлучения Г. И. Майбороды меня ещё чаще стали вызывать к КГБ. К рьяному майору в Луганске подключился сотрудник из Киева. Эти специалисты прилагали большие усилия к тому, чтобы завербовать меня. Однако я о каждом вызове сообщал церкви.

По распоряжению чекистов меня с работы отправляли в Луганск, будто в командировку, а там везли в гостиницу и в течение четырёх-пяти часов склоняли к сотрудничеству. Безусловно, комната, в которой проходили эти беседы, была снабжена подслушивающим устройством. Недруги церкви очень тщательно исследовали наше настроение, состояние нашего духа. Отправляясь на эти собеседования, я всегда постился, и Господь укреплял меня, чтобы я мог стоять в истине. И всё же этих встреч было так много, что я устал.

В 1969 году мы покинули город Сватово и переехали в Лисичанск. Работать я устроился на завод резинотехнических изделий начальником отдела реализации продукции. В моём подчинении было около сорока экономистов. Это была нелёгкая работа. Я не состоял в профсоюзе, не участвовал ни в каких общественных мероприятиях, и высшему начальству это не нравилось.

Главным бухгалтером на предприятии был еврей. Он говорил мне: «На тебя обращены все взоры. У тебя всегда и во всём должен быть полный порядок. В твоём отделе всё должно быть на высшем уровне». И действительно, у меня нередко делали ревизию. Но никаких сбоев не было, претензий к работе — тоже. Поз-

же, когда меня арестовали, следователь заметил: «Мне сказали, что на заводе вы не просто нужный человек, а незаменимый...»

Чекисты же ходили за мной по пятам. Только я устроился на завод, из Луганска приехал некий И. А. Ромашко. При встрече он первым долгом поздравил меня с новой должностью. А я не сдержался:

— Как же мне не хочется вас видеть! Вы не даёте мне зарекомендовать себя, ездите за мной, словно хищники!

А он улыбнулся в ответ:

— Степан Григорьевич, всё будет хорошо! Ты будешь спокойно работать, только будь более лояльным, не отказывайся беседовать с нами!

Вскоре после этого разговора я поехал на совещание Совета церквей и там встретился с Георгием Петровичем Винсом. Я рассказал ему, что меня очень часто вызывают в отдел кадров, но там находятся чекисты, которые неотступно склоняют к сотрудничеству.

— У меня нет такой мысли, чтобы уступить им или пойти на сотрудничество с ними, но всё равно очень тяжело от этих встреч.

Георгий Петрович сказал мне:

— Стёпа, смело гони их прочь! Они не имеют права делать то, что делают!

Для меня совет брата и соратника был очень большой помощью, он укрепил меня. На очередной встрече с Ромашко, который получил уже звание подполковника, я заявил, что не хочу с ним разговаривать.

Он сразу почувствовал мою твёрдость и спросил:

— Почему вы так ощетинились?

— Пора ставить точку,— решительно сказал я.

— Как точку? — удивился он.

Они делали очень много, желая сломить меня. Они прилетали ко мне на самолётах (что было слишком большой роскошью в то время), прилагали немалые старания, надеясь, что вот-вот

я стану их сотрудником. И вдруг всё так резко обрывается.

— Да, ставим точку! — повторил я. — Теперь меня или на носилках принесут, или связанного приведут, но сам я не приду к вам на беседу. Разговор закончен. Если я в чём провинился — есть исполком, прокуратура, суд, милиция, а КГБ никакого отношения к нам не имеет. Что я вам задолжал? Почему вы заладили ко мне ездить? Всё, кончено! До свидания!

Ромашко был сильно сконфужен. Я понимал, что начальство не похвалит его за этот провал. Я всегда ходил на беседы по их вызову, не хотел их огорчать, пока не уразумел, что это неправильно. Потом я и братьев в церкви учил, что нам с чекистами не следует иметь никакого общения.

После того как я ушёл, Ромашко дал директору завода указание уволить меня. Директор собрал совещание, вызвал к себе всех начальников, в том числе и меня, и объявил сокращение штатов.

Мои сотрудники запереживали: кто же попадёт под сокращение? Когда я вернулся с совещания, они сразу же спросили, кого сократили.

— Меня,— просто ответил я.

Конечно, этому никто не мог поверить. Меня ценили и уважали как опытного и добросовестного работника, как человека, неравнодушного к людским судьбам. Сотрудники даже в места лишения свободы писали мне и признавались, что им очень не хватает моей заботы об их душах.

Мне объявили, что я уволен, но я продолжал работать. Главный бухгалтер, Давид Ефимович Цисин, сказал мне:

— Работай. Им легче в космос взлететь, чем тебя уволить, потому что у тебя пятеро детей. Я дал отличную характеристику на тебя. Только смотри, чтобы у тебя всё было в порядке, чтобы к твоим делам комар носу не подточил!

К тому времени у нас с Асей была уже большая семья — в январе 1965 года родилась Оля, а в августе 1969-го — Слава.

Господь не оставлял меня без Своей любви и милости, и в дни гонений и притеснений был по-особому близок, как и ко

всем святым. Я старался работать на совесть и не переставал просить у Бога помощи и защиты. С Ромашко на свободе я больше ни разу не встречался.

Наши дети, как и дети многих христиан в те годы, переносили много насмешек в школе. Я старался не оставлять их один на один с атеистами и всячески утешал их, поддерживал их детскую веру. А где надо было, ходил в школу и заступался за них.

Нашу Галочку в первом классе учительница как-то раз поставила перед всеми учениками и стала позорить, называя забитой и отсталой.

— Дети, нам очень тяжело с баптистами,— говорила она ученикам. — Они мешают нам строить коммунизм, строить светлое будущее...

Мне стало жалко свою дочь — такую маленькую, беззащитную девочку, и я пошёл в школу.

— Скажите, пожалуйста, ваши дети коммунисты? — спросил я учительницу в процессе беседы.

Лиля, Гриша, Оля, Слава и Галя

— Нет,— ответила она.

— Так и наши дети не баптисты. Они дети баптистов, но ещё не баптисты, а вам уже тяжело с ними. Если у вас такая мощная идеология, то почему вы боитесь этого ребёнка и позорите его перед всеми? Вы же настраиваете детей против моей дочери! Не делайте так, пожалуйста!

Мои дети не были ни октябрятами, ни пионерами. Когда встал вопрос о принятии в пионеры нашего сына Гриши, директор школы сказал мне:

— Пусть мальчик наденет галстук. Зачем вам страдать из-за какой-то тряпки?

Мне было очень больно смотреть на то, что дети некоторых верующих из нашей церкви носили галстуки. Я хотел, чтобы мои не пачкали себя участием в делах этого мира. Поэтому я спросил директора:

— Галстук — это действительно тряпка, или символ?

Он немного помолчал, потом сказал:

— Символ.

— Да, это символ безбожия,— подтвердил я. — А мы — люди верующие, верим в живого Бога и носить этот символ не можем.

Незабываемое

Несмотря на повсеместные гонения и непрекращающиеся аресты, церковь продолжала служить Богу, росла и умножалась. Созданная Самим Господом, она, хотя и проходила через горнило испытаний, умереть не могла, а только крепла и закалялась в страданиях.

Летом 1969 года по приглашению Михаила Тимофеевича Шапталы я поехал в Москву на совещание Совета церквей. Проехать туда незамеченным было непросто. Преследуя нас, недруги Церкви Божьей ходили за нами по пятам. Такое от-

ношение властей накладывало на нас свой отпечаток, и братья приехали на совещание несколько взволнованными.

К тому времени освободились служители, арестованные в 1966 году во время майской делегации, которая просила встречи с главой государства. Они тоже прибыли на это совещание. Геннадий Константинович приехал вместе с женой прямо из лагеря для заключённых — стриженый, худой, уставший от тюремной жизни.

В самом начале слово назидания говорил Сергей Терентьевич Голев — старец, испытавший много скорбей за свою верность Богу. Он с любовью посмотрел на сидящих вокруг служителей и проникновенным голосом сказал:

— Братья, доныне мы учились страдать за Христа, а теперь будем учиться умирать за Христа.

Этих слов было достаточно, чтобы все воспрянули духом. Совещание прошло очень благословенно. Мы забыли о всех тревогах и преследованиях, сосредоточившись на нашем Господе, на Его возлюбленной Церкви и том деле, которое нам поручено совершать на земле. Мы решали вопросы домостроительства Церкви, рассуждали, как дальше вести дело Божье, как жертвовать собой во имя Господа, как воспитывать детей и молодёжь, уча их страху Божьему.

В конце 1969 года состоялось ещё одно совещание в Туле. В доме Николая Ивановича Владыкина, на втором этаже, была оборудована комната специально для братских совещаний. На стенах висели портреты братьев, положивших начало евангельскому движению в нашей стране: Никиты Исаевича Воронина, Василия Гурьевича Павлова, Ивана Григорьевича Рябошапки и других. Все эти братья надеялись, что вот-вот наступит свобода, братство будет иметь свою канцелярию, беспрепятственно распространять весть об Иисусе Христе, заниматься устройством общин. Но этого не произошло. Братья много пострадали за имя Господа Иисуса и ушли в вечность, так и не дождавшись желаемого.

Комната для совещаний

Под натиском гонений и мы продолжали служить Богу, Который неизменно сопровождал нас во всех скорбях.

Не забыть мне тех глубоких чувств, которые наполняли меня в общении с дорогими братьями. Как встречались узники! Как искренне и сердечно мы обнимали друг друга, сколько было слёз и радости! На совещаниях мы в полном смысле слова отдыхали от всех бурь и волнений, вдохновляясь живым словом нашего Господа и Его Духом.

Совещание в Туле, на которое приехало сто двадцать служителей, представлявших многие церкви огромной страны, было похоже на съезд, потому что на нём избрали новый состав Совета церквей. Помню, как избранные на служение братья взялись за руки и задушевно спели гимн:

Возьми меня отныне, о Господи,
По жизненной долине Ты Сам веди!
Не мог бы я тропою Твоей идти,
Но, если Ты со мною, я твёрд в пути...

Константин Павлович Крючков (отец Геннадия Константиновича) спросил тогда:

— Геннадий, почему в состав Совета вы ввели в основном молодых служителей?

Геннадий Константинович ответил, что в это нелёгкое время в служении нужны такие братья, которые могли бы продолжать Божье дело даже тогда, когда арестуют всех служителей. Нужны такие братья, которые могли бы проехать от Прибалтики до Дальнего Востока, не нуждаясь в пищевой соде (то есть со здоровым желудком, не обременённые немощами).

На этом совещании было составлено заявление на имя Председателя Совета Министров СССР А. Н. Косыгина об избрании нового состава Совета церквей ЕХБ. Заявление было подписано многими братьями. Я, как представитель церквей Луганской области, тоже поставил свою подпись.

Как только я возвратился домой и вышел на работу, приехал уполномоченный Совета по делам религиозных культов Костеничкин и начал настойчиво спрашивать, кто пригласил меня в Тулу, как я туда добирался и с кем.

— На тебя что, делают ставку? — спросил он, глядя на меня сверлящим взглядом. — Ты же не зря подписал заявление в правительство!

Терпеливо выслушав шквал вопросов, я сказал ему:

— Как я могу рассказывать вам что-либо о церковных делах, если у вас в одном кармане партбилет, в другом — пачка папирос, а на поясе — кобура?! Какой же вы посредник между церковью и государством? Вы — государственный работник и трудитесь на разрушение церкви. У меня не может быть с вами никаких собеседований! Я ничего не скажу вам из того, что касается церкви!

Разговор у нас не получился, и он уехал. К слову сказать, за время моего проживания в Луганской области там сменилось семь уполномоченных.

Памятным осталось совещание, после которого Геннадий

Константинович Крючков вынужден был уйти в глубокое подполье. Это совещание Совета церквей проходило в Туле.

Лидия Михайловна Винс — председатель Совета родственников узников — сделала отчёт о положении узников и их семей, собрала в большую хозяйственную сумку ходатайства, привезённые братьями с разных мест, и собралась уходить. В дверях её неожиданно встретила разыскивающая нас группа милиционеров. Предвкушая богатый улов, они не обратили внимания на женщину, выходящую из дома с хозяйственной сумкой. Лидия Михайловна благополучно ушла и унесла все документы, представлявшие для братства немалую ценность.

А недруги Церкви Божьей стремительно вошли в комнату, где находились служители Совета церквей и их сотрудники, приглашённые на заседание.

Один из офицеров властно скомандовал:

— Встать!

Никто из братьев не шелохнулся.

Геннадий Константинович сидел к ним спиной. Повернувшись, он чётко проговорил:

— Это не то войско, чтобы вам повиноваться.

Уполномоченный Совета по делам религий в Тульской области елейным голосом стал его укорять:

— Геннадий Константинович, я же вчера спрашивал вас, где будет совещание, и вы не сказали. Как же так?!

Они проверили у всех документы, составили протокол и отпустили, оставив только меня и Николая Георгиевича Батурина. У нас не было с собой паспортов, поэтому пришлось ехать в отделение милиции для выяснения личности.

Едем мы в воронке, и я вижу, что Николай Георгиевич сильно взволнован, о чём-то переживает и очень энергично жуёт бумагу. Он вёл протокол совещания и теперь должен был уничтожить все бумаги, так как в милиции могли сделать личный обыск.

Желая ободрить брата, я сказал ему:

— Почему ты так сильно переживаешь? Не волнуйся, Бог сохранит нас!

А он ответил мне:

— Брат дорогой, я же не о себе переживаю! Служители привезли пожертвования, привезли много Библий и симфоний, чтобы распределить среди братьев, и теперь всё это могут забрать. Вот о чём я переживаю.

Как мне было стыдно! Я хотел призвать брата к смелости и стойкости, не думая о том, что он, отсидевший уже не один срок, заботился не о себе, а о Божьем деле.

В милиции сделали запрос о нас по месту жительства и быстро получили все сведения.

— Германюк, вы можете идти,— сказали мне,— а Батурин останется. В Ростове сейчас эпидемия холеры, и ему надо сделать прививку.

Я стал упрашивать их, чтобы нас отпустили вместе. Начальник милиции оказался родом из Лисичанска. Бог сделал так, что он расположился ко мне, как к земляку, и отпустил Николая Георгиевича.

Мы пошли к тому дому, откуда нас забрали. Николай Георгиевич попросил меня зайти в дом и, если там всё благополучно, позвать и его. Сам он медленно пошёл вдоль по улице.

В доме всё было спокойно. Бог заступился за Свой народ, и всё, что братья привезли, осталось нетронутым. Сами служители тоже благополучно ушли. Я позвал Николая Георгиевича.

Хозяйка пригласила нас к столу. Только мы сели, как появились два работника КГБ. Они признались, что три дня потратили на то, чтобы узнать, где будет наше совещание. Попросив долго не засиживаться, они ждали, пока мы поедим. Несмотря на то, что они были голодными, от приглашения покушать вежливо отказались. Когда мы вышли из дома, они тоже ушли.

После этого незаконченного совещания Геннадий Константинович ушёл на нелегальное положение. С Николаем Георгиевичем мы с тех пор не виделись более шестнадцати лет. Не знали,

конечно, что так надолго разлучимся. И не только с ним.

На одном из совещаний, незадолго до моего первого ареста, горячее слово говорил Николай Петрович Храпов. Он читал текст из Послания Тимофею: «Да будет совершен Божий человек, ко всякому доброму делу приготовлен». Освободившийся из долгосрочного заключения, этот служитель оставался бодрым, полным силы и решимости верно служить Богу, провозглашая Его заповеди всем — и малым и большим.

С Николаем Петровичем после того памятного совещания я тоже больше не виделся. Через десять лет Господь забрал его с тюремных нар в лучший мир, где он покоится со всеми святыми, ожидая и нас.

Мне посчастливилось побывать на похоронах Николая Петровича в Ташкенте. Это был благословенный Богом служитель. Его книга «Счастье потерянной жизни» до сих пор не утратила своей актуальности, побуждая молодёжь к жертвенной и святой жизни во славу Божью.

Первый арест

Тучи постепенно сгущались. В 1973 году на меня завели уголовное дело. Обвиняли по трём статьям Уголовного кодекса Украинской ССР: статья 138 — нарушение закона об отделении церкви от государства и школы от церкви; статья 187.3 — распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй, и статья 209 — посягательство на личность и права граждан под видом исполнения религиозных обрядов.

Следователю было нелегко вести дело из-за отсутствия материала для обвинения. В деле фигурировало лишь моё присутствие на многих общениях в области и за её пределами, а также некоторые беседы и проповеди. На очных ставках пред-

ставители исполкома и административных комиссий свидетельствовали о том, что меня тринадцать раз штрафовали, но я не сделал необходимых выводов и продолжаю свою религиозную деятельность.

Следователь не стал меня арестовывать, взяв подписку о невыезде и о моём согласии являться к нему по вызову. Братья предлагали мне уйти на нелегальное положение, но я отказался. Путём страданий шёл наш Господь, этим путём идут мои братья, это и мой жребий.

Однажды на работе ко мне в кабинет пришёл секретарь директора предприятия и сказал:

— Степан Григорьевич, вас срочно вызывают в КГБ!

— Я занимаюсь отчётом, у меня нет времени,— ответил я.

Пришёл сам директор. Он стал уговаривать меня, чтобы я поехал, иначе его уволят с работы.

— Я даю тебе свою машину, поезжай скорее! — просил он.

В конце концов он меня уговорил. На директорской «Волге» меня на всех парах помчали в Лисичанский КГБ.

На крыльце в ожидании стояли два полковника: начальник областного КГБ — Лебеденко и начальник городского КГБ — Остапенко. Они встретили меня, словно старого друга, с распростёртыми объятиями и улыбкой. Если бы нашу встречу увидел кто-то из христиан, то сказал бы: «Да, Степан Григорьевич в большом почёте у этих людей...»

На самом же деле это было совсем не так. Они расставляли мне сети, желая совратить с истинного пути. Все усилия чекистов не принесли успеха, и теперь меня решили испытать эти два полковника.

По мягким коврам меня завели в очень маленький, тесный кабинет. Я понял, что это какая-то лаборатория. Там стояли разные приборы, но всё было накрыто. Я не испытывал никакого волнения, на сердце было тихо и спокойно.

— Напичкали подслушивателями? — огляделся я, зайдя в этот хитрый кабинет.

Они промолчали.

В этот раз разговор был совсем коротким.

— Наши сотрудники говорят, что вы несговорчив,— заметил Остапенко. — Но я решил попытаться поговорить с вами лично.

Недолго думая, я сказал:

— Правильно говорят ваши сотрудники. Из меня никогда не получится музыкант для вашей скрипки! Никогда!

— Тогда суши сухари! — отрезал он.

— Уже насушил,— смело ответил я.

У нас дома действительно всё было готово на случай ареста — и торбочка сухарей, и вещмешок, и кирзовые сапоги. Сёстры из церкви сшили мне пару специальных рубашек.

Через две недели после встречи с полковниками мне на работу позвонил следователь и велел срочно приехать в прокуратуру.

— Я смогу ещё вернуться на своё рабочее место? — спросил я.

— Не гарантирую,— коротко ответил он.

«Значит, мой час настал»,— понял я и пошёл прощаться с сотрудниками. Они, конечно, были в недоумении и страхе. Главный бухгалтер взволнованно пообещал:

— О семье мы позаботимся...

Я поспешил домой.

— Пойдём, Асенька,— сказал жене с порога,— вызывает следователь.

Собрав детей, я прочитал им на память драгоценное обетование, данное Самим Господом: «В мире будете иметь скорбь; но мужайтесь: Я победил мир».

— Наш Господь — Победитель, Он не оставит нас,— заверил я родных. — Не будем смущаться от всех этих событий, потому что таков наш путь. Мы давно ждали этого дня. Наши братья страдают уже не один год. Вот настал и наш черёд...

Материально мы жили в то время очень бедно, потому что несколько лет строились. Я напомнил Асе и детям, что Господь по милости Своей пошлёт нам всё необходимое, если мы будем всецело уповать на Него.

Все вместе мы преклонили колени и со слезами помолились. Я предал семью Божьей благодати, будучи вполне уверен, что Господь неизменно позаботится о ней.

Славе в то время ещё не было четырёх лет.

— Папа, не ходи в милицию! — заплакал он, обхватив меня. — Не ходи!..

Мне, конечно, было нелегко оторвать его от себя, но надо было идти. И я пошёл. Пошёл со спокойной душой, без чрезмерных волнений. Я ждал этого дня и, можно сказать, томился, когда этот час наконец придёт.

Приехали с Асей в прокуратуру. Санкция на арест была уже готова. Прокурор показал мне три огромных тома и сочувственным голосом сказал:

— Это собрали чекисты. А вот эти два маленьких тома — наши, следственные,— он указал на лежащие рядом папки. — Но стоит тебе отречься от Бога, и все эти бумаги, даю тебе слово, будут в печке!

— Вы же судите меня не за нарушение закона, а за веру в Бога! Отрекаться от Него я не буду!

Прокурор тут же подписал санкцию на арест. В следующее мгновение ко мне подскочил милиционер и схватил под руку.

— Зачем ты меня хватаешь? — спросил я. — Не ты ведь привёл меня сюда! Дай мне переодеться.

— Отойди от него,— спокойно сказал милиционеру прокурор.

Я переоделся, отдал Асе свою выходную одежду. Несмотря на то, что был уже март, я взял с собой фуфайку и сапоги. Ася впервые провожала меня в далёкий путь на семь с половиной лет, хотя на тот момент мы ещё не знали, на какой срок расстаёмся.

Это было наше первое прощание. Первая разлука...

Когда меня завели в райотдел милиции, я увидел своего брата Ярослава. Оказывается, его тоже арестовали. Мы обнялись, поцеловались и сразу же помолились. Дежурный милиционер наблюдал за нами. Через короткое время нас отправили в КПЗ.

— Закрой их в разные камеры! — приказал начальник нашему конвоиру.

Так началась моя арестантская жизнь.

В неволе

В Лисичанском КПЗ мы находились девять дней. Под конец, скорее всего по заданию чекистов, надо мной решили поиздеваться. Бросили к нам в камеру какого-то одержимого человека. Он без конца рассказывал всякие несуразицы, вздрагивал от каких-то страхов: то ему казалось, что на него едет поезд, и он в ужасе начинал кричать, то на него нападала милиция, и он начинал защищаться. В камере нас было восемь, его привели девятым.

К вечеру из камеры вызвали всех, кроме меня и этого ненормального. Он — крепкий, рослый парень.

Как только всех вывели из камеры, он разделся догола и стал заниматься глупостями. Всё это как-то можно было стерпеть, если бы он не обращал внимания на меня. Но самое страшное то, что он решил надругаться надо мной! Когда он направился ко мне и я понял, с какой целью, я тут же воскликнул: «Именем Иисуса Христа повелеваю тебе отойти от меня!»

Господь поистине слышит вопль святых! Нечестивец сразу обмяк, обессилел и отошёл в угол, где у нас было отхожее место. Однако через время он снова вернулся. И всё же Господь не позволил ему сделать мне зло.

Это был потрясающий случай. Узнав об этом, Ярослав сразу спросил, почему я ничего не сообщил ему. А я был настолько взволнован и напряжён, что не мог отвлечься. Я молился и не спускал с этого безобразника глаз, наблюдая за тем, чтобы он не сделал со мной ничего гнусного.

А с коридора за нами, по всей видимости, внимательно сле-

дили. Когда все попытки навредить мне оказались безуспешными, дверь открылась и моего сокамерника, совершенно голого, вывели из камеры.

Вместо него сразу же привели другого заключённого — в шляпе, в хромовых сапогах, с перекинутым через руку плащом. Едва переступив порог, он начал ругать Советскую власть и вскоре вплотную подошёл ко мне:

— Ты почему молчишь?

— Я — христианин, знаю Священное Писание, которое не разрешает мне злословить власть,— ответил я. — Всякая власть от Бога, поэтому мы её уважаем.

Часов до трёх ночи он всё же не мог успокоиться, старался вызвать меня на критику существующей власти. Это испытание было для меня, конечно, гораздо легче первого. То было невыразимо больше и сильнее. Оказаться наедине с таким духом и силой — никому не пожелаю. Только Господь мог защитить меня и избавить, что Он и сделал по Своей милости.

После этого эксперимента нас с Ярославом увезли в луганский следственный изолятор. Там я узнал, что такое тюрьма.

Вначале нас поместили в общую камеру. Мы с Ярославом помолились и стали отвечать на бесчисленные вопросы заключённых: за что посадили, в какого Бога веруем, что такое рай и ад, какая у нас семья.

Через несколько дней нас из общей камеры перевели в подвал, где располагались так называемые тройники — камеры для рецидивистов. В них помещали в основном по три человека. Там заключённые задавали нам те же самые вопросы. Мы с Ярославом не переставали говорить о нашем Господе и вере в Него. В тройниках мы находились до суда.

В тюрьме я принял решение поститься не только по пятницам, вместе с церковью, но и по средам — умолять Господа о спасении моих детей. Ярослав поддержал меня, и мы постились и молились вместе. Этого решения я придерживался во все последующие годы и в лагере, и на ссылке. Идти в тюрьму

второй раз мне было гораздо легче, потому что к тому времени все мои дети обратились к Богу и познали Господа как своего Спасителя. Для меня это было большой радостью, утешением и отрадой.

Суд над нами был показательный и проходил в здании областного суда, в самом большом зале. Его заполнили по пригласительным билетам лекторы, директора школ и училищ. Присутствовало и много верующих.

Защищаться нам не позволили. Но в своём первом выступлении я полностью опроверг обвинения по всем статьям и показал, что меня обвиняют ложно. А в отношении 138-й статьи я категорично заявил, что никогда не буду её выполнять, потому что она противоречит Библии.

Прокурор тут же протянул руку вперёд и сказал секретарю:

— Напишите, что он отказывается выполнять советские законы!

— Хоть десять раз пишите! — не отступал я. — Я буду выполнять только то, что соответствует учению Библии!

Судья, ничего не расследуя, объявил перерыв. В это время к военизированной охране присоединился наряд милиции.

После перерыва никого из верующих в зал не впустили, кроме наших жён.

От адвокатов мы отказались. Они подтвердили, что отказ подсудимых законный, так как «их образование вполне позволяет им защищаться самим», и покинули зал.

Когда адвокаты ушли, я выразил ещё одну просьбу: освободить нас от религиозного эксперта.

— Почему? — поинтересовался судья.

— Потому что у него нет должного образования.

Посмотрев на меня с недоумением, судья спросил у эксперта, какое у него образование.

— Закончил курсы безбожников в тысяча девятьсот двадцать четвёртом году! — бодро ответил он.

Зал замер.

— Граждане судьи,— произнёс я в глубокой тишине,— неужели за годы существования Советской власти вы не воспитали более грамотных специалистов? Этот эксперт назвал Библию антисоветской литературой! Советский Союз существует каких-то пятьдесят-шестьдесят лет, а Библия — признанная во всём мире Святой Книгой — существует чуть ли не двадцать веков! Что же это за специалист? Какой он эксперт?

В зале раздался смех. Прокурор всё же распорядился оставить эксперта. Он присутствовал, но влияния никакого не имел.

Суд проходил в четверг и в пятницу на страстной неделе, когда Божий народ вспоминал страдания и смерть Господа нашего Иисуса Христа. Мы с Ярославом были в посте.

В пятницу, ближе к вечеру, нам зачитали приговор: мне — четыре с половиной года лагерей и три года ссылки, Ярославу — четыре года лагерей и два года ссылки.

Как только судья объявил приговор, к нам за решётку полетели цветы от друзей, которых впустили на зачтение приговора. Я хотел взять с собой хотя бы несколько цветочков, но конвоир вырвал их из моих рук. Меня схватили за шиворот и через чёрный ход повели в воронок.

Чтобы верующие не видели, как нас увозят, и не провожали нас, кто-то из недругов запер здание суда. Оказавшись за закрытой дверью, братья и сёстры воодушевлённо запели гимн «Жить для Иисуса, с Ним умирать — лучшую долю можно ль желать?..». Это было замечательно!

Работники Комитета государственной безопасности сделали всё для того, чтобы дать мне большой срок. Им хотелось наказать меня по всей строгости закона, как строптивого противника, который не сделал то, чего они требовали. Но больше всего чекисты не могли простить мне разоблачения Г. И. Майбороды. Когда они приезжали ко мне в лагерь, и там не оставляя меня в покое, они не раз укоряли: «Зачем ты разоблачил старика?!»

Асе было очень тяжело только от одной мысли, что семь с половиной лет ей придётся в одиночку воспитывать пятерых

Семья без отца

детей. От переживаний о будущем у неё щемило сердце. Однако Господь творил чудеса. Ни один день в её жизни не прошёл без Божьей помощи и благословений. Слабая и простодушная, Ася стала свидетелем неисчислимых милостей Небесного Отца.

Спустя годы я сравнивал свой первый и второй срок заключения и ясно увидел, насколько первый был легче второго! Как щедро Господь наделял меня Своими милостями и благословениями! Вместе со мной и моя семья была у любящего Отца на особом счету. Вечная слава Ему за это!

В лагере для заключённых

Попали мы с Ярославом в двадцать четвёртую колонию города Петровское Луганской области. В этой зоне отбывал свой пятилетний срок Павел Тимофеевич Рытиков. Когда мы с Ярославом прибыли в зону, Павлу Тимофеевичу оставалось пять месяцев до освобождения. Он работал сапожником, и у него была своя мастерская.

Павел Тимофеевич встретил нас по-братски, покормил. Наша встреча с ним как с другом и сотрудником на Божьей ниве

была для меня отрадной. Я уже изрядно соскучился по Писанию, а у него было Евангелие. При первой же возможности я начал учить наизусть главы из апостольских посланий и побуждать к этому своих братьев.

Мы много пели. Любимыми у нас были гимны «О, я грешник бедный...», «Люблю, Господь, Твой дом...», «Господь, пребудь Ты с нами...». Такие гимны, как «О Боже, о Боже, Тебя я люблю...», мы пели стоя.

Неподалёку от лагеря жил один брат, который время от времени передавал нам через надзирателя маленькую бутылочку вина и булочку. Благодаря этой заботе мы могли совершать вечерю Господню.

Богослужения мы проводили в мастерской у Павла Тимофеевича. Эти радостные общения были для нас хорошим духовным подкреплением. Пять месяцев мы жили неплохо.

Однажды, разговаривая с братьями, я как бы в шутку сказал Павлу Тимофеевичу:

— Что же ты, брат дорогой, пять лет отсидел и не знаешь, что такое ШИЗО?! Дети спросят, что это такое, а ты не сможешь объяснить!

Он улыбнулся, почесал за ухом и ничего не сказал. Прошло всего несколько дней, и вдруг представитель оперчасти и дежурный помощник начальника колонии (ДПНК) пришли к Павлу Тимофеевичу с обыском. Они забрали сапожные лоскутки, тапочки, которые он только что сшил для нас, и поместили его в ШИЗО. Вместе с ним в изолятор отправили и меня. Только его — на десять суток, а меня — на пять. Так мы оба узнали, что это за заведение.

В ноябре у Павла Тимофеевича закончился срок. К лагерным воротам подъехало несколько автомобилей — друзья встречали узника торжественно, с цветами. Администрация колонии долго ещё говорила о взаимоотношениях между верующими, удивляясь, как много живых цветов они привезли Павлу Тимофеевичу, несмотря на позднюю осень.

В молитвенной комнатке

Цветы и в лагере для заключённых цветут, если их любят

У меня, как у бухгалтера, в лагере была такая работа: нарядчик давал мне данные, кто из заключённых на каком довольствии, и я вычислял, сколько продуктов положено каждому на следующие сутки. Работа мне нравилась.

Через некоторое время вольнонаёмный комендант попросил начальника колонии перевести меня на другую работу. Мне выделили неоштукатуренный сарайчик, в котором хранились ломы, лопаты, краски, лаки. Я должен был оформлять наряды и выдавать заключённым инструменты для работы.

Во время ремонта в моём рабочем помещении я отделил себе комнатку, и мы с братьями собирались в ней для молитвы и общения. Тогда в лагере было несколько верующих: я, мой брат Ярослав, Георгий Акимович Романович и Михаил Иванович Дулепов (оба из Крыма), а также два пятидесятника. Замполит старался сделать всё, чтобы мы не собирались вместе. Но заместитель начальника по режиму, которого все боялись за строгость, относился к нам хорошо и даже защищал нас.

— Верующим же надо где-то помолиться! — говорил он замполиту, а нам строго чеканил: — Помолились, и тут же разошлись, здесь вам не монастырь!

С пятидесятниками я молился только один раз. Когда они прибыли в лагерь, я взял их в свою каптёрку, накормил. Они настрадались во время суда, наплакались. Думали, что здесь их сгноят, что они не выдержат и умрут в заключении от голода.

Когда мы вместе помолились, я сказал:

— Больше я с вами молиться не буду. Приходите, будем беседовать, но говорить «аминь» на вашу молитву я не могу.

Один из них был замечательным мастером-краснодеревщиком. Он преобразил весь лагерь, реконструировал некоторые станки, переделал кузов на машине, которая возила хлеб. Водитель в знак благодарности привёз ему полмешка муки (по его просьбе). А начальник лагеря распорядился, чтобы краснодеревщику каждый день выдавали молоко, как работнику вредного производства. Из этого молока пятидесятник делал творог, и

по воскресеньям мы собирались в моей комнатушке и лепили вареники. Потом у нас был пир: мы ели вареники с творогом и запивали простоквашей.

— Ну что, теперь не умрёшь с голоду? — спрашивал я у него, напоминая о былых страхах.

В колонии время от времени читали лекции на атеистические темы. Зэков загоняли на летнюю площадку и внушали им, что Бога нет. Пятидесятники на эти лекции не ходили. А я ходил и иногда их приглашал: вы же считаете себя духовными, пойдёмте, будем провозглашать истину. Но они только ёжились от страха и отмалчивались.

Мне нравилось задавать лекторам вопросы, на которые у них не было ответа. Мне хотелось, чтобы каждый задумался о том, что он появился на земле не случайно, что на небе действительно есть Бог — живой, всевидящий и всезнающий, Он — Творец неба и земли.

Давать мне микрофон обычно не хотели, предлагали говорить с места, но я старался не упускать возможности и говорил лектору:

— Вы выплеснули на всё это общество целый ковш грязи, так дайте мне хоть несколько слов сказать для их души, которая томится в грехах, желая счастья, желая блага, которое может дать только Бог!

— Дайте Григорьевичу слово! — кричали заключённые. — Дайте ему микрофон!

Я успевал сказать буквально несколько предложений, и замполит забирал у меня микрофон со словами:

— Меня же с работы уволят!

Вот такие интересные моменты бывали в серых буднях арестантской жизни.

Уже после освобождения Павла Тимофеевича один из политических заключённых принял от нас учение Иисуса Христа. Он сидел за критику в адрес правительства. Хотя у него был серьёзный физический недостаток (горб на спине), он обладал

смышлёностью, много читал. Мы с ним много беседовали, и он встал на путь веры. Для нас это было большой радостью. Когда он покаялся первый раз, мы поняли, что он сделал это формально, только умом понимая, что это надо сделать, потому что Бог святой, а он — грешник. Но через время этот человек искренне обратился к Богу.

Однажды он встретил меня возле барака и попросил:

— Степан Григорьевич, открой каптёрку, я хочу молиться!

Когда я впустил его в свою комнатушку, он упал на колени и стал со слезами сокрушаться о своей греховности. Хорошо чувствовалось, что его покаяние настоящее, искреннее.

К сожалению, впоследствии я потерял его из виду и не знаю, устоял ли он в вере. С ним чекисты тоже много работали. Его ненавидели вначале как политического, потом как христианина.

Однажды ко мне на склад пришёл оперуполномоченный с каким-то человеком в гражданском. Я в это время разливал краску. Они попросили отлить им одну банку.

— Могу выдать только по распоряжению коменданта,— ответил я.

Они молча посмотрели на меня, потом внимательным взглядом окинули склад и ушли. Через время я почувствовал сильное побуждение выйти на улицу и посмотреть, куда ушли эти начальники. Смотрю: они вместе с нарядчиком разбирают фронтон! У меня всё похолодело внутри. Я сразу понял, для чего им надо забраться на чердак...

Вскоре задумавшие сделать зло были на чердаке. Я замер и стал прислушиваться. Они прошли до того места, где находилась моя комнатка, и стали сверлить в потолке дыру. Когда они ушли, я попросил одного молодого заключённого залезть и посмотреть, что они там оставили. Он обнаружил в просверлённом отверстии маленький микрофон, к которому подходил проводок от блока питания, висящего на стропилах. По всей видимости, кому-то хотелось знать, о чём мы говорим, когда собираемся вместе.

В тот же вечер я сказал братьям, что разговаривать здесь много не будем — помолимся и разойдёмся. Ярослав предлагал снять подслушиватель и передать друзьям на волю вместе с сообщением о том, что делают чекисты. Но остальные не советовали обострять обстановку.

Через некоторое время микрофон исчез, потому что подслушивать было нечего, мы старались разговаривать на улице, а в каптёрке только молились.

Вскоре Михаила Ивановича и Ярослава перевели в другую колонию, где условия жизни были гораздо хуже. Мы остались с Георгием Акимовичем. Он был для меня большим примером кротости и упования на Бога.

Работа у него была очень вредная — он трудился в цехе, где готовили чехлы для ракет. Специальную смолу надо было разводить и быстро формовать. Из-за промедления смола могла загореться прямо в руках. От высокой температуры сильно трескалась кожа.

Я говорил ему:

— Жора, ты такой хороший закройщик! Попроси, чтобы тебя перевели в швейный цех, зачем ты сидишь тут на смоле, тебе уже все руки разъело!

— Проситься не буду,— отвечал он мне совершенно спокойно. — Если Богу угодно, Он сделает так, что сами переведут...

Ко мне же начальник колонии относился почему-то благосклонно, и я пользовался некоторыми привилегиями. Мне выдали пропуск, и я мог заходить в любой цех, в любой отряд. В моём распоряжении было несколько сварщиков, плотник, слесарь и столяр.

Правда, КГБ не оставлял меня и здесь. На протяжении четырёх с половиной лет чекисты постоянно искали, как бы меня скомпрометировать. Однажды вызвали к начальнику колонии. Я быстро оглядел себя: бирочка на месте, всё в порядке. Зашёл в кабинет, а там сидит И. А. Ромашко. На нём — форма подполковника. Я никогда не видел его в форме, на беседу

со мной он всегда приходил в гражданском.

Как только я зашёл, начальника колонии словно ветром сдуло. Так они боялись чекистов!

Ромашко встал мне навстречу с улыбкой, дружески протянул руку:

— Здравствуй, Степан!

Я держал руки за спиной:

— Осуждённым не положено здороваться за руку.

— Ну что ты! — не опускал он руки. — Мы же старые знакомые...

— Нет, не положено.

Сколько он ни ходил вокруг меня, я так и не дал ему руку. Не добившись своего, он сел.

Рядом с ним стоял полуоткрытый саквояж, в котором можно было увидеть колбасу, сгущённое молоко, печенье.

— Садись, Степан, расскажи, как живёшь,— непринуждённо начал Ромашко.

Я не стал садиться.

— Вы знаете стихотворение «Цуцик»? — спросил я, не сводя с него глаз.

Это стихотворение на украинском языке про двух псов. Комнатная собачка рассказывает дворовому псу, как ей хорошо живётся, благодаря тому что она может служить на задних лапках. А дворняжка жалуется, как ей плохо живётся, потому что она не умеет служить.

— Нет, я забыл, хотя в школе учили... — ответил Ромашко.

— Ну, я напомню,— вдохновился я. — Дворовый пёс отвечает домашнему так:

Живу собі, бо треба жити;
Двір стережу і день і ніч;
Всього доводиться терпіти,
Не так, як ти, панич,—

и показываю на него рукой.

Он слегка улыбнулся и кивнул головой. А я продолжил:

— Та ще к тому і їжа препогана,
Хлиснеш помий, коли дадуть,
А як невлад загавкаєш на пана,
То ще й під боки натовчуть.

Я улыбнулся и серьёзно добавил:

— Вот так приблизительно и живу...

— Да, тяжело тебе,— застучал он пальцами по столу. — Представляю, как тебе тяжело...

— Я знаю, для чего вы приехали,— сказал я, когда он задумчиво замолчал. — Вы хотите посмотреть, не раскис ли здесь интеллигент, не готов ли он попросить у вас пощады. Вы дали мне солидный срок, а теперь приехали с сумочкой, как благодетель,— не протянет ли Степан вам руку: помогите, мол, избавьте меня от этого ярма! Нет, такого не будет! Прикройте свой саквояж, оттуда я и крошки не возьму. Ничего мне не нужно. У меня всё есть, я всем доволен, у меня всё прекрасно. Одна только просьба к вам: оставьте меня в покое, я не хочу вас больше видеть! Лучше я погибну в застенках, чем иметь с вами какое-то дело!

Его, по-видимому, тронула моя искренность, и он поникшим голосом сказал:

— Степан! Меня скоро выгонят из КГБ. Уже рапорт есть. Спился я совсем. Сильно пью...

Так и случилось. Больше Ромашко я никогда не видел.

Такие люди — герои до поры до времени. А как только какая беда постучится, сразу становятся маленькими и мелочными. Бог давал мне смелость, и я их не боялся.

Пришло время, и чекисты ни с того ни с сего обрушились на меня с новой силой.

— Вы создали Германюку тепличные условия! — укоряли они администрацию лагеря. — Немедленно переведите его на другую работу, чтобы он почувствовал, где находится!

Начальник колонии перевёл меня в цех химического производства, где работал Романович. Тяжёлая это была работа, но и платили за неё гораздо больше. Мне казалось, что раньше я никогда так слёзно не молился: встану, бывало, в сушилке на колени и плачу, взывая к Богу о помощи.

Конец срока

Время, ни на что невзирая, отсчитывало дни, месяцы и годы, и мой срок приблизился к концу.

Однажды в рабочее время меня позвали в кабинет замполита. Предчувствуя, что меня там ждёт, я отказался:

— Не могу, мне надо выполнить норму!

Дневальный приходил за мной трижды, и я вынужден был пойти.

В кабинете замполита сидели двое в гражданском. Они встретили меня с распростёртыми объятиями, с улыбкой протягивая руку.

— Я человек рабочий, у меня руки грязные,— показал я свои ладони.

— А если бы рука была чистая, подал бы? — спросил тот, что постарше.

— Нет, чистую тоже не подал бы,— признался я.

— Спасибо за откровенность,— с некоторым разочарованием кивнул он.

— С кем имею дело? — спросил я.

— Да мы... работники... — засмеялся более молодой.

— Я должен знать, кто вы. Иначе разговаривать с вами не буду.

Видя мою категоричность, тот, что помоложе, показал своё удостоверение:

— Майор Фесуненко. Я из Киева, работник Комитета государственной безопасности.

Седовласый тоже предъявил своё удостоверение. Это был полковник Волынюк Иван Иванович из Луганска.

Они начали говорить мне о соединении со ВСЕХБ.

— Сейчас во всём мире происходит объединение религий. Почему бы и вам не присоединиться к этому движению? Мы будем вам помогать.

— Я сейчас — заключённый, и впереди у меня ещё ссылка,— сказал я в ответ. — Поэтому никакие вопросы решать не могу. Но даже если бы и мог, то был бы против этого движения. Оно не соответствует Библии.

Они резко поменяли тему.

— Мы иногда оставляем семью на месяц, и это так тяжело! — с ноткой сочувствия проговорил Волынюк. — А вы уже так долго без семьи... Может, подумаем об освобождении? Детям и жене очень трудно без вас.

— Пусть всё идёт так, как определил Бог,— сказал я. — Моя судьба в Его руке.

На этом наша короткая беседа закончилась.

После моего ухода начальник колонии обратился к ним с жалобой:

— Германюк хороший хозяйственник, но местный КГБ велит ставить его только на чёрную работу.

— Здесь ты хозяин,— сказал ему Фесуненко. — А местных работников КГБ гони отсюда, пусть они тобой не распоряжаются! Где нужен тебе Германюк, там его и используй.

Через несколько дней после этого разговора начальник пришёл ко мне в цех. Я формовал детали из смолы, напевая любимые песни.

— Похоже, химия обойдётся и без тебя,— похлопал он меня по плечу. — Мы переведём тебя на хозяйство.

— Да мне и тут неплохо,— сказал я.

— Знаю, знаю! — засмеялся он и ушёл.

Меня действительно перевели в хозяйственную часть, и я до конца срока занимался благоустройством лагеря: смотрел, где

надо побелить, покрасить, поставить мусорные ящики. В бараках стало чисто. Где только можно было, я посеял цветы.

Заметив, что металлическая лестница на второй этаж поржавела, я послал этапников, и они почистили лестницу и покрасили. Через пару дней после этого начальник колонии делал обход вместе с главным инженером и руководителями цехов.

— Кто покрасил лестницу? — спросил начальник.

— Германюк.

— Я бы таким людям ордена давал, а не в тюрьму сажал! — воскликнул он.

В сентябре 1977 года заканчивался срок моего заключения. Впереди — три года ссылки.

Чем ближе был день освобождения, тем больше нарастало в моём сердце беспокойство о том, куда же меня отправят. Я несколько раз спрашивал об этом то одного, то другого начальника, но мне никто ничего не мог сказать. В спецчасти были люди, которые меня уважали, но они тоже пока ничего не знали. Там работала женщина, родители которой были христианами. Она иногда кое-что сообщала мне (так, чтобы этого никто не заметил). Я и её спрашивал, но о месте моей ссылки она тоже ничего не знала.

За три дня до окончания срока меня подозвал ДПНК и сообщил:

— Ночью, во время моего дежурства, пришла телефонограмма. Тебя отправляют в Хабаровский край. Только молчи, я тебе ничего не говорил!

Я сразу же сообщил об этом Асе (у меня была налажена связь с ней) и попросил её приехать за сутки до освобождения — может, начальник даст нам свидание. Ася приехала, и нам разрешили свидание. Она привезла мне продуктов, и я мог собраться в дальнюю дорогу.

Перед тем как пойти на свидание, я провёл прощальный вечер с заключёнными. Ко мне многие относились с большим уважением. Я в последний раз напомнил им о Боге, попросил

Личное свидание в лагере для заключённых

не забывать мои наставления: не сквернословить, не обижать друг друга.

Утром начальник спецчасти попросил начальника колонии:

— Дайте автозак* отвезти Германюка в тюрьму.

— Это не тот человек, чтобы его на воронке везти,— сказал начальник колонии. — Возьми автобус.

Этот диалог начальник спецчасти передал мне по дороге в тюрьму.

Как только мы выехали за ворота, я увидел свою Асю. Она ждала моего освобождения! Начальник велел взять её в автобус, и мы ехали рядом до самого Луганска — около восьмидесяти километров!

Проезжая через какой-то посёлок, я вдруг увидел пасущихся гусей. Более четырёх лет не был на свободе, и эта обычная картина тронула меня до глубины души.

* Автозак — это специальная машина, в которой перевозят заключённых.

— Смотри, гуси! Гуси! — не сдержался я.

— Тише! — улыбнулась Ася, сжимая мою руку. — Что здесь такого: гуси как гуси...

Подъехали к тюрьме, к её громадным воротам. Я вышел из автобуса с рюкзаком и сумкой. Ася тоже вышла и стояла рядом со мной.

Ворота почему-то долго не открывались, и сопровождавший нас начальник спецчасти пошёл к окошку.

В этот момент можно было убежать, но я не намеревался это делать, потому что это неправильно. И всё же, если бы я знал, каким тяжёлым будет этап, я бы, наверное, убежал и поехал в Хабаровск за свой счёт!

Ворота наконец открылись, и ненасытное жерло тюрьмы тут же поглотило меня. С тяжёлым сердцем Ася направилась к друзьям, чтобы сообщить, что меня привезли в тюрьму, и помолиться с ними.

Этап

Этап длился два месяца. С луганской тюрьмы меня повезли в Николаевск-на-Амуре. Пришлось побывать в десяти пересыльных тюрьмах. Только на шестидесятые сутки я прибыл в пункт моего назначения — посёлок Чумикан Хабаровского края.

Это был очень тяжёлый этап: переполненные камеры, перегруженные столыпинские вагоны. В купе, в котором обычно едут четверо, заключённых помещали по семнадцать—двадцать человек. В таком количестве мы ехали четверо суток.

На дорогу в пересыльных тюрьмах выдавали булку чёрного хлеба и несколько солёных рыбёшек — либо тюльку, либо кильку. Большинство заключённых съедали паёк в один присест, а потом ехали голодными. В пути воду давали, хотя и

ограниченно, но с туалетом всегда были проблемы — солдаты не хотели выводить заключённых из купе, и многим приходилось из-за этого страдать.

На станциях, где нас пересаживали из вагона в воронок, тоже были трудности. Чаще всего заключённые не помещались в машину, и солдаты вталкивали нас сапогами, словно дрова.

Невозможно описать все невзгоды этапного пути. Пришлось повидать очень много насилия, претерпеть всевозможные оскорбления. Довелось покормить клопов и много страдать от вшей.

В каждой тюрьме свои особенности, свои проблемы. В луганской — очень много насекомых, много грязи. А в громадной харьковской тюрьме было немного легче. Нас поместили в неплохую этапную камеру, где находилось всего несколько человек. К тому же там нас сводили в баню и прожарили нашу одежду.

Свердловская тюрьма — очень большая, и беспредела в ней тоже много. Там сокамерники разорили мою сумку — разрезали лезвием на куски и, пока я спал, вытащили всё, что у меня было.

— Что скажешь, отец? — спросили потом, улыбаясь.

— Прощаю вам,— сказал я. — Вы же голодные. Но так делать не следовало. Вы бы лучше попросили, я бы дал.

После этого я совершенно искренне благодарил Бога за то, что у меня в сумке ничего нет и я скитаюсь по тюрьмам, как все заключённые.

Новосибирская тюрьма оказалась самой чистой.

Красноярская тюрьма — старинная, деревянная, но обстановка в ней какая-то тяжёлая, гнетущая. Там мне дали что-то, похожее на матрац. Неизвестно, сколько людей спало на нём, от ваты остались одни клочья. Ночевать нас загнали в карцер. На полу и на стенах я увидел кровь. Похоже, кого-то сильно били, возможно до смерти. Одну ночь мы ночевали в камере смертников. Очень мрачная камера — стулья и стол железные, забетонированные, на окнах усиленные решётки.

Иркутская тюрьма — особая, обстановка в ней непомерно тяжёлая. В камерах стояли трёхъярусные нары, и подниматься на верхние ярусы надо было по неудобной деревянной лестнице. Мы пришли в эту тюрьму усталые и измученные и буквально упали в бессилии на нары. Но не успели задремать, как на нас напали полчища клопов. Они жалили беспощадно. Мы включили свет и до утра не спали, собирая насекомых в мыльницы и банки.

Утром мы объявили голодовку.

— Не обманывайте,— сказал врач, зайдя в камеру,— здесь всё чисто, никаких клопов нет!

Как вещественное доказательство, мы подали ему полные мыльницы. Он в ужасе отпрянул. Нас сразу же перевели в другую камеру и прожарили наши вещи.

Этап был трудным и в то же время насыщенным Божьими благословениями. За два месяца меня никто не побил, не обидел. Как-то раз один алиментщик — высокий, крепкий парень, решил меня задеть и стал с насмешкой задавать глупые вопросы. Около двадцати человек наблюдали за нашим разговором. Я всегда мысленно просил у Господа мудрости, как вести себя, и Он помогал мне. Когда зэки поняли, что насмешнику не удалось посадить меня в калошу, они тут же загнали его под нижнюю полку. Там такая система — верх берут не силой, а ловкостью ума. И алиментщик затих, замолчал и больше не приставал ко мне.

Я всегда и всем говорил о Боге, о Его любви и всемогуществе. Заходя в камеру, я никогда не останавливался у порога, как это делают новички. Поздоровавшись, я проходил к столу и говорил: «Я верующий, разрешите помолиться». И начинал шёпотом молиться. Иногда я преклонял колени, иногда обращался к Богу стоя. Заключённые наблюдали за мной, и у них сразу же появлялось множество вопросов. Бог давал мне мудрость отвечать на самые каверзные из них, так что хулители и насмешники оставались пристыженными.

Моё путешествие на место ссылки Ася сопровождала телеграммами. Меня ещё нет в тюрьме, а у начальника уже лежит на столе телеграмма от жены: «Где мой муж? Сообщите, как он прибыл». Удивляясь такой внимательности, начальники сообщали ей, когда я прибыл и куда буду направлен дальше.

С Божьей помощью прибыл в Хабаровск. От Луганска это очень далеко. В хабаровской тюрьме меня держали тринадцать суток. Исполком никак не мог решить, куда меня отправить. Божьи враги очень хотели нанести вред моему здоровью, создать для меня самые трудные условия, иначе могли бы оставить и в Хабаровске.

Хабаровская тюрьма отличалась тем, что с вечера до утра никто из надзирателей не проверял, что делается в камерах. Там я стал свидетелем насилия, избиений и всевозможного горя.

В камере царил произвол — кто что хотел, то и делал. Одни отобрали у кого-то сахар и задумали сварить из него жжёнку. Её использовали как наркотик. Чтобы пережечь сахар, спалили деревянный стол. Другие завесили нары фуфайками и насиловали там тех, кто поддавался на их уловки, слабовольных.

Несмотря на то, что я прибыл в хабаровскую тюрьму очень усталый, уснуть в камере не смог. Утром было распределение, и меня перевели к убийцам. Там один паренёк сильно ругался, причём в ругательстве упоминал имя Бога, и я при всех спросил его:

— Вова, а Бог есть?

— Нету,— категорично заявил он.

— Зачем же ты упоминаешь Его имя, да ещё с такими страшными ругательствами?

Пока он думал, что мне ответить, я сказал:

— Перестань ругаться! Это опасно. Бог есть, хотя ты этому и не веришь. Он всемогущий и может так повернуть твою голову, что будешь не вперёд смотреть, а назад. Прошу тебя, не ругайся!

И он перестал сквернословить. Через пару дней в нашу ка-

меру поместили человека, который тоже сильно матерился.

— Тише ты,— сказали ему зэки,— у нас тут святой человек!

— Святой?! — с гонором спросил новенький. — Верит в Бога? Завтра он будет отрекаться от Него!

Я в это время дремал на нарах. А когда проснулся, новенький подсел ко мне. Прожжённый, мало похожий на человека, он насмешливо спросил:

— Ты что, отец, веришь в Бога?

— Да, верю.

Я стал рассказывать ему, в какого Бога я верю, что Он сделал для меня, как Он любит Своё творение. Продекламировал ему оду Державина «Бог», процитировал немало мест из Библии. Он внимательно слушал, слушал, а потом встал и на всю камеру выкрикнул:

— Ребята, Бог точно есть!

В хабаровской тюрьме я помогал заключённым писать кассационные жалобы и другие заявления, кому какие требовалось. А вечерами до двух часов ночи рассказывал им об Иисусе Христе. За тринадцать вечеров, которые я провёл в этой камере, я рассказал по порядку всё Евангелие. На тринадцатые сутки дошёл до распятия Христа и запереживал, о чём рассказывать завтра. Но в три часа ночи меня разбудил дежурный:

— Германюк, с вещами на выход!

Вещей у меня почти не было. Я взял свою полупустую сумку и хотел выйти. Но заключённые все проснулись и стали бросать мне свою одежду: кто свитер, кто тёплые штаны, кто меховую шапку.

— Бери, отец, пригодится! — приговаривали они.

Так меня снабдили всем необходимым.

В коридоре мне надели наручники. Охрана состояла из четырёх солдат и майора. Меня предупредили, чтобы не разговаривал и не поворачивался.

Привезли в аэропорт и посадили в пассажирский самолёт Ан-24. Два солдата сели впереди, два — сзади, а майор —

рядом. Люди смотрели на меня с опаской и осуждением. Я был в их глазах страшным преступником.

Прилетели в Николаевск-на-Амуре. Тюрьма там показалась мне родным домом, потому что два месяца уже жил впроголодь, а там накормили такой наваристой ухой из красной рыбы, что было по-настоящему вкусно. Хлеб тоже дали хороший, совсем не тюремной спецвыпечки.

Во время этапа в каждой тюрьме проводили личный обыск, тщательно проверяли вещи, прощупывали все рубцы, чтобы не провёз какого рубля. У меня была спрятана десятка. Она прошла через все тюрьмы.

В Николаевске старшина, похоже, был опытный, проверял весьма тщательно. Я усиленно взывал к Господу, чтобы Он сохранил десятирублёвку, ведь она мне будет очень нужна! Смотрю, осталось сантиметра три до того места, где были спрятаны деньги. Вдруг подходит капитан и говорит старшине:

— Что ты роешься в этих гнидниках! Они прошли не одну тюрьму, что ты хочешь там найти?!

Старшина бросил мне мою вещь, и десятка осталась необнаруженной. Бог сделал чудо в ответ на мою мольбу!

Через несколько суток меня отвезли в аэропорт, уже без наручников. Погода была нелётная. Весь день мы ждали рейс на Чумикан. Мои охранники покупали булочки, пили чай, а я сидел голодный. Мне казалось, я проглотил бы булочку не жевавши, но мне никто ничего не давал, пока мы не вернулись в тюрьму. Там я получил свою пайку.

На второй день рейса на Чумикан тоже не было. Лишь на третий день меня посадили в самолёт.

Глядя в иллюминатор на бескрайние просторы Дальнего Востока, я думал: куда же меня отправили? где мне придётся жить целых три года? Внизу виднелись лишь болота и озёра, никакой растительности не было.

— Чумикан! — наконец объявила стюардесса.

Спустившись по трапу, я огляделся: ни одного милиционера.

«Возможно, я не там вышел»,— мелькнуло у меня в голове.

Четыре с половиной года я находился под постоянным надзором, и вдруг — никого рядом нет...

— Вы Германюк? — подошёл ко мне диспетчер.

— Да.

— Ваши документы у нас. Не волнуйтесь, отсюда вы никуда не сбежите, даже если захотите. Посёлок находится в четырёх километрах от аэропорта. Автобусы здесь не ходят. Идите в отделение милиции. Документы будут у начальника.

Так я оказался в Чумикане, на севере Хабаровского края, в десяти тысячах километров от дома.

В Чумикане

Ноябрь. Холодно. Сильный ветер валит с ног.

Со мной в ссылку прибыл ещё один заключённый — Михаил. Он отсидел срок по политической статье. Я снял головной убор и в присутствии Михаила сказал:

— Господня земля и всё, что наполняет её! Если здесь живут люди, то проживу и я. Буду и на этой земле благословлять Тебя, Всевышний, Господь мой и Бог мой!

Я был очень рад тёплым вещам, которые дали мне сокамерники в Хабаровске. Моего попутчика пронизывал ветер, и я дал ему телогрейку и меховую шапку.

Отправились в посёлок. Он показался нам совсем маленьким, страшненьким, затерянным в тайге. Казалось, в нём больше собак, чем людей. Да я и не ожидал, что меня отправят на ссылку в хорошее место.

В прокуренной, замусоленной одежде, небритые, мы зашли к начальнику милиции.

— И здесь будешь агитировать? — холодно спросил он, посмотрев моё дело. — Нет, здесь не будешь! — добавил угрожающе.

Я немного помолчал. Не было особого желания что-то говорить этому человеку. Но всё же я сказал:

— Я проповедник Евангелия по призванию, по своему глубокому убеждению, и не проповедовать — просто не могу.

— Знаем вас! — махнул он рукой. — Через неделю-другую будете пить, как и все. Здесь все пьют,— повторил он вполне убеждённо.

Начальник милиции определил нас на работу. Политического — на столярные работы в РСУ, так как он объявил себя столяром, а меня, как бухгалтера,— в райпотребсоюз.

Я был настолько уставшим, что качался от ветра и почти не мог говорить. Грязный, обросший, голодный, я жаждал обычных человеческих условий, хотел привести себя в порядок и отдохнуть. Но преклонить голову было негде.

Придя в РАЙПО, я сказал:

— Меня направили к вам на работу. Я ссыльный, верю в Бога, за что и оказался в ваших краях.

Люди, оставив свою работу, смотрели на меня с удивлением. Никто из них ни разу не видел в этом посёлке верующего человека.

Меня приняли на должность завхоза и выделили комнату в общежитии. Придя туда и увидев, что там творится — грязь, беспробудное пьянство, неописуемый разврат,— я решил, что ни одной ночи не буду там находиться. Ни одной!

Я поселился в гостинице и попросил сотрудников помочь мне найти жильё.

Кассир из РАЙПО — Надежда Ефимовна Вьюшкова — вызвалась пройти со мной по селу и поискать квартиру. Позже я узнал, что родители её мужа были верующими. Немного пообщавшись со мной, она дома сказала мужу:

— Илюша, в Чумикан сослали человека, который верит в Бога, как твой отец. Наверно, он приехал сюда ради нас...

Долго мы ходили с Надеждой Ефимовной по посёлку, но люди не соглашались принимать ссыльного, говоря:

В Чумикане

Красота Чумикана

— Нет, хватит, надоели уже эти дебоширы и пьяницы!

Зашли к одной старушке, мордвинке.

— Нет, не хочу ссыльного! — сразу отказала она.

Я стал упрашивать её:

— Бабушка, я верю в Бога. Вы не пожалеете, что приняли меня на квартиру. Я буду вам помогать!

— Да, он верующий,— подтвердила Надежда Ефимовна,— впустите его, пожалуйста!

— Ну, ежели боговерующий, то приму. Приходи через два дня, у меня сейчас ремонт. Двадцать пять рублей в месяц будешь платить.

— Хорошо, буду платить обязательно! — обрадовался я.

В тот же день я зашёл к Михаилу посмотреть, как он устроился. Он сидел на голой кровати и дрожал от холода.

— Нас привезли сюда умирать! — обречённо произнёс он. — В общежитии страх как холодно! Есть абсолютно нечего. Мы тут не выживем!

— Сколько денег выдали тебе? — спросил я.

— Десять рублей.

Я повёл его в магазин, купил электроплиту за четыре с половиной рубля, а на остальные деньги мы взяли сухого молока, макарон, картошки и прочей мелочи. Вернувшись в общежитие, я сварил ему молочный суп, приготовил борщ. Он поел и ожил, заулыбался.

Я старался убедить его ни в коем случае не прикасаться к алкоголю:

— Тогда выживешь и вернёшься к семье, а иначе — точно погибнешь!

Как-то раз после обеда я пошёл на реку. Через Чумикан течёт Уда и впадает в Охотское море. Река уже покрылась льдом. Мужчины делали лунки и ловили рыбу на так называемую махалку — пустой крючок, прикреплённый леской к небольшой палке. Возле каждого рыбака лежали горы наваги.

— Дайте мне одну махалочку! — попросил я.

Они поняли, что я ссыльный, и дали. За несколько минут я поймал около ста рыбин.

— Можно, я возьму с собой две-три штуки? — спросил у рыбаков.

Они рассмеялись, нагрузили мне в мешок несколько килограммов, и я пошёл в общежитие к Михаилу. Там мы почистили рыбу, пожарили и вволю наелись.

— Нет, кажется, мы не пропадём! — повеселел Михаил.

— Бог не даст нам пропасть,— уверенно сказал я. — А без Бога жизни нет...

В назначенный день я пришёл к старушке, которая обещала взять меня на квартиру. Ремонт уже закончился, в доме было чисто, выкрашено.

Хозяйка выделила мне комнатушку, в которой поставила кровать и стул. Я преклонил там колени и вслух помолился — поблагодарил Бога за крышу над головой, за хозяйку, принявшую меня, попросил благословения на жизнь в этом помещении.

Вечером, после всех скитаний, я поел картошки в мундирах и холодца — так гостеприимно встретила меня хозяйка дома.

Ещё до моего прибытия в Чумикан Ася прислала мне солидную сумму на продукты и одежду. На следующий день по прибытию ко мне подошёл почтовый работник и сказал:

— Вы Германюк? Вам пришёл перевод, зайдите получите.

В Чумикане в те годы было очень хорошее снабжение — там было всё, что только душа пожелает. В первую очередь я купил себе обувь и меховую куртку. Затем купил радиоприёмник, чтобы слушать христианские радиопередачи из Филиппин. Вещание было прекрасным, и я наслаждался проповедями и пением.

Так началась моя жизнь на ссылке. Я написал Асе письмо, поблагодарил и её, и церковь за великодушную заботу обо мне. Сообщил также, что чекисты выполнили свою угрозу и завезли меня в такое место, куда Макар телят не гонял. Я написал, как тяжело сюда добираться, и обречённо заявил, что нам суждено три года не видеть друг друга.

Чудесная встреча

Получив моё письмо, Ася поехала за советом в Киев, к Лидии Михайловне Винс.

— Немедленно езжай, проведай его! — сказала Лидия Михайловна.

Эта дорогая сестра, будучи председателем Совета родственников узников, по-матерински относилась ко всем узникам и их семьям. Она дала Асе денег на дорогу, подарила ей свою шубу, чтобы Ася не замёрзла, и попросила ехать как можно скорее.

Ася прилетела ко мне 25 декабря, в день Рождества Христова. Мне сообщили из аэропорта, что прилетела жена. В это время года в Чумикане свирепствуют бураны. Снега выпало столько, что от телеграфных столбов остались одни верхушки. Я метался, не зная, как забрать Асю из аэропорта. Но Господь и здесь совершил чудо.

Одним рейсом с Асей прилетел в Чумикан секретарь райкома партии. За ним послали военный вездеход-амфибию.

Вездеход-амфибия 70-х годов

На этом автомобиле, вместе с секретарём райкома привезли и мою жену! Увидев, что возле конторы остановилась необычная машина, я не успел ничего подумать, как в открывшемся люке появилась моя Асенька!

Я побежал и помог ей выбраться.

— Ой, куда же тебя загнали?! — воскликнула Ася, озираясь.

Вокруг снег — выше человеческого роста, да такой мягкий, что в нём можно просто утонуть.

Сердце Аси надрывалось от переживаний: как тут жить? Она не могла согласиться с тем, чтобы я оставался здесь один.

Ася побыла у меня всего четыре дня. Мы посетили с ней семью Ильи Андреевича и Надежды Ефимовны Вьюшковых. К тому времени они стали приближаться к Богу.

Вечерами мы с Асей много пели, находя утешение в поэтических строках. Такие песни, как «Да, и Сибирь, брат, Божия земля...», соответствовали нашим переживаниям. Особенно часто мы пели мой любимый псалом «О молитва, о молитва...». Слова «За окном бушует ветер, хлещет снегом ледяным, и такой же бурей в сердце в этот вечер я томим» вполне соответствовали моим обстоятельствам. Поэтому мы пели вдохновенно, прочувствованно.

К Новому году Ася улетела домой с твёрдым намерением к весне продать всё наше имущество и прилететь в Чумикан вместе с детьми.

После уезда Аси жизнь моя вновь стала серой и размеренной. Я жил на квартире. Каждый день ходил на работу, потом колол дрова, топил печь, убирал в доме, часто готовил украинский борщ и вареники.

Когда пришло время платить за квартиру, хозяйка категорически отказалась брать деньги:

— Ни копеечки не возьму! Это я должна тебе платить!

Сама она работала в трёх местах: сторожем в райкоме, разнорабочей в том же райкоме и грузчицей на каком-то складе. Добрая по характеру, она портила себе жизнь тем, что очень ча-

сто употребляла спиртное. Она пропивала всё, что зарабатывала. Я много говорил ей о Боге, но до неё почти ничего не доходило. Я умолял её бросить пить, но она об этом и слушать не хотела.

Однажды моя хозяйка принесла бутылку шампанского и стала упрашивать меня:

— Григорьевич, ну хоть напёрсточек выпей! Нынче праздник великий, выпей!

Но я твёрдо сказал:

— Ни капли! Я же вам говорил, что не пью и никогда не буду пить!

Я почему-то сразу почувствовал, что это какая-то провокация. Старушка была очень настойчива. Позже стало известно, что бутылку ей дал начальник милиции. Он хотел доказать, что я такой же, как все. Но у него ничего не получилось. Моя хозяйка вернула ему шампанское со словами:

— Не пьёт. Совсем не пьёт.

Что означает слово «чумикан», я так и не узнал. Посёлок находился на самом берегу Охотского моря. Проживали там в основном тунгусы, эвенки, нанайцы и якуты. Добраться в Чумикан можно было только самолётом. В сезон навигации ходили грузовые баржи: доставляли в посёлок одежду и продукты. От Хабаровска до Чумикана — полторы тысячи километров.

Там постоянно дул ветер, и его скорость порой доходила до тридцати пяти метров в секунду. Ветер нередко срывал с домов крыши. «Верховка» — сухой ветер, холодный, очень опасный зимой. А «моряк» — ветер с моря. Он теплее воздуха зимой и прохладнее — летом.

В Чумикане нет пчёл, растения не выделяют нектар, потому что даже среди лета ночью бывают заморозки. Цветы там не издают никакого запаха. Тепло бывает примерно месяц, в июле-августе, пока дует «верховка». Как только подул «моряк», становится холодно. Фруктовые деревья в Чумикане не растут. Зато очень много рыбы. Зимой ловят навагу, летом — кету, горбушу, корюшку.

Совсем недолго проработал я завхозом в райпотребсоюзе. Быть хозяином при полной бесхозяйственности — хуже нет. Я стал просить Господа, чтобы Он избавил меня от непосильной работы.

Вскоре в РСУ заболела и скоропостижно скончалась бухгалтер. Меня пригласили в это учреждение главным бухгалтером. Я согласился, воспринимая это приглашение как ответ Господа на мои молитвы.

На краю света с семьёй

В апреле 1978 года ко мне приехала семья: Ася, Лиля, Оля и Слава. Двое старших детей остались на Украине: Галя уже уехала на учёбу в Луганск, а Гришу призвали в армию.

Ася продала дом в Лисичанске и приехала в Чумикан, будто навсегда. Хороший дом пришлось продать совсем дёшево. Мебель в основном раздали многодетным семьям. С собой можно было взять совсем немного. Кроме одежды и некоторых предметов обихода, Ася привезла с собой шторы на окна и пару плюшевых ковриков. Уж очень ей хотелось, чтобы жилище в суровом Чумикане было уютным.

Первое время семья жила со мной на квартире. Ася устроилась медсестрой в больницу, в туберкулёзное отделение, где зарплата выше, чем в других отделениях. Нам хотелось заработать денег, чтобы по возвращении из ссылки купить жильё на Украине.

Довольно скоро начальник РСУ дал мне неплохую квартиру в новом доме на два хозяина. Мы с радостью стали обживаться. Вечерами от всей души пели, прославляя великого Бога. Дети привезли с собой гитару, что было для меня большой радостью, и мы могли проводить время в сладостном общении — много пели, вместе читали Библию.

Начало дальней дороги — Ася с детьми отправляется в Чумикан

У друзей. На пути в Чумикан

А за стеной день и ночь стояла ругань. Там поселили прораба. Он без конца ругался с женой. Я запереживал: как здесь жить? Стал думать, как сделать звуковую изоляцию. Но совершенно неожиданно пришёл комендант и показал мне постановление исполкома о нашем выселении. Оказывается, ссыльным не положено жить в такой хорошей квартире!

Нас переселили в заброшенное здание бывшего госбанка. Мыши и крысы бегали там даже днём. Ася с девочками немного прибралась в нашем новом жилище, мы расставили мешки со своим скарбом, помолились. Затем Лиля взяла гитару и мы стали прославлять Бога пением. Никто из нас не вздыхал, не плакал, не роптал. Мы были полны оптимизма, были готовы страдать за веру в нашего Господа и Спасителя.

Однако петь на голодный желудок долго не будешь, надо было что-то варить, как-то обустраиваться в неприветливом помещении. Затопили печь, а она — дымит, не хочет гореть. Я полез на чердак посмотреть, в чём причина. Оказывается, нет трубы. Стал мудрить над этим сооружением, и Бог благословил, дым пошёл вверх. Слава Господу!

Недолго жили мы в этом неуютном здании. Бог помог нам купить домик у одной женщины всего за восемьдесят шесть рублей (минимальная зарплата в те годы). Я попросил прораба составить проект и отремонтировать ветхое строение. Он сделал всё очень хорошо. Мы пристроили две комнаты, перекрыли крышу. Через месяц домик стал как игрушка.

— Ну, Германюк, и тут нас обошёл! — воскликнул председатель исполкома, зайдя к нам во двор. — У тебя здесь словно в раю...

— Вы сами выгнали меня из квартиры,— напомнил я. — Мне больше ничего не оставалось, как купить дом. Я же у вас ничего не прошу...

Действительно, у нас получился очень милый домик. Стоял он почти у самой тайги, и нам никто не мешал. Какие чудесные планы у нашего Господа! Нам хотели сделать зло, а Бог превратил это в добро!

Мы стали выращивать поросят, разбили огород, посадили картофель. Это, конечно, непросто — вырастить клубни в морской гальке. Я никогда такого не видел. В Чумикане короткое лето, а камни быстро нагреваются, поэтому картофель успевал вырасти. Бог давал нам хороший урожай, и картошки хватало на всю зиму. Правда, камни её сдавливали, придавая причудливую форму, и она была вся деформированная, но это не влияло на вкус!

Топили мы дровами — около сорока кубов сжигали за зиму. Заготавливали дрова в тайге.

Однажды мы только загрузили дрова в машину, глядь — рядом на дерево сел большой глухарь! Красавец! Водитель взял ружьё и пристрелил его. Я попросил продать мне эту удивительную птицу. И он продал за три рубля. Привезли глухаря домой, он был ещё тёплый. Килограммов пять весила эта птица. У неё очень вкусное мясо.

Заготовка дров

Летом и по осени мы с детьми собирали грибы и ягоды: бруснику, чернику, клюкву. Я частенько ездил на рыбалку, привозил домой рыбу.

Как-то раз мастер сказал мне:

— Корюшка пошла. Поедешь со мной на рыбалку?

— Конечно! — обрадовался я.

Рано утром мы поехали на реку, закинули невод и набрали тринадцать мешков рыбы! Взяли себе по два мешка, а остальную рыбу раздали сотрудникам.

В шесть утра я был уже дома с богатым уловом. Мы посолили корюшку, нанизали на проволоку и повесили под крышей, чтобы высохла. Очень вкусно получилось! Рыба с икрой — великое лакомство и для детей, и для взрослых.

Зимой наш Слава любил ходить на рыбалку с махалкой. Мешка два наловит за пару часов и привезёт домой на санках. Этой рыбой мы кормили кур и свиней.

Слава в Чумикане

Иногда мастер брал меня с собой на отстрел куликов. Когда начинается прилив, они не могут быть в воде и выходят на берег. Мастер стрелял их из двустволки и брал только подстреленных, убитых не брал.

Первый раз, когда я привёз домой целый мешок куликов, Ася испугалась:

— Что с ними делать? Зачем они нам?

— Я помогу тебе их обработать, будет очень вкусно! — успокаивал я её.

Мы сняли с куликов кожу, словно с кроликов, и натушили целую кастрюлю. Получилось действительно вкусно. Делали также консервы из этой птицы.

Как-то раз я угостил мастера баночкой консервов, а он спрашивает:

— Где ты взял такую вкуснятину?

— Это же твои кулики! — рассмеялся я в ответ.

Никто в Чумикане не знал, что можно готовить такие блюда. Причиной этого была водка, которая лишала людей изобретательности и нередко даже здравого смысла.

Так мы жили, стараясь приспособиться к тамошним условиям. Вместе с детьми любили ходить на берег моря и слушать, как ревут волны. Ночами любовались небом и пели песню «Синее небо, как ты прекрасно! Ты — отраженье Божьей любви...». Там небо очень низкое и звёзды очень крупные, совсем не такие, как на Украине.

В своём домике мы стали проводить богослужения. Постоянными посетителями стали Вьюшковы — Илья Андреевич, Надежда Ефимовна и их одиннадцатилетний сын. Они часто приходили к нам, живо интересовались Словом Божьим и спасением своей души.

С Лилей, Олей и Славой мы приняли решение каждую неделю учить по одной главе из Библии. Так за время пребывания в Чумикане мы выучили послания Иакова и Петра, некоторые главы из Книги пророка Исаии, а также псалмы из Псалтыря. По средам у нас был пост и обязательно вечернее собрание. Каким бы усталым я ни был, мы непременно читали Библию и все вместе молились.

Детям в Чумикане было, конечно, скучновато. Они тосковали по друзьям, по церкви и просто по тёплой Украине. Как мог, я старался доставлять им радость. Илья Андреевич — большой любитель флоры и фауны — тоже старался развлекать наших

детей. Он не раз путешествовал с ними на лодке по Уде, показывал удивительные места таёжного края. Где-то они останавливались, разводили костёр, жарили рыбу. Детям было весело и интересно.

В Чумикане мы получали очень много посылок. Почтовики не раз говорили: «Мы только на Германюка работаем!» Говорили это без всякого зла.

Такая масса посылок для всех была настоящим дивом, говорящим о любви христиан друг ко другу. Во всём посёлке не было, наверное, человека, который не попробовал бы украинского сала. Я старался угостить каждого, если не салом, то луком или чесноком — большим деликатесом в тех местах. Свидетельство о Боге таким образом было большое и убедительное. Но люди, к сожалению, не хотели обращаться к Богу, жизнь в грехах им была милее.

Как-то по весне у нас закончился лук. Без него нам было очень плохо. Мы помолились Богу об этой проблеме, и произошло настоящее чудо. Через пару дней пришла посылка из Ростова от Анастасии Яковлевны Зайцевой. Её дочери тоже отбывали срок за то, что совершали служение в издательстве «Христианин». Сестра прислала нам целый ящик отборного лука! Каждая луковица была с любовью завёрнута в газету, чтобы не замёрзла в пути.

В тот же вечер мы пожарили лук для себя и подарили по луковице соседям. Так Бог восполнял наши нужды.

Друзья — знакомые, а большей частью совершенно незнакомые — писали нам письма, слали поздравительные открытки. Таким образом мы не только в праздники, но и в будни радовались и восхищались Божьей заботой. Письма восполняли недостаток общения с христианами. Мы старались отвечать всем, кто нам писал.

Лиля и Оля часто плакали, вспоминая жизнь на Луганщине. Они нередко пели песню «Ах, журавли, журавли, возьмите меня домой!..» и с тоской всматривались в небо. Как бы в ответ

на их грусть, из Осинников Кемеровской области пришла однажды необычная посылка. В ней была магнитофонная кассета, на которую молодёжь записала свои пожелания, стихи и песни. Мы очень часто слушали эту запись, плача и от радости, и от умиления, и от тоски по родной и дорогой нам церкви.

Запись начиналась стихотворением, написанным Евгением Сальниковым:

На берег Охотского моря,
Где волны качают рассвет,
Изгнанники, Церковь Христова
Вам шлёт христианский привет!

Участие в ваших страданьях
От сердца желая принять,
Мы вам в утешенье в изгнанье
Свой голос решили послать.

Привет вам, посланники юга
В холодный Хабаровский край!
Пусть дальневосточная вьюга
Не сломит ваш дух невзначай!

Вам выпала славная доля —
За имя Христово страдать
И Господа нашего волю
У края земли возвещать.

Широкая дверь вам открыта.
Её вам не смогут закрыть
Ни злобных противников свита,
Ни мрачный тюремный гранит.

Стремитесь, хоть путь ваш и труден,
Посольство своё исполнять!
А мы перед Господом будем
В молитве о вас вспоминать.

На берег Охотского моря
Лети, наша песня и стих,
В минуту унынья и горя
Утешь и обрадуй родных...

И мы действительно радовались и утешались, с замирающим от волнения сердцем прислушиваясь к голосам друзей, вдумываясь в их пожелания.

По воскресеньям в нашем доме целый день проходило христианское общение. Многие односельчане приходили послушать пение и чтение Библии, но больше всех интерес проявляли жёны начальников и милиционеров. Тем, кто хотел знать больше о вере в Бога и Самом Боге, мы давали почитать книгу «Существует ли загробная жизнь?».

На каждом собрании мы прочитывали несколько глав из Ветхого Завета и несколько — из Нового. Лиля, Оля и Слава декламировали стихи. Все вместе мы очень много пели.

Многим слушателям особенно нравился гимн:

Я на земле — прохожий,
Миру безмерно чужой.
Люди стремятся в космос,
А я хочу домой.

Без кораблей, без могучих ракет,
В мир желанный, в мир сладостных грёз
Путь мой лежит мимо дальних планет.
Там впереди — мой Христос!

Праздники мы старались отмечать чем-то особенным. На праздник Жатвы, например, мои дочери украшали комнату полевыми цветами и лучшими овощами, которые выросли на огороде. Мы от всей души, радостно благодарили Бога за то, что и на эту землю Он посылает Свои благословения.

На Пасху (в это время там ещё лежит снег) я выходил на улицу в четыре утра и три раза очень громко провозглашал:

В день Пасхи. Чумикан

— Чумикан! Христос воскрес!

Мне никто не отвечал. Посёлок спал. Только в нашем доме в этот день всегда было торжество. Мы радовались, что спасены Богом и служим Ему!

Без недругов — никуда...

Когда слухи о нашей активности дошли до властей, им это не понравилось. Меня вызвал к себе председатель исполкома. Я пришёл и первым делом стал говорить ему о Боге, о Его владычестве во вселенной. Председатель долго слушал, а потом как-то растерянно произнёс:

— Неужели я глупый? Жизнь прожил и ничего не понял...

— Да, кто не познал истину, не поверил в Бога, тот, считай, ничего не понял,— ответил я.

— Верь себе сколько хочешь,— с какой-то досадой сказал мне председатель,— а наших людей не трогай. Иначе...

Мне не хотелось слушать, что будет дальше, и я рассмеялся:

— Что же вы мне сделаете?! В Крым отправите или на Кавказ? Извините, я не могу не проповедовать! Я очень хочу, чтобы люди вокруг не страдали, чтобы они избавились от грехов и жили счастливо.

Примечательно то, что до моего прибытия в Чумикане не было чекистов. Но через полгода в посёлке появился работник КГБ — Геннадий Константинович Бирюков. Ему построили большой красивый дом. Сельчане иногда спрашивали меня: «Что будет делать здесь Бирюков, когда вы уедете?»

Работник КГБ присматривался ко мне издали. Вызывал меня нечасто, и наши беседы были короткими.

Раз в месяц мне надо было отмечаться в отделении милиции, и я делал это, как полагается. Однако после беседы с председателем исполкома меня однажды вызвали в милицию в неурочное время. Не понимая причины вызова, я всё же пошёл. Там мне предъявили санкцию на обыск. К ним, якобы, поступил сигнал, что мы скупаем соболиные шкурки.

Настоящей же причиной для обыска было покаяние Вьюшковых — Ильи Андреевича и Надежды Ефимовны. На празднике Жатвы они наконец искренне обратились к Богу. Слух об этом быстро распространился по посёлку, и враги Церкви Христовой встревожились.

Три милиционера сразу же пошли со мной, чтобы обыскать наш дом.

Дети ещё не ушли в школу. Нас всех усадили вдоль стены и запретили вставать. Начался обыск. Как только им попался журнал «Вестник истины», они сразу же отложили его в сторону.

— Положите на место! — сказал я. — Берите то, что указано в санкции прокурора!

Но меня никто не слушал.

— Вы же за этим и пришли, обманщики! — не смог про-

молчать я, когда на столе стали появляться христианские книги, блокноты с записями стихов и песен, и даже письма. — Вы знали, что здесь никаких шкурок не будет...

Не привыкшие сидеть без дела, дети стали читать наизусть стихи. А милиционеры тщательно искали всё, что говорило о нашей вере в Бога. Они приготовили к изъятию книги, изданные на гектографе, рукописные сборники стихов и песен и даже письма.

— Ничего из этого сокровища я вам не отдам! — заявил я. — Вызывайте прокурора.

Послали за прокурором. Он быстро пришёл — взволнованный, какой-то неуверенный. Похоже, он впервые столкнулся с такой ситуацией.

— Пойду к Бирюкову, спрошу, что он скажет,— искренне признался прокурор.

Бирюков велел изъять всё, где только есть слово «Бог». Обыск продолжился. Милиционеры полезли на чердак. Мы стояли с прокурором возле лестницы. Я стал декламировать стихотворение:

Безумствует безбожья рать
От Приамурья и до Риги
И продолжает отнимать
Духовно-нравственные книги.
Мы их сберечь хотим, но как?
Придут, нам это всё знакомо,
Сарай, и погреб, и чердак
Обыщут именем закона...

Прокурор слушал внимательно и только кивал головой, соглашаясь со сказанным.

Милиционеров очень заинтересовала наша литература, и они надеялись, что после обыска им что-то перепадёт. Но прокурор забрал всё к себе, и они расстроились, что ничего не удастся почитать.

Прокурор пообещал после проверки вернуть изъятое.

Я сообщил церкви на Украине, что у нас сделали обыск и забрали духовную литературу. Через пару дней прокурора завалили телеграммами с просьбой вернуть Германюку всё, что взяли у него при обыске.

Прокурор был в панике. Он вызвал меня и предложил забрать часть литературы.

— Всё, что напечатано гектографом,— нелегальное, его не могу вернуть,— сказал он.

Мне отдали книгу «Варавва», рукописные сборники стихов и песен, блокноты, принадлежащие моим детям. Вернули чуть больше половины того, что изъяли.

— Знаешь, я стал слушать христианские радиопередачи,— неожиданно признался прокурор. — Не думал, что ваша организация такая сильная! Верующие завалили Чумикан телеграммами и ходатайствами. Посмотри — горы бумаг, и на все надо ответить! У вас много защитников! Они не дадут вам пропасть!

В таких условиях росли наши дети, страдая и радуясь вместе с нами. Не из книг или рассказов им открывалась христианская жизнь. Они на личном опыте учились понимать и любить Бога так, как это делали их родители.

В апреле 1979 года, когда нашей Лиле исполнилось восемнадцать, мы отпустили её в Хабаровск. Ей очень хотелось быть в церкви, среди молодёжи, и я это хорошо понимал.

Лиля жила в Хабаровске до конца нашей ссылки. Там она заключила завет с Господом и ревностно трудилась в церкви.

В июне 1980 года заканчивался срок моей ссылки*. Я пошёл за паспортом, но мне его не дали, заявив:

— Вы поедете в Москву на Олимпиаду** и будете рассказывать иностранцам, что страдаете за веру.

---

* По календарю ссылка заканчивалась в сентябре, но этап засчитывался в срок ссылки в трёхкратном измерении. Два месяца этапа соответствовали шести месяцам ссылки — (Ред.).

** В тот год в Москве проходили всемирные спортивные соревнования.

— Почему же вы боитесь этого? — спрашивал я. — Если всё делаете по закону, то бояться нечего.

— Есть указание не отпускать вас, пока не закончится Олимпиада. Можете жаловаться хоть куда!

А мы уже собрались, упаковали вещи и отправили в аэропорт. Нам даже спать было не на чём!

Больше месяца мне не выдавали документы. Потом загорелась тайга, и две недели самолёты не летали из-за пожара.

Каждый раз, отправляясь в аэропорт с надеждой улететь, мы молились об этом суровом крае и о том драгоценном семени, которое было посеяно в сердца людей. Мы не только молились. Мы постились перед Богом, желая окружающим нас спасения.

Между тем открылась навигация, пошли баржи. Истомившись в ожидании самолёта, мы решили плыть. Купили билеты, загрузили вещи.

Провожать нас пришёл даже начальник РСУ. Он уважал меня за честность и богобоязненность. Ему тоже много было сказано о живой вере в Бога.

Когда баржа-самоходка отчалила, я вышел на палубу и с трепетом в сердце во всеуслышание благословил этот неласковый край:

— Мой Небесный Отец! Господь мой и Бог мой! Благослови по милости Своей Чумикан! Даруй спасение этому пьяному посёлку, чтобы люди повернулись к Тебе лицом, обратились к Тебе всем сердцем! Благослови семя жизни, которое в нашей немощи было посеяно в людские сердца! Благослови здесь тех, кто познал Тебя, чтобы сохранили веру в Тебя и верность Тебе! Не покинь этот край, дорогой Господь!..

Мы прощались с Чумиканом навсегда. Стоя на палубе, любовались морем, наблюдали за игрой белух. Это очень крупные, до шести метров в длину, красивые животные, покрытые белой шерстью. Белухи красиво играют в воде, волны им нипочём. Видели мы и нерку.

Долго любоваться морем нам не удалось. Стало так холодно, что мы никак и нигде не могли согреться. Баржа идёт очень медленно и не отапливается. Все мы сильно замёрзли, и особенно мама Ася. Она буквально окоченела, и, как мы её ни кутали, она всё же сильно простыла. Мы все заболели. Но по приезду в Хабаровск и я, и дети выздоровели, а Асе лучше не стало. Нам пришлось отправлять её на Украину самолётом.

Я решил задержаться с детьми на Дальнем Востоке и посетить некоторых друзей.

Прежде всего мы побыли на собрании в Хабаровске. Один старичок любезно пригласил нас к себе на обед, и мы пошли к нему. В это время в тот дом, где проходило богослужение, пришла милиция.

— Где тот, приезжий? — бесцеремонно спросили у хозяев.

К счастью, они не знали, куда мы делись.

Из Хабаровска мы с Олей поехали в Богородское. Чтобы чекисты не напали на наш след, отправились по реке на «Метеоре». Однако скрыться нам не удалось. Как только началось богослужение, нагрянула милиция. Они потребовали, чтобы я срочно явился к прокурору.

Церковь в Богородском, пользуясь тем, что их посетил служитель, решила совершить хлебопреломление. Один брат встал в дверях и не пропускал милиционеров, пока мы не совершили вечерю Господню. Люди в погонах не стали возмущаться. Они стояли и внимательно наблюдали за происходящим.

Когда собрание закончилось, меня повели к прокурору. Им оказался бывший прокурор Чумикана.

— Как живёшь, Степан Григорьевич? — спросил он, не удостоив меня улыбкой.

— Заберите этот паспорт! — достал я свой документ. — Более семи лет его у меня не было, и я жил спокойно. Зачем вы выдали его мне и теперь гоняетесь за мной, как за блохой, по всему Дальнему Востоку?

— Уполномоченный велел срочно выпроводить тебя из Богородского,— невозмутимо сказал прокурор. — Он говорит, что ты — опасный человек. Уезжай побыстрее на Украину, откуда приехал!

Так закончилось моё путешествие по Дальнему Востоку.

Ссылка — хорошая, незабываемая страница жизни. Недруги желали навредить нашему здоровью, сослав чуть ли не на край земли. Но это у них, по-моему, не получилось. Господь хранил нас. Мы покоились под Его ласковым кровом. В далёком крае Господь учил нас упованию, и Его уроки были наглядными, впечатляющими.

В Чумикане мы ни в чём не испытывали недостатка. Все были довольны, видя Божье попечение.

Самой большой радостью для меня было обращение к Богу семьи Вьюшковых.

Илья Андреевич и Надежда Ефимовна в своё время бежали от Господа, поэтому переехали из Богородского в Чумикан. Их отца в тридцатые годы прошлого столетия арестовали за веру, объявив врагом народа. Пятеро детей Вьюшковых отвернулись от Господа, и только мать до самой старости поклонялась живому Богу и не переставала молиться о своих сыновьях и дочерях.

Господь услышал молитвы матери. В Богородское на пять лет сослали молодого христианина, пламенного проповедника — Евгения Родославова. Он разыскал верующую старушку, и они молились вместе. Вскоре к вере в Бога пришёл один из сыновей Вьюшковых со своей женой, а также две дочери.

Мать не переставала молиться о старшем сыне Илье. И Господь послал в Чумикан меня. Вьюшковы искренне приняли весть спасения и заключили завет с Господом. Для всех нас это был великий праздник. Велик и чуден наш Бог!

Трепетно было слушать слёзные молитвы обращённых к Богу. Они благодарили Небесного Отца за то, что именно ради них Он прислал в Чумикан Своих вестников. Значит, Бог

Семья Германюков и семья Вьюшковых

послал, а мы всего лишь выполнили Его святую волю. Слава Ему за это!

Илья Андреевич с Надеждой Ефимовной вернулись в Богородское. На их усадьбе построили молитвенный дом. Теперь в Богородском есть церковь. Там по Божьей милости уже около десяти лет трудится мой внук Игорь, сын Ольги.

Уже после нашего уезда из Чумикана покаялась дочь старицы, у которой я жил на квартире. Она присоединилась к церкви, утверждая, что именно жизнь ссыльного христианина заставила её задуматься о своей греховности и поискать встречи с Богом.

Помещая нас в нелёгкие обстоятельства, Господь на деле доказывал, что пребывает с нами. В то же время Он учил нас глубокому доверию, любви и терпению. Изучая эти удивительные уроки, мы духовно богатели, испытывая удовлетворение и радость. Поистине, «мы — дети Божии, мы всех счастливее, мы всех счастливее на всей земле!»

Глоток свободы

Ещё в ссылке я много размышлял о том, как дальше служить Богу, в каком труде подвизаться, где жить. Очень хотелось понять, какие планы у Бога в отношении меня, где Он желает меня использовать. Примерно два года я постоянно молился об этом и просил Господа указать место, куда направиться после ссылки.

Жилья на Украине у нас не было. Дети подросли. Мне хотелось, чтобы после трёх лет одиночества и оторванности от друзей они могли влиться в церковь, где есть молодёжь, хор. Второе, о чём я умолял Господа, ещё находясь в лагере для заключённых,— чтобы моё служение сопровождалось знамениями.

Я хотел не только благовествовать, но и совершать молитвы об исцелении, изгонять бесов, как написано в Евангелии от Марка: «Уверовавших же будут сопровождать сии знамения: именем Моим будут изгонять бесов; будут говорить новыми языками; будут брать змей; и если что смертоносное выпьют, не повредит им; возложат руки на больных, и они будут здоровы» (16, 17–18). Мне очень хотелось указывать членам церкви и всем, нуждающимся в помощи, не на аптеку и врачей, а на источник жизни, на нашего Исцелителя — всемогущего Бога. Об этом я много молился.

К концу ссылки мы получили письмо от совершенно незнакомой нам христианки, которая приглашала нас приехать на жительство в Харьковскую область. Мы с Асей взывали к Богу, желая понять Его волю. И Господь утвердил в нас желание ехать в Харьков. Туда мы отправили свой багаж.

По дороге Ася сильно заболела. Кроме того, что её мучила гипертония, у неё от всего пережитого надорвалась нервная система, истощились силы. Она находилась в тяжелейшем состоянии, всего боялась.

Приехав в Харьков, я на первом же совещании попросил у братьев молитвенной поддержки — здоровье Аси заботило ме-

ня намного больше, чем приобретение жилья и устройство на новом месте.

Один из служителей посоветовал мне совершить над Асей молитву с помазанием. Мы с детьми назначили пост и вечером, в конце поста, совершили над нашей мамочкой молитву. Возложив на неё руки, я взывал к Богу о милости, надеясь исключительно на Его могущество и милосердие. Затем помазал её елеем во имя Господа. И Всесильный совершил чудо! Ася выздоровела, ожила и окрепла.

На совещании Совета родственников узников, куда мы приехали вместе с Асей, встал вопрос о её дальнейшем служении среди сестёр, которые ходатайствовали перед правительством за томящихся в неволе христиан. Мы с Асей заплакали и сказали, что не мыслим себе жизни без служения Богу. Господь дивно освободил её от тяжёлого недуга, и теперь она может трудиться. Так Ася вновь стала участвовать в служении Совета родственников узников, вступаясь за обречённых и угнетённых.

Мы купили полдома в посёлке Цуповка и влились в Дергачёвскую церковь — хорошую, здоровую церковь, которая претерпевала очень большие гонения. Пресвитерское служение там совершал Виктор Кузьмич Моша — тоже испытавший узы, верный Господу христианин. Он принял меня в церковь очень любезно и часто ставил на проповедь, приговаривая, что церковь надо кормить, народ Божий нуждается в назидании. И мне приходилось всё откладывать и усиленно вникать в Писание, заботясь о том, чтобы давать церкви калорийную пищу.

Харьковский областной совет расспросил меня о моём прошлом и принял в свои ряды для служения. Приняли также в совет поместной церкви, и я начал трудиться.

Это был Божий промысел — чтобы после заключения и ссылки я вернулся не на Луганщину, а на Харьковщину и познакомился с Виктором Кузьмичом. Этот Божий человек вселил в моё сердце много доброго. Он учил меня молиться, потому что был человеком молитвы.

Однажды мы ехали с ним в Днепропетровск. По дороге нам сообщили, что кого-то из братьев арестовали. Он четыре раза останавливал машину (в течение трёх-четырёх часов), мы шли с ним в посадку, преклоняли колени и молились. Он молился вдохновенно, со слезами, с живой верой.

Виктор Кузьмич совершал молитвы об исцелении, молился об изгнании бесов. Случалось, что на него нападали бесноватые. Он никогда не боялся их и смело говорил: «Я Божье дитя! Отступись от меня, ты не имеешь права прикасаться ко мне!» И бесноватые отступали. Это был преданный, всецело посвящённый Богу человек.

Я от всей души благодарен Богу за то, что Он позволил мне потрудиться с Виктором Кузьмичом — настоящим исполином веры.

Однажды неверующий муж привёл к нам свою жену, которая, будучи христианкой, многодетной матерью, стала одержимой. Она рассказала, что услышала на работе очень грязный анекдот и сильно расхохоталась. Во время этого хохота она почувствовала, что в неё вселился бес.

Мы спросили у беса, как его имя, как он вошёл, но он молчал. Мы начали повелевать ему выйти из христианки. Он долго упрямился. Борьба была нелёгкая: один из нас молился, другой повелевал. Потом менялись местами. Так боролись часа два.

В конце концов бес назвал своё имя: Вонючий. Когда мы последний раз повелели ему выйти, женщина открыла рот и изо рта клубком вышел дым. Он был такой смрадный, что хотелось поскорее открыть дверь или форточку. Однако этого нельзя делать. И по просьбе беса тоже нельзя ничего делать, о чём бы он ни просил. Его не надо слушать.

Бес вышел. Сотряс женщину и вышел. Мы отдали её мужу, прославляя Бога за силу и власть, которую Он имеет над всеми, потому что Он — единственный Владыка и Царь всей земли.

Ещё до того, как меня арестовали, Геннадий Константинович Крючков наблюдал за мной, как я совершаю служение, как

проповедую. Когда я вернулся из ссылки, он пригласил меня к себе. Несколько дней я был у него в потаённых местах. Он старался разузнать и понять, нет ли во мне какой измены, сохранил ли я веру, нет ли страха и дальше идти узким путём. Геннадий Константинович рассказал мне, как обстоит дело в братстве. Я понял, что он знает всё, что происходит в церквах, и, находясь в изоляции, по сути руководит братством.

После этой встречи, осенью 1980 года, меня приняли в сотрудники Совета церквей, и я стал подвизаться в общебратском служении.

Братья на Харьковщине уже давно совершали над больными молитвы с возложением рук и помазанием. И здесь исполнилось то, о чём я просил Господа: Он и меня приобщил к этому труду, и я начал совмещать благовестие с молитвой над больными. По Своей милости Господь благословлял этот труд, и многие получали исцеление, особенно дети по вере родителей.

Молитва над больными — это славное служение, заповеданное нам Самим Богом. Это евангельский путь освобождения от болезней, и христиане должны идти этим путём.

Прежде чем совершить молитву об исцелении, больного необходимо приготовить к этому. Образно говоря, ему необходимо войти во святилище.

Есть места Писания, которые больной должен хорошо знать и опираться на них, желая освободиться от болезни. Например: «Он прощает все беззакония твои, исцеляет все недуги твои» (Пс. 102, 3). Прежде всего — прощает, и только потом — исцеляет.

Для того чтобы Господь простил, надо исповедаться. «Блажен, кому отпущены беззакония и чьи грехи покрыты! Блажен человек, которому Господь не вменит греха и в чьём духе нет лукавства! Когда я молчал, обветшали кости мои от вседневного стенания моего, ибо день и ночь тяготела надо мною рука Твоя; свежесть моя исчезла, как в летнюю засуху. Но я открыл Тебе грех мой и не скрыл беззакония моего; я сказал: „исповедаю Господу преступления мои“, и Ты снял с меня вину греха

моего» (Пс. 31, 1–5). Это чудный псалом. Не знать его христианину — грех!

В 8-м стихе этого псалма записаны четыре Божьих обетования. Человеку, кости которого иссохли от каждодневного стенания, Бог обещает: «Вразумлю тебя, наставлю тебя на путь, по которому тебе идти; буду руководить тебя, око Моё над тобою».

Для исцеления необходима вера. Когда к Иисусу принесли больного, прокопав крышу дома, Иисус не сказал ему: «Исцеляю тебя». Нет! Он сказал: «Чадо, прощаются тебе грехи твои». И только после этого велел: «Встань, возьми постель твою и иди...» (Лук. 5, 24).

У Бога есть ключ от всех наших несчастий и горя: это наша вера. «Всё возможно верующему»,— сказал Иисус отцу, сын которого страдал страшной болезнью (Марк. 9, 23).

В процессе своего служения я нашёл чудесный текст, являющийся основой для исцеления больных. Когда Пётр и Иоанн исцелили хромого от рождения, все удивлялись и недоумевали. А Пётр пояснил: «Ради веры во имя Его, имя Его укрепило сего, которого вы видите и знаете, и вера, которая от Него, даровала ему исцеление...» (Д. Ап. 3, 16).

Вера! Для исцеления необходима вера. Об этом пишет и апостол Иаков: «Болен ли кто из вас, пусть призовёт пресвитеров Церкви, и пусть помолятся над ним, помазав его елеем во имя Господне. И молитва веры исцелит болящего...» (5, 14–15). Этот текст Писания расплавляет сердце любого, кто пришёл за исцелением, и они охотно исповедуют свои грехи, если таковые есть. И Господь, верный Своим обещаниям, совершает Свою благую волю.

Однажды по пути на совещание служителей в городе Дубно я зашёл к пресвитеру. Он уже уехал, а жена сидела на диване и держала на руках шестилетнюю дочь. Девочка горела от высокой температуры. У неё было двустороннее воспаление лёгких.

— Вы верите в силу молитвы? — спросил я у матери.

— О, мы только ею и живём! — ответила она сквозь слёзы.

— Откройте Богу своё сердце, повинитесь перед Ним, если где-то были неправы, и попросим у Него исцеления для девочки,— сказал я, и мы преклонили колени.

Девочка тоже молилась.

Я возложил руки на её горящую голову и воззвал к Богу о милости. Затем помазал девочку елеем.

После молитвы мне нужно было спешно уходить, чтобы не опоздать на совещание. В коридоре мы встретились с медсестрой. Она пришла лечить — врач предписал поставить банки.

Я всегда очень осторожно относился ко всякому лечению и никогда не запрещал пользоваться медицинскими препаратами. А здесь я открыл дверь в комнату и сказал матери:

— От банок воздержитесь. — И уехал.

Мать отказалась от предлагаемой процедуры. А врач при осмотре, не увидев следов от банок, спросил:

— Молились?

Это было во время сильных репрессий, но мать не побоялась сказать:

— Да, молились, и Господь исцелил нашу дочь.

Врач ничего не сказал в ответ.

А девочке стало лучше сразу после молитвы. Она больше не легла в постель. Такие чудные дела творит наш Бог в ответ на доверие Ему!

Второй арест

Властям очень не понравилось то, что мы купили жилище в Цуповке. Заместитель начальника милиции заявил, что примет все меры, чтобы расторгнуть договор купли-продажи и выселить меня с семьёй.

— Ты нам здесь совершенно не нужен! Убирайся куда хочешь!.. — кричал он в гневе.

Угрозу не замедлили привести в исполнение. От имени хозяйки второй половины дома был составлен иск, будто она хочет купить приобретённую нами часть дома. Нас пригласили в суд для расторжения договора.

Вся церковь молилась о том, чтобы Господь защитил нас. Я пошёл к соседке, а она со слезами (видно, совесть обличала её) сказала:

— Вы хорошие люди, но ко мне две недели каждый день приходили работники КГБ и требовали написать иск. Они обещали даже дать мне денег, лишь бы вы тут не жили.

По моей просьбе соседка написала встречное заявление, что не имеет к нам никаких претензий и не против, чтобы мы жили с ней по соседству.

Мы с Асей написали сопроводительное письмо, указав, что иск от соседки — это фикция, и если договор купли-продажи будет расторгнут, об этом узнает весь мир. Своё письмо и встречное заявление соседки мы передали судье. Дело было закрыто. Мы остались жить в Цуповке.

Местные власти были сильно озлоблены на меня. Каждый раз при разгоне богослужения меня сажали на пятнадцать суток. В 1981 году ещё до наступления лета я четыре раза подвергался краткосрочному заключению только за то, что присутствовал на собрании верующих.

Однажды всех братьев нашей церкви увезли в отделение милиции. Там собралось всё начальство: председатель исполкома, начальник милиции и прочие. Один мужчина в гражданском приставал только ко мне:

— Ты учил детей. Какое ты имеешь на это право?

— А кто вы такой? — не выдержал я.

— Учитель,— отрезал он.

— Пойдите же, посмотрите, сколько тут ваших учеников отбывает срок заключения! Вы никакой не учитель, вы — чекист, а у меня разговор с КГБ давно закончен!

На меня снова завели уголовное дело. Братья из областного

Николай и Галина

совета предложили мне уйти на нелегальное положение и продолжать труд на Божьей ниве. Я принял это предложение, и после бракосочетания старшей дочери уехал из дому.

В октябре 1981 года меня ввели в состав Совета церквей с правом рукоположения. Так я стал совершать служение во всех объединениях, где этого требовали обстоятельства. Нелегальное положение, естественно, создавало свои трудности.

В то время были проблемы в Среднеазиатском объединении, где один из служителей вынашивал план отделить церкви от братства. Геннадий Константинович направил меня в Среднюю Азию, чтобы я помог служителям разрешить сложные вопросы.

Для меня это было очень трудное поручение, так как я долго не имел общения с народом Божьим и сам ещё нуждался в духовной поддержке.

Со мной послали Бориса Яковлевича Шмидта. Это был мужественный, опытный служитель, прекрасно знающий догматику.

Я перед ним робел. Однако он не хотел идти впереди.

— Тебя поставили первым, ты и руководи,— говорил он,— а я буду вторым.

Как же мне быть первым?! Как ни упрашивал я его, он так и не сдался. Он много, очень много помогал мне в служении.

Когда Бориса Яковлевича арестовали, на помощь мне приехал Николай Абрамович Крекер. Он не был так силён в догматике, как Борис Яковлевич, но был мужем молитвы. Бог обильно благословлял его. Мы проводили беседы, разъясняли в общинах курс Совета церквей, и разделения в Средней Азии не произошло. Однако нам пришлось перенести немало насмешек и унижения от плотских христиан, настроенных на разделение церкви.

Все эти трудности помогали нам познавать нашего Господа, нуждаться в силе Духа Святого. Получая от Небесного Отца дар благодати, мы искренне радовались и желали служить Ему с большей ревностью.

В 1982 году мой сын Гриша решил создать свою семью.

Счастливый день Гриши и Вали

Он был особым ребёнком среди моих детей. Я всегда скучал по нему по-особенному. Когда он вырос и вступил в завет с Господом, он стал нравиться мне ещё больше своей устремлённостью к Богу, своим желанием жить свято.

Избранницей нашего Григория стала Валентина — христианка из небольшой деревушки в Луганской области. Бракосочетание наметили провести у родителей невесты.

В те годы в Луганской области уполномоченным Совета по делам религиозных культов был некий Бабушкин — человек, страшно ненавидящий верующих. В день бракосочетания он выставил милицейские посты на всех подъездах к деревне, дав команду никого из верующих не пропускать. Бабушкин был уверен, что я появлюсь на этом семейном торжестве и меня можно будет арестовать.

Я действительно прибыл на бракосочетание, но меня никто не тронул — Бог им не позволил, моё время ещё не пришло.

Я приехал в деревню за неделю до брака, чтобы помочь родственникам поставить большую палатку. На брачное торжество мы ждали много гостей.

В течение недели власти нас не тревожили. Но в воскресенье сам Бабушкин руководил операцией перехвата верующих. Гриша ходил к нему, просил не омрачать свадебное торжество и пропустить друзей, но тот был неумолим.

— Твой отец антисоветчик! — неистово кричал Бабушкин. — И ты такой же! Вас всех надо сослать в Сибирь, чтобы не морочили нам здесь голову!

Несмотря на заслон, некоторые братья и сёстры всё же прибыли на место богослужения. Луганский хор был в полном составе. Бракосочетание совершал М. И. Азаров из Белгорода. Когда пришло время молиться родителям жениха, я помолился, не выходя из хора, где сидел с самого начала богослужения.

Услышав мою молитву, Бабушкин сказал:

— Смотри, что делается! Записал молитву на кассету и её прокрутили!

Он не понял, что услышал настоящий голос, а не магнитофонную запись!

Ася сильно переживала о моём благополучии и после молитвы стала просить, чтобы я поскорее ушёл, иначе меня арестуют. Ради неё я ушёл, и меня никто не тронул.

Брачный пир запомнился не только мне. В тот день лил такой дождь, что я, скрывшись в доме друзей, не находил себе покоя. Я непрестанно взывал к Богу, просил у Него милости, но дождь не переставал.

На столах всё вымокло и испортилось. Для меня это было величайшим испытанием. Я не мог понять, почему всё так получилось? Я знал десятки случаев, когда Бог явно вмешивался и менял погодные условия, но в этот раз это не входило в Его планы. И нам оставалось лишь смиряться перед Его святой волей и извлекать для себя драгоценные уроки.

В 1983 году, возвратившись однажды из Средней Азии, я решил посетить свою родную Луганщину, побывать у друзей. Я объехал всю область, во многих общинах совершил хлебопреломление, так как дело было перед Пасхой, а служителей не хватало.

Пасху я намеревался праздновать в Луганске. В субботу побыл в общении с областным советом, затем поехал к Павлу Рытикову (сыну Павла Тимофеевича). Мы немного побеседовали с ним, помолились и подготовились к праздничному богослужению. Конечно же, никто не знал, что дом нашего брата прослушивается. Это стало ясно лишь тогда, когда там арестовали Александра Васильевича Круговых, а потом и Михаила Сергеевича Кривко.

В первом часу ночи мы с Павлом на такси поехали на место богослужения. Вышли поодаль от того дома, где наметили провести праздник.

Только мы вышли из машины, как из-за угла выскочили два человека и властно потребовали показать документы.

— Покажите вначале ваши,— сказал я, подумав: «Ну всё, орёл, ты, похоже, прилетел...»

Они блеснули удостоверением сотрудника Комитета госбезопасности, схватили меня и уже не выпустили. Это было ночью, 8 мая 1983 года.

У меня забрали сумку и, посадив в машину, увезли в Артёмовское отделение милиции города Луганска. При мне была кассета с речью Георгия Петровича Винса, звуковое обращение Геннадия Константиновича Крючкова к Джамбульской церкви, магнитофон и кассеты с проповедями Ярла Николаевича Пейсти об ученичестве, а также комментарий на Послание апостола Павла к Коринфянам. Всё это чекисты забрали и неприкрыто торжествовали оттого, что арестовали меня в канун Пасхи.

Светлый праздник воскресения Иисуса Христа мне пришлось встречать в КПЗ. В душе — никакой радости, только боль и грусть. Больше того, меня будто придавило неимоверно тяжёлым камнем. Я не мог ни петь, ни молиться, ни плакать. Такой тяжести я никогда в жизни не ощущал.

В углу камеры валялся пьяный и что-то бессвязно бормотал. Но мне было не до него. Я был просто отрешённый.

В шесть утра совершенно неожиданно послышалось пение: «Он жив! Он жив! Собой Он смерть попрал!» Я встрепенулся. Суть услышанного дошла до глубины моей души, и из глаз хлынули потоки слёз. Тяжёлый камень свалился с моей души. Сердце вновь потянулось к Богу, находя в Нём и утешение, и силу, и радость.

Пела Луганская молодёжь. Узнав, что меня арестовали, они пришли к зданию КПЗ с песней. Мне очень нужно было это утешение, и Господь не замедлил поддержать меня.

Молодёжи пришло много. Это вызвало тревогу в отделении милиции, и меня срочно увезли в областную прокуратуру. Там ко мне вышел заместитель прокурора области некий Рябов, который обвинял меня на первом суде.

— Как прошёл первый срок? — равнодушно спросил он. —

Как отбыли ссылку? Ну вот, вас снова надо судить...

Мне не нравился этот человек. Он помогал следователю составлять протокол допроса — подсказывал коварные вопросы, желая меня запутать.

— Если вы не прекратите, я откажусь от предварительного допроса и вообще ничего не буду говорить,— сказал я.

Он замолчал, и я дал следователю необходимые показания. Наше собеседование ещё не закончилось, а друзья были уже у здания областной прокуратуры и пели торжественную песнь о победе жизни над смертью, о воскресении нашего Господа и Спасителя.

Дорогая церковь! Как она прекрасна в своей любви, в своём желании и готовности положить душу за ближнего! Друзья привезли мне продукты и одежду: бушлат, с которым я не расставался весь срок, а также сапоги, рубашку.

Братья и сёстры сопровождали меня до самого спецприёмника. Они пели, желали мне стоять в истине и оставаться верным Богу.

Так меня лишили дорогой свободы и начался второй этап скитаний. Места уже знакомые — что спецприёмник, что следственный изолятор или тюрьма, как его обычно называют.

Меня немного удивило то, что за десять лет со времени моего первого пребывания в тюрьме ничего не изменилось. Я всё же думал, что произошли какие-то перемены к лучшему. Но увы!

Когда меня бросили в общую камеру и я увидел, что людей одолевают насекомые, которых непрестанно надо уничтожать, я пришёл в ужас. Камера переполнена, места нет ни на нарах, ни на полу. На нарах, рассчитанных на двоих, спят трое.

Зайдя в камеру, я объявил, что верующий, и стал молиться.

После молитвы один армянин сказал мне:

— Тебе нельзя ложиться на полу, вши съедят. Ложись рядом со мной. Ты же святой человек, будем спать по очереди. Кидай сюда свой матрац...

Так он меня приютил.

В камере находилось больше ста заключённых. Душно. Я с трудом дышал, буквально умываясь собственным потом. Меня утешало лишь то, что Господь знает о моих обстоятельствах и держит мой жребий в Своей руке.

Дней через пять меня перевели в подвал, в так называемые тройники с более жёстким режимом содержания.

Когда меня вели в подвал, я увидел в коридоре знакомую фигуру. Подойдя ближе, узнал Павла Тимофеевича Рытикова! Друг юности, сотрудник на Божьей ниве, товарищ по первому сроку. Я знал, что его в марте арестовали и он находится в этой тюрьме, потому что в прогулочных двориках на стенах, оштукатуренных «под шубу», видел надписи, сделанные его рукой, с наклоном в левую сторону. Тут и там можно было прочитать: «Будь верен до смерти. Откр. 2, 10»; «Едите ли, пьёте ли или иное что делаете, всё делайте во славу Божию. 1 Кор. 10, 31».

И вот такая неожиданная встреча!

Я подскочил к нему и крепко обнял.

— Ты уже здесь?! — изумился он.

— Да, здесь...

Мы поспешно стали что-то говорить друг другу, зная, что сейчас нас разлучат. Но на удивление нас поместили в одну камеру! В камеру под номером тринадцать. Когда мы заходили в неё, Павел Тимофеевич наступил мне на ногу, дав понять, что здесь уже есть «наседка» и нужно быть осторожным.

Двое суток мы были вместе. В камере много беседовали на библейские темы, говорили о семье, о детях. А в прогулочном дворике могли поговорить о Божьем деле, о братстве, о друзьях. Время пролетело очень быстро. На третьи сутки Павла Тимофеевича увезли на суд, и больше я его не видел.

В тройниках я находился полтора месяца. Здесь было намного легче, чем наверху,— не так жарко и атмосфера более спокойная. Среди сокамерников были парни из детдома, которые ничего не знали о Боге. Они слушали меня очень внимательно. Позже я слышал, как они пересказывали услышанное другим.

А я каждый день по несколько часов повествовал им всё, что знал из Библии. Не без интереса заключённые слушали ветхозаветные истории, пророчества о Христе, историю о Его рождении, затем о жизни на земле, о распятии.

К следователю меня вызывали редко. Обвиняли по 187-й статье — распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй. Никаких документов, по которым можно было бы привлечь меня к ответственности, у них не было.

Когда следствие закончилось, надзирательница сообщила мне, что меня вызывает адвокат.

— Я его не приглашал, он мне не нужен,— отказался я идти.

Надзирательница стала меня убеждать:

— Не отказывайтесь! Вы не знаете, что это за специалист! Это же Немиринская Нелли Яковлевна. Пойдите к ней! Не смейте отказываться, она поможет вам!

Я решил узнать, что это за человек.

— Вы меня знаете? — спросила адвокат, когда я пришёл.

— Нет, не знаю.

— А я вас знаю. Я слышала вашу проповедь на похоронах дочери вашего пресвитера Голуба. Я знаю, что ничем не помогу вам, Степан Григорьевич. Сколько КГБ скажет, столько вам и дадут. Судья у вас — самый неавторитетный, все остальные отказались от вашего дела. Этот судья — нехороший человек.

Нелли Яковлевна немного помолчала, полистала свои записи и продолжила:

— Я никак не повлияю на приговор, но зато сообщу вам, когда будет суд, расскажу, что делается на свободе. Хотя мои показания не будут взяты в расчёт, на суде будет много приглашённых по повестке, и, слушая меня, они узнают, что верующих судят незаконно.

Подумав, я согласился на участие адвоката в судебном процессе, и она присутствовала на суде.

Когда меня везли в воронке на суд, майор — командир под-

разделения военизированной охраны,— посмотрев на дело, спросил:

— Баптист?

— Да.

— Значит, будет КГБ, будут цветы,— проговорил он задумчиво.

Я улыбнулся. По-видимому, этот человек был знаком с нашими братьями.

После речи прокурора — государственного обвинителя, который обвинял меня уже второй раз, я со слезами сказал в последнем слове:

— Граждане судьи, говорю вам искренне, как перед Богом: я готов десять лет отсидеть в неволе, лишь бы гражданин прокурор уверовал в Бога и покаялся в своих грехах.

После этого произошло чудо, которого, по всей видимости, никогда не было в практике юриспруденции СССР. Когда суд удалился на совещание, прокурор подошёл к загородке, за которой я находился, и сказал:

— Степан Григорьевич, извините меня, я не виноват.

— Пилат в знак своей невиновности тоже умыл руки,— беззлобно напомнил я.

Защитное слово адвоката было очень сильным. Не зря прокурор просил её пощадить его. Она была мастер своего дела и очень ясно показала, что я не виноват, что у суда нет данных для моего обвинения. Если прислушаться к её речи, то меня нужно было освободить, а следователей посадить на скамью подсудимых. Но увы, адвокат существовал лишь для формы. Слово Нелли Яковлевны никто не брал в расчёт. Как она и предвидела, о чём и я хорошо знал,— её участие ничего не дало.

И всё же после речи адвоката судьи пришли в замешательство и не осмелились объявить приговор в тот же день. Они предложили перенести зачтение приговора с пятницы на понедельник и таким образом затушевать напряжённость.

В понедельник зал заполнился совсем другими людьми. Впустили и верующих. Судья, как ни в чём не бывало, металлическим голосом повторил обвинительное заключение и зачитал приговор: три года лагерей строгого режима.

В это время моя дочь Лиля и некоторые друзья стали бросать мне цветы.

— Папа, это тебе за верность! — громко сказала Лиля.

Я собрал цветы (в этот раз их никто не отнимал), получился большой букет.

— Граждане судьи, кому дарят цветы? — спросил я бодрым голосом.

Судья опешил, глядя на букет неподвижным взглядом.

— Кому дарят цветы? — повторил я громче.

Охрана оцепенела. Судья молчал.

— Победителю! Победителю! — послышалось из зала, и друзья дружно запели гимн: «Жить для Иисуса, с Ним умирать, лучшую долю можно ль желать?..»

Я заметил, как передёрнула плечами адвокат. Прокурор встал по стойке смирно, судья тоже в замешательстве поднялся. В следующую минуту, как бы отрезвев, ко мне подскочили конвоиры, вырвали у меня цветы, схватили за шиворот и повели в воронок. Там друзья бросили мне ещё несколько роз. Две из них я успел спрятать под рубашку и принёс в камеру.

Сокамерники были крайне удивлены взаимоотношениями верующих. Я рассказал им, как бросали цветы, как пели. Для них это было хорошим свидетельством нашего единства и любви друг ко другу.

Цветы в камере недолго жили: через два часа они завяли от недостатка воздуха.

Писать кассационную жалобу после суда я не стал. Ждал, когда отправят в колонию. Правда, я попытался сделать себе одну человеческую опору, о чём впоследствии не один раз жалел. Через адвоката я попросил Асю пойти к начальнику управления лагерями в Луганской области — Кононову Владимиру

Семёновичу — и попросить, чтобы меня отправили в лагерь, где получше условия.

Кононов когда-то был начальником колонии, в которой я отбывал первый срок. Ася попала к нему на приём с большим трудом. Он её узнал.

— Степана опять посадили? — с тревогой в голосе спросил он, и в его глазах блеснула слеза.

Он дал знак, что кабинет прослушивается.

После короткой беседы Кононов пообещал сделать всё, что в его силах, чтобы я отбывал срок в хорошем месте.

В Луганской области было много колоний. В какой-то не было воды, в какой-то сосредоточилось много рецидивистов, в какой-то часто бунтовали. Лишь в некоторых были более или менее терпимые условия. Я как будто забыл, что нахожусь в Божьих руках, а не во власти начальников. Поэтому Господу пришлось выбивать из-под моих ног выбранную мной человеческую опору.

Прежде чем отправить заключённых на этап, их вызывают из камеры и они сдают свой матрац и кружку. После этого заключённых помещают в так называемый отстойник. В этой камере и нары, и стол железные. Будь они деревянные, их непременно сожгли бы, чтобы приготовить чифир*.

Для отправки в лагеря Луганской области набрали девяносто шесть человек. Каждому выдали паёк: кусочек хлеба и несколько рыбок. Вечером одного за другим, по списку, стали вызывать на этап. Когда я остался один, дверь отстойника закрылась. Меня не взяли.

Я встревожился. Вернуться в камеру — значит вызвать у зэков подозрение: почему не взяли на этап. Это чревато неприятностями.

— Гражданин начальник, почему меня не взяли на этап? — спросил я у корпусного.

— Как фамилия?

*Чифир — очень крепкий настой чая.

— Германюк.

— Ха-ха-ха! Приехали из КГБ и сказали, что ты пойдёшь по другой разнарядке, не в Луганскую область.

«Да, длиннорукий КГБ достал меня и здесь»,— печально подумал я.

Меня возвратили в камеру. Осуждённые смотрели на меня с удивлением. Я объяснил им ситуацию, и они всё поняли. Люди там оказались смышлёные.

Через неделю меня снова вызвали на этап и отправили в посёлок Березань Киевской области, в 95-ю колонию.

По прибытии в киевскую тюрьму я едва не заболел дизентерией. Вся камера болела. Я тоже почувствовал симптомы этой болезни и стал усердно молиться: «Господи, в Твоей власти всё! Не допусти, чтобы я заболел. Сохрани меня!» И Господь чудно избавил меня от этого страшного заболевания, хотя вся камера переболела. Я ободрился и с глубоким чувством благодарности прославлял Господа за то, что Он со мной, что Он слышит мои молитвы.

В колонии меня определили в самый худший отряд.

— Не зря же тебя сюда прислали! — язвительно заметил кто-то из начальников.

На распределении со мной разговаривали очень сурово. Но Господь укреплял меня, и я был уверен, что Он не оставит Своего раба и поможет, как делал это уже много-много раз.

Нелёгкие годы

Второй срок для меня был очень тяжёлым. Каждую неделю в колонию приезжали работники КГБ. Спецслужба наблюдала, с кем я дружу, с кем хожу, с кем разговариваю.

Отбывая первый срок, я пользовался большими привилегиями и мог получать сколько угодно и передач, и свиданий.

Но на строгом режиме мне не давали даже минимум того, на что я имел право. Господь решил вести меня именно таким путём и много смирял в те годы. В Березани мне ни разу не дали свидание больше двух суток.

Однако Господь не оставлял меня, и это было самое большое утешение во всех обстоятельствах. Он творил немало чудес в моей арестантской жизни.

Как-то раз посадили меня в ШИЗО на пять суток. Там выдают пайку хлеба — 300 грамм на день. И всё. Я съедал не больше половины и голода не чувствовал, мне не хотелось есть.

Вечером я спрашивал у сокамерников, кому дать хлеба. О, все хотели! Хлеба всем не хватало, все были голодные. А мне хватало. Бог насыщал меня. Я просил благословения на скудный паёк, и Господь являл чудо. Его рука щедрая! Дивен и славен наш Бог!

Начальником отряда у нас был интересный человек — очень строгий, требовательный. Когда мне стали приходить письма, он выдавал их необычно. На вечерней проверке, когда собирался не один отряд, он громко выкрикивал, подавая мне конверт:

— Врагу народа!

Подавая следующее письмо, говорил:

— Клеветнику!

Затем:

— Антисоветчику!

Каких только определений я не услышал в свой адрес! А когда запас интересных слов кончался, он отдавал оставшуюся пачку писем со словами:

— Божьему одуванчику!

Начальник относился ко мне с уважением, даже если по указанию КГБ где-то и ущемлял. В кабинете у него я много говорил ему о Боге, но он не принимал благой вести.

Как-то раз начальник отряда приказал мне выйти в воскресенье на работу. Я отказался.

— Пойдёшь! — толкнул он меня в спину.

Я понимал, что он сделал это без всякого зла, шутя. Но всё же заметил:

— Смотри, не поднимай на меня руку! Бог — защита моя, Он может тебя наказать.

— Нет-нет, я не собираюсь тебя обижать,— быстро покрутил он головой.

Спустя месяц, как раз во время моего личного свидания с Асей, начальник отряда сел поиграть в шахматы и у него случился инфаркт. Он умер прямо за столом.

По распоряжению КГБ меня определили вначале на самую тяжёлую и вредную работу. Но потом, ближе познакомившись со мной, начальство перевело меня диспетчером в цех, где изготавливали зернометатели. Эти сельскохозяйственные машины подавали с тока в грузовик шестьдесят тонн зерна в час.

Я работал на тельфере. Это подвесная лебёдка с электрическим приводом. Мне нужно было подавать заготовки на все участки, где электросварщики варили узлы для зернометателей. Досконально изучив это устройство, я мог хорошо управлять им и был для начальника цеха правой рукой. Он советовался со мной по всем вопросам, спрашивал, каких деталей не хватает. Я составлял для начальника цеха отчёты, вёл всю документацию. Но это была негласная работа. Поэтому, когда в цех заходил заместитель начальника колонии по оперативной работе, который за всеми подсматривал, я работал на тельфере, как и положено заключённому. А как только он уходил — я садился за стол и занимался бумагами.

Я не чуждался никакой работы и радовался, что могу быть свидетелем Божьих дел — это Он благословлял меня и давал мудрость. И нечестивые не могли не видеть этого!

Где-то через полгода после меня в колонию прибыл брат из Черкасской области — Александр Матюха. Десять лет назад он обратился к Богу. В деревне, где он жил, была группа верующих, человек пятнадцать. На богослужениях Александр читал Слово Божье. За это его осудили по 187-й статье, как и меня.

Александр любил Библию, и мы с ним учили наизусть целые главы, учили псалмы. Встречаясь, рассказывали друг другу, что выучили, и договаривались, какие главы будем учить дальше. За свои пятьдесят лет я выучил меньше текстов, чем за эти три года.

Нам очень хотелось приобрести для Господа хотя бы некоторых заключённых. Всем желающим слушать мы подробно рассказывали о Творце, о грехопадении, о спасении в Иисусе Христе.

Один юноша из Киевской области, дважды судимый за воровство, воспринял благую весть и глубоко раскаялся перед Богом. Звали его Юрой. Он научился молиться, полюбил Божье Слово.

Однажды Юра увидел, что мы с Александром сидим с раскрытым блокнотом.

— Что вы делаете? — поинтересовался он.

— Учим главу из Нового Завета,— сказал я. — Мы договорились выучивать одну главу в неделю.

— А мне можно? Я тоже хочу! — загорелся Юра. — Что вы сейчас учите?

— Четвёртую главу из Послания к Ефесянам. Здесь тридцать два стиха.

Юра выучил этот отрывок Священного Писания и в воскресенье рассказал без единой ошибки. Когда я уходил из колонии на свободу, Юра знал на память тридцать глав из Библии. Он был очень усерден в этом и рассказывал всегда с выражением, без запинки. Он поверил в Господа всем сердцем, искренне полюбил Его, потому и Писание было ему дорого.

Юра действительно родился свыше. Господь благословлял его духовный рост. Мы радовались, видя его бесхитростность и скромность.

Домом молитвы для нас стал барак, из которого выселили заключённых на период ремонта. Когда все уходили в кино, мы шли в барак и молились там, пели. Юра выучил с нами не один гимн и пел от всей души. Больше всего ему полюбились

песни «О, я грешник бедный...», «Господь, Спаситель мой, к Тебе взываю я...», «Люблю, Господь, Твой дом...».

Перед освобождением я, словно сыну, отдал Юре всё, что у меня было. Он стал мне очень дорог.

Юра работал в радиоцехе и находился на другом участке колонии. Это значит, что в рабочие дни мы не имели права встречаться или ходить друг к другу в гости. Но в день моего освобождения он всё же прорвался ко мне и подарил такое стихотворение:

Последний день настал. Вам на прощанье
Не говорю: прощайте. До свиданья!
Храни Господь и вас, и весь ваш дом,
И усмотри в свой срок нам встречу в нём.
Молитва ваша пусть меня согреет,
Господь услышит, в церковь приведёт.
Нуждаюсь в Господе, с Ним дух не ослабеет
И вера не угаснет, не умрёт.
Я не печалюсь в этот час, за вас я рад.
Всего хорошего вам, друг мой, старший брат!
Служите Господу, как учит вас Писанье,
И в добрый путь. Ещё раз: до свиданья!

Мы с Александром тщательно оберегали этого молодого в вере брата от зоркого глаза оперативников, потому что каждого, кто хоть раз встречался со мной и беседовал, сразу же вызывали в оперчасть. Мы старались общаться с ним только по воскресеньям, и то так, чтобы меньше кто видел. Я знал много случаев, когда недруги разбивали веру в душах искренне обратившихся к Богу. Поэтому мы старались беречь Юру, всячески содействуя его укреплению в вере.

При обысках у Юры каждый раз находили рукописные тексты из Библии, а также стихи и песни. Мы посоветовали ему говорить оперативникам, что он ищет правду, интересуется религией. И когда его вызывали в оперчасть, он так и отвечал.

Между тем он продолжал вникать в Писание и познавать Господа, пел Богу хвалу и много молился.

Освободился Юра на год позже меня и сразу приехал ко мне с просьбой преподать ему крещение. Мы поехали в Киев. В тамошней церкви он прошёл испытание и заключил завет с Господом.

Особое влияние на духовное состояние узника оказывали письма, которые он получал со свободы. Они являлись также сильнейшим свидетельством для внешних. Некоторые заключённые вообще не получали писем, кто-то — одно в три месяца. А верующие обычно каждый день получали их пачками.

Мне писали друзья из многих мест. Писали и дети, и старики, не говоря о молодёжи. Письма и открытки зачастую были красочно оформлены, полны сердечного участия, любви и заботы. Почти каждое письмо заканчивалось пожеланием хранить верность Господу.

Однажды мне вспомнился молодёжный гимн «Я хотел бы молиться, как молится ночью сосна, устремляясь верхушкою ввысь...». Всех куплетов я вспомнить не мог, только мелодию.

«Как бы получить слова? — задумался я. — Наверно, надо написать Лиле, чтобы выслала».

И вдруг через день-два присылает мне одна сестра открытку, а на ней мелким почерком написана эта замечательная песня! Восхищаясь Божьей заботой, я выучил песню и долго её пел. Слова ободряли меня и напоминали о том, что я — тоже ученик, мне тоже надо смотреть вокруг и учиться. Мне хотелось видеть во всём Божью руку и учиться доверять этой руке.

Бывали, конечно, и тяжёлые минуты. Иногда меня посещал дух уныния, ощущалась какая-то пустота в душе. И именно в такое время, когда я особо нуждался в утешении и поддержке, приходили письма со словами ободрения. Особенно много писем приходило к праздникам.

Как-то раз вызвали меня в оперчасть и вручили три письма

из-за рубежа. Оперативник при мне вскрыл конверты. В одном была открытка из Голландии, в другом — из Германии, а в третьем — из Швейцарии. Я не мог прочесть написанное, но сердцем чувствовал, что это весточка от моих родных, от христиан. Меня хотят поддержать, обо мне молятся. Слава Господу за Его дивную Церковь!

Летом 1984 года в моей семье произошло ещё одно значительное событие — вышла замуж наша Оля.

Какому отцу не хотелось бы разделить с детьми радость брачного торжества? Но это счастье обошло меня. В тот день я мог лишь низко склониться перед Богом и попросить у Него милости и благословения для своих повзрослевших детей.

В те годы все христианские бракосочетания власти безжалостно разгоняли. Я знал, что без милиции и работников КГБ

Яков и Ольга

не обойдётся и наше торжество. Вместо отца на видном месте стояла его фотография. Недругам это страшно не нравилось, и они требовали убрать портрет.

— Верните отца,— говорила им Ася,— и мы охотно уберём фотографию. А раз отца нет, то пусть хоть портрет стоит...

В день бракосочетания я решил поститься. Признаюсь, что при всём скудном питании в местах лишения свободы быть в посте — это праздник. Как оживляется в это время дух в общении с Господом!

Целый день я мысленно был в кругу родных и друзей, много молился, просил у Господа милости для новой семьи, просил прощения (несомненно, было за что!), просил благословения.

Вечером, перед отбоем, мне сильно захотелось есть. Я стал искать в своей тумбочке — может, получится найти что-то съедобное. И нашёл! Нашёл сухарик — обточенный так, как никаким точилом не обточишь! Это тараканчики постарались. Я вскипятил водички зэковским спецкипятильником, и чай был готов.

Как сладко я поел в тот вечер! Не могу передать своих чувств!

Запивая сухарик кипятком, я говорил себе:

— Степан, запомни, сегодня на брачном торжестве никто так вкусно не поел, как ты!

И это была правда.

Новые скорби

В мае 1985 года Лиля прислала мне печальное известие — нашу мамочку осудили на пятнадцать суток якобы за «злостное неповиновение органам милиции». Это произошло первого мая, когда она возвращалась домой, проводив на поезд младшего сына. Со второго мая Ася отказалась принимать пищу, протестуя против вопиющей несправедливости.

Гриша с Лилей поехали в Москву ходатайствовать об освобождении матери. Не успели они вернуться, как в камеру к Асе пришёл врач и, обследовав её, сделал заключение, что она находится в критическом состоянии. Больную тут же перевели в больницу.

Вечером Лиля пошла посетить мать и, пользуясь возможностью, что за ними никто не наблюдает, забрала её домой. Понимая, что недруги задумали что-то недоброе и оставаться дома ей нельзя, Ася в тот же вечер уехала в Крым к старшей дочери.

Двенадцатого июля в нашем доме в Цуповке и одновременно ещё в четырёх домах членов Дергачёвской церкви сделали обыск. В санкции прокурора была указана причина обыска — дело Александры Тимофеевны Козорезовой и Ульяны Сергеевны Германюк.

Мне не верилось, что Асю могут арестовать. Какую угрозу могла создать недругам Божьего дела эта тихая, спокойная женщина?

Однако двадцать третьего июля в дом нашей Галины в Саках пришёл участковый с проверкой паспортного режима. Увидев Асю, он приказал ей следовать за ним и повёз в отделение милиции, откуда она не вернулась. Её местонахождение власти тщательно скрывали. Только через несколько дней дети нашли свою мать в харьковской тюрьме.

Свой 55-летний юбилей, 26 июля 1985 года, Ася отмечала в неволе, в полной безвестности, так и не получив моё поздравление и посвящённое ей стихотворение:

«Я жертвою за жертву стану»,—
Великий Павел возгласил.
И, верен истине, без стонов
Сей цели отдавшись, служил

Христовой Церкви неизменно,
За что, изведав мира нрав,
Поруган был, но, несомненно,
Остался перед Богом прав.

О жертвах знаем мы немало.
От Авеля и до Христа,
От дней апостолов досталась
Нам жертвенная тропа креста.

Мы слышали из слов Писанья
Призыв представить и себя
В живую жертву для служенья
Святому Богу навсегда.

Настало и для нас то время,
Чтоб к делу перейти от слов
И испытать неволи бремя,
Разлуку, скорбь и звон оков.

Коль посвящать, то без оглядки,
Коль отдаваться, то целиком.
И скромно, тихо, без огласки
Стать жертвой Богу со крестом.

А если смерть? Она бессильна!
Приобретенье чрез неё
Получит пилигрим в Отчизне,
Почтит Сам Бог в выси его.

Благословить тебя желаю,
Моя любимая жена!
В день ангела Христа молю я
Хранить, носить, водить тебя.

Скитаясь, радуйся и веруй.
Страдая, бодрствуй и молись!
Храни, не уставая, верность
И к цели день и ночь стремись!

Зная, какое слабое здоровье у моей жены, я сильно запереживал. Как она перенесёт тюремные тяготы? Как перенесут

разлуку с матерью дети? Я так взволновался, что даже огорчился на Бога за то, что Он допустил эти скорби хрупкой, немощной и больной женщине.

Вместе с огорчением в моей душе появилась пустота. Неприятная, жгучая. Два дня я ходил сам не свой. А потом всё же стал молиться, вопиять к Господу, просить у Него милости и прощения.

— Прости меня, дорогой Господь, за то, что допустил мысль, будто люблю Асю больше, чем Ты,— взывал я. — Прости! Я не умирал за неё на Голгофе, а Ты — умирал. Ты любишь её, и не оставишь в беде, как и обещал. Я в прахе и пепле каюсь за своё недоверие и огорчение, помилуй меня!

Небесный Отец вновь наполнил мою душу миром. Один брат прислал мне в это время письмо со словами утешения. Он напомнил, что Господь никогда не оставляет находящихся в скорби — таково Его обещание, и Он верен Своему слову!

Я не просил Господа о том, чтобы Асю освободили. Мне хотелось, чтобы Всемогущий сохранил здравым её разум, поднял её дух выше скорбей, чтобы недруги её не сломили, так как они большие специалисты в этом. Я хотел, чтобы она могла выполнить Божью волю и прославить Его имя во всём. И Господь по Своей величайшей милости слышал мои молитвы!

В сентябре 1985 года состоялся суд над моей Ульяной. Суд назначили на дергачёвском заводе и через проходную никого из верующих не пропустили. Только дети смогли пройти, и то с большим трудом.

Огромный актовый зал был заполнен комсомольцами. Все они стали свидетелями отъявленной клеветы, которую без всякого смущения высказывали высокопоставленные лица.

Под конец выступала адвокат — Н. Я. Немиринская. Она так сильно защищала подсудимую, что судьи просто не смогли вынести приговор и объявили перерыв до завтра.

А на следующий день, как это обычно бывало, зал заполнили совершенно другими людьми и бесчестно сделали то, что было

задумано органами госбезопасности.

Асю обвинили в организации молодёжного общения в Харькове и в проведении богослужений. Некоторые обвинения слово в слово были переписаны из обвинительного заключения Виктора Кузьмича Моши,— в некоторых словах остались даже окончания мужского рода.

Лиля, Гриша и Слава с передачей для матери у ворот Харьковской тюрьмы

По статье 187 УК УССР Ульяну Сергеевну приговорили к трём годам лишения свободы. Таким жестоким и бесчеловечным был атеизм.

На суд верующих не пропустили

Большой радостью для церкви и для всей нашей семьи было покаяние одной комсомолки, которая присутствовала на суде над Ульяной Сергеевной. Наблюдая за судебным процессом, прислушиваясь к высказываниям, девушка живо заинтересовалась верой в Бога. Она стала ходить на богослужения и вскоре обратилась к Господу, заключила с Ним завет.

Через день после суда дети приехали ко мне на свидание и

В комнате свиданий

всё рассказали. О, как мне хотелось заступиться за свою Асеньку! Как хотелось взять на себя её срок и все трудности... Но это было не в моей власти.

К тому времени все наши дети были уже членами церкви и служили Богу. Для нас с Асей это было большой радостью. Нам можно было не только страдать, но и спокойно умирать: дети были спасены, жили с Богом и для Бога!

Мой срок между тем приближался к концу. По всему было видно, что мне, как и многим другим служителям в те годы, хотят добавить новый срок без выхода на свободу. Я часто вспоминал слова Якова Григорьевича Скорнякова, который говорил братьям: «Как вам, так и мне. Вы — мои братья. Если вам дают дополнительный срок, то почему я должен желать чего-то лучшего?!» Эти слова выражали и моё настроение.

В Березани чекисты ни разу не вызывали меня для беседы. Со мной лично они не встречались, но постоянно интересова-

лись мной в оперчасти. Они читали мои письма и задерживали их у себя сколько хотели. В колонии у них было множество тайных агентов, через которых они наблюдали за каждым моим шагом.

Один из агентов КГБ работал в столовой старшим поваром. Уже перед самым моим освобождением он рассказал мне о работе чекистов. Однажды они дали ему какой-то свёрток и велели положить в мой ящик, в котором я хранил продукты. При этом обещали, что придут с обыском и всё заберут. Повар сказал, что у меня нет такого ящика, хотя хорошо знал, что есть. Он также рассказал мне, что чекисты требовали от заключённых сведений, которые говорили бы о том, что я занимался антисоветской пропагандой. И кто-то давал такие сведения, причём в письменной форме. Таких бумаг было пять.

Поняв, что этих сведений мало, для того чтобы добавить мне срок, работники КГБ дали указание освободить меня, но только под надзор милиции. Для этого у меня должны быть какие-то взыскания, например хотя бы три выговора от начальника отряда.

После скоропостижной смерти прежнего начальника отряда (неплохого человека) его место занял вольнонаёмный мастер из нашего цеха, которому я много помогал в работе, благодаря чему он получал хорошую зарплату. Однако платить мне добром он не хотел. Да не взыщет с него Господь за его усердие в несправедливостях против меня!

Во время вечерней проверки все заключённые разговаривали, смеялись, шутили. Кто-то что-то спросил у меня, я ответил. И тут же начальник отряда объявляет:

— Германюк, тебе выговор за разговор на проверке!

Второй выговор он сделал мне в столовой. Я не сел за стол сразу после того, как была команда сесть, потому что ещё не помолился. Третий выговор мне сделали за бирку, которая была пришита якобы не так, как надо.

Вызвали меня на административную комиссию. В кабинете

начальника колонии собралось около сорока офицеров. Начальник отряда зачитал мою характеристику: работал хорошо, получал много поощрений, но были и наказания.

— Как будешь вести себя на свободе? — спросил начальник колонии.

— Вы напишите, как я вёл себя здесь в течение трёх лет,— ответил я. — А на свободе есть прокурор, милиция, дружинники. Там они будут за мной наблюдать. Не переживайте, глаз будет очень зоркий.

— Мы хотим знать, как ты намерен вести себя на свободе,— не отступал начальник колонии.

— Если так сильно хотите знать, то скажу. Буду жить по Евангелию!

— О-о-о! — замахал руками начальник колонии. — Раз по Евангелию, то без надзора его нельзя освобождать!

— А говорите, что у нас за веру не судят,— напомнил я. — Если жить по Евангелию для вас — криминал, то я открыто заявляю, что буду жить так, как учит Библия, даже если завтра или сегодня меня за это казнят.

После этого некоторые офицеры, встречая меня в колонии, говорили:

— Да, непростая у тебя вера... Мы часто вспоминаем твою речь. Так не каждый может сказать...

Были и другие случаи, когда начальство пыталось вынести мне незаслуженные взыскания. Но всё это не поколебало мою веру, и я жил, радуясь, что несу поношения ради моего любимого Господа. Трёхлетняя школа, в которую поместил меня Господь, была для меня особо важной. До этого я никогда не имел столько благословений, не ощущал такой близости Бога.

Я много размышлял о Слове Божьем, и Господь открывал мне Свои драгоценные истины. У меня были прекрасные возможности учиться смирению, учиться доверию Богу.

За три года я не принял ни одной таблетки, ни разу не обратился в санчасть. Я говорил себе: «Неужели ты, священник ве-

ликого Бога, пойдёшь к тем жалким людям за помощью?»

В одну зиму у меня так обострился артроз, что я с трудом передвигался.

— Дорогой Господь, куда мне идти за помощью? — молился я. — Неужели к нечестивым? Нет, Ты — мой Целитель и Врач. Помоги мне, исцели мои суставы, дай крепость моим ногам!

И Господь удалил от меня этот недуг.

Снова дома

В этот раз моя дорогая подруга не встречала меня у ворот лагеря. Восьмого мая 1986 года за мной приехал зять Яша с некоторыми друзьями и привёз меня в опустевший дом.

Освободили меня с надзором. Условия надзора должен был определить райотдел милиции, куда я явился сразу после выходных.

В ожидании решения я ходил по коридору в отделении милиции и молился: «Господь, Ты видишь, что в этом заведении люди должны на какое-то время определить мою судьбу. Но я твёрдо верю, что всё в Твоих руках. Поэтому определи Ты, как мне жить дальше».

Вдруг мне на память пришёл текст из Послания к Тимофею: «Злые же люди и обманщики будут преуспевать во зле, вводя в заблуждение и заблуждаясь. А ты пребывай в том, чему научен и что тебе вверено, зная, кем ты научен». Господь сказал мне, что злые люди никогда не изменятся. Они всегда будут такие же, как и много лет назад, в дни Ноя, Лота и Даниила. Злые люди будут преуспевать, но ты... Вот здесь Господь сделал ударение, заострил моё внимание: ты, Степан, пребывай в том, чему научен и что тебе вверено, зная, кем ты научен! Что тебе до этих злых людей и их злого дела? Пребывай в том, чему научен...

Это откровение озарило мою душу небесным светом. Слёзы

радости потекли по моим щекам. Я сердечно поблагодарил Бога за свою судьбу, за Его любовь ко мне и пошёл в кабинет за решением.

Условия надзора содержали четыре пункта. Во-первых, не покидать пределы Дергачёвского района. Без разрешения я не мог поехать даже в Харьков, вблизи которого мы жили. Во-вторых, каждую среду отмечаться в отделении милиции. В-третьих, с девяти вечера до шести утра находиться в пределах своего дома. В-четвёртых, в предвыходные и выходные дни, в предпраздничные и праздничные дни — не покидать своего домовладения. Это значит, что мне нельзя посещать богослужения ни в воскресенье, ни вечером среди недели.

Когда сотрудник уголовного розыска — именно он осуществлял надзор — прочитал мне эти условия, я сразу сказал ему, что не могу их выполнить и прошу отправить меня назад, в лагерь. Там моя койка, скорее всего, ещё не занята, и я пойду на своё место. Он взволновался, по-видимому был ещё неопытный, и пошёл к начальству. Ему велели объявить мне условия надзора при понятых. Он вызвал двух понятых, прочитал при них бумагу, и они расписались.

Благодарность Господу за то, что меня редко проверяли! Собрания я не пропускал.

Через неделю после освобождения я поехал в Харьков, в колонию, где отбывала срок моя Ася. Попросил начальницу колонии дать нам хоть пятнадцать минут свидания. Очень хотелось увидеть и утешить свою страдалицу. Хотелось, чтобы она убедилась, что я уже дома, на свободе.

Начальница сразу же обрушила на меня поток гнева:

— Ваша жена в три раза хуже вас! Это вы довели её до такого состояния! Вы и детей своих погубили! Сами скитаетесь по тюрьмам, и детей ваших ждёт то же самое! Я не могу дать вам свидание.

Спокойно выслушав её, понимая, что она выполняет свой долг, я снова попросил:

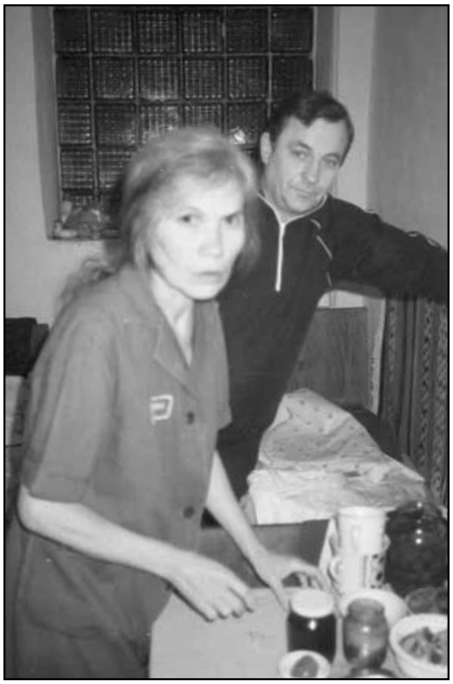
— И всё же, дайте нам хоть несколько минут...

В конце концов она выяснила, что Ульяне Сергеевне уже положено длительное свидание, и велела приехать через несколько дней. Ну а мне для этого надо было получить разрешение выехать за пределы Дергачёвского района. Я обратился в милицию, и мне выдали маршрутный лист.

Двадцатого мая мы с Олей и её маленьким сынишкой поехали к Асе на свидание.

В лагере мы сразу увидели работников КГБ — Оля знала их по суду и некоторым другим обстоятельствам. Им сообщили из милиции, что я взял открепление на три дня, а также мой маршрут. Мы видели, как работник КГБ разговаривал с женщиной-капитаном, которая потом досматривала наши вещи.

Досмотр был очень тщательный. Капитан всё вскрывала, разворачивала, прощупывала. И всё же Библия осталась незамеченной, Господь сохранил! Пронесли мы также немного вина для вечери Господней и елей для помазания.



После досмотра вещей в комнату свиданий зашла Ася. Увидев её, я не смог сдержать слёз. Никогда не думал, что человек может исхудать до такой степени. Цветущая женщина превратилась в настоящий скелет! Последний раз мы виделись с ней полтора года назад, когда она приезжала ко мне на свидание. Тогда её вес

превышал восемьдесят килограммов, а теперь — едва доходил до сорока!

Голос у Аси был слабый, но дух — сильный и бодрый.

— Не беспокойся,— утешала она меня. — Я имею в себе приговор к смерти, поэтому тюрьма мне не страшна...

В первую очередь мы преклонили колени и от всей души, слёзно поблагодарили Небесного Отца за наш жизненный путь, за все Его милости и благодеяния.

Мы много беседовали, радуясь тому, что всей семьёй служим Господу, Который любит нас особой, Божественной любовью. Понимая, что наш разговор прослушивается, мы много писали на бумаге и сразу же уничтожали записи.

На второй день свидания я совершил над Асей молитву с помазанием, после чего мы вспомнили страдания нашего Господа. Для Аси участие в вечере Господней было настоящим праздником.

Я хорошо знал, что в лагере для заключённых больному человеку нечего есть, поэтому старался приготовить своей любимой всё, что она просила, чтобы хоть немного подкрепить её физические силы.

Два дня пролетели очень быстро. Расставаться было нелегко. Ася мужественно успокаивала нас, просила не волноваться за неё, потому что вся наша жизнь находится в любящих руках Господа. Он — наша защита и опора.

Через два месяца нам полагалось общее свидание. Мы прибыли в колонию в десять утра, и только в половине второго нас впустили в комнату свиданий.

Для общения нам выделили первую от контролёров кабину. Стекло в ней, через которое посетители общаются с заключёнными, было с обеих сторон окрашено. Окно, через которое контролёр наблюдает за ходом свидания, было заставлено фанерой. Мы не видели, кто там находится, а они слушали всё, о чём мы разговариваем. И хотя другие кабины были свободны и окна в них не закрашены, нам не разрешили туда перейти.

Мы, оказывается, не должны были видеть, как выглядит наша дорогая и любимая!

Ася пришла, держась за стену.

Несмотря на её крайне тяжёлое состояние, ей не давали инвалидность и не освобождали от работы, требуя выполнения нормы. К тому же у неё был уже пенсионный возраст, но и это не брали в расчёт.

И наша семья, и христиане многих церквей ходатайствовали об освобождении Ульяны Сергеевны, но ответы приходили стандартные: «Состояние здоровья У. С. Германюк не может быть основанием для опротестования приговора».

Её состояние всё ухудшалось.

Наконец, двадцать пятого марта 1987 года Асю освободили. Ближайшие друзья приложили очень много стараний к тому, чтобы оказать ей медицинскую помощь. Однако боли её не оставляли и силы не восстанавливались.

На пороге родного дома

Снова вместе, хотя и ненадолго...

Иван и Лилия

В конце мая в нашей семье вновь был большой праздник — выходила замуж Лиля. Ася практически не могла принимать участие в приготовлениях и даже присутствовать на бракосочетании. В праздничный день она лишь изредка появлялась в кругу родных и друзей и снова вынуждена была ложиться в постель.

На брачное торжество приехало очень много братьев и сестёр, всем хотелось увидеть многострадальную узницу, но у неё не было никаких сил для общения.

При всём том дух Асеньки был твёрд и высок. В минуты, когда боль чуть-чуть стихала, она читала книгу «Не расточай свои печали», до последнего дня читала Библию и любила говорить о том, что милосердный Господь абсолютно всё в нашей жизни делает к лучшему. Только в Господе находила она утешение, твёрдо веря, что Он ведёт её в лучший мир.

Третьего июля 1987 года пришёл конец всем её страданиям и мукам. Вечность распахнула свои объятия и приняла мою дорогую спутницу в нерушимый покой.

На её похоронах, хотя и сквозь слёзы, мы от всего сердца благодарили Господа за нашу мамочку и за дарованную нам

честь страдать ради Него. Мы благословляли великого Бога, твёрдо зная, что смерть — это не конец, не потеря, а великое приобретение лучшей, бесконечной, немеркнущей жизни в обителях нашего Господа.

Так я остался один.

У старших детей были уже свои семьи, Слава ещё учился в Луганске.

Когда закончился мой надзор, в стране началось потепление в отношении верующих.

В конце 1987 года меня попросили поехать в Хабаровск и совершить бракосочетание Андрея и Веры Боринских. Андрея, осуждённого за работу в типографии издательства «Христианин», по отбытии половины срока отправили в Хабаровск на стройки народного хозяйства.

В небольшой Хабаровской общине не было служителя, и по приезду мы вначале совершили вечерю Господню, а потом и бракосочетание. Андрей, оказавшись в неволе за служение Богу, создавал семью вдали от родного дома (родители его проживали в Молдавии).

Из Хабаровска я отправился в Якутию посетить находящегося в ссылке Якова Ефремовича Иващенко.

Как хорошо и как приятно быть братьям вместе! Этими приятностями Господь порой благословляет нас, чтобы ободрить, утешить, обновить силы для дальнейшего пути.

Совершая своё служение, общаясь с Божьим народом, я отвлекался от действительности, но, возвращаясь домой, сильно тосковал. Приду, бывало, вечером, а печь не топлена, вода в ведре замёрзшая... Хозяйки нет...

Я стал просить у Господа помощницу. И Он направил меня к Зинаиде Михайловне Левшиной. Когда-то эта сестра сопровождала меня к Геннадию Константиновичу Крючкову, будучи его сотрудницей. Я сделал ей предложение. В июле 1988 года мы вступили в брак.

Многие служители отрицательно отнеслись к моему выбору. Зина была на двадцать лет моложе меня, и это послужило большим соблазном. Меня вывели из областного и межобластного совета, вывели из состава Совета церквей, лишили права рукоположения.

В это же время, в конце октября 1988 года, ушёл в вечность мой сын Гриша, оставив четверо малолетних детей. Весть о его трагической смерти глубоко потрясла меня.

— Сын мой, сын мой! — плакал я. — О, кто дал бы мне умереть вместо тебя!

Шесть лет прожил Гриша со своей возлюбленной. Это был благословенный Богом брак. Спустя какое-то время после похорон Валя искренне сказала мне:

— Если бы жизнь вернулась и мне сказали, что мы всего шесть лет проживём с Гришей, я бы всё равно вышла за него замуж. Он очень много сделал для моего духовного роста, оставил в моём сердце много добра и любви.

Отец, брат и жена у гроба любимого человека

Дорога в очах Господних смерть святых Его!

После всех этих переживаний я сказал своей помощнице:

— Какая церковь первая позовёт меня для служения, туда и поедем.

С такой молитвой мы обратились к Богу и, как всегда, всецело положились на Его милость.

Служение на Дальнем Востоке

Совершенно неожиданно мне пришло письмо от Бориса Яковлевича Шмидта: «Степан Григорьевич, мы с Давидом Андреевичем решили попросить тебя переехать в Хабаровск».

У меня волосы стали дыбом. Я знал, что такое Хабаровск! Я знал состояние тамошней церкви. Со всех концов нашей огромной страны я получал в ссылке и письма, и поздравления к праздникам, и посылки. Но из Хабаровска никто открыточки не прислал! Хотя моя дочь Лиля немало потрудилась в Хабаровской церкви на музыкально-хоровом поприще.

Прочитав письмо, я приуныл и ничего не ответил братьям. Через некоторое время пришло письмо от Давида Андреевича Пивнёва. С таким же приглашением. Я молчал.

Наконец они сами приехали ко мне после одного из совещаний Совета церквей.

— Ты получал наши письма? — первое, что спросили мои дорогие братья.

— Получал.

— И что скажешь?

С некоторым волнением братья ждали моего ответа.

А я, не смея ни хитрить, ни уклоняться от Божьих путей, признался:

— Такой обет дал я моему Богу: какая церковь первая позовёт меня для служения, туда и поеду.

— Тогда собирайся! — оживились служители.

Давид Андреевич поехал со мной на Дальний Восток познакомить с обстановкой. По возвращении на Украину я вывесил объявление о продаже дома и мы стали готовиться к переезду.

Бог испытывал нас очень крепко. Вначале не было покупателей. Потом покупатель нашёлся, но у него были какие-то проблемы с деньгами. Мы уже грузили контейнер для отправки в Хабаровск, а деньги за дом ещё не получили. Моя Зина переживала, наверное, больше, чем я: денег нет, как мы поедем?

— Давай всё бросим и пойдём поблагодарим Бога за то, что Он и в этот раз не оставит нас,— предложил я.

В тот день мы утром размышляли с ней над текстом: «Всегда в молитве и прошении с благодарением открывайте свои желания пред Богом». Вспомнив этот текст, мы встали на колени и от всей души поблагодарили Бога за всё, что Он делает для нас: и за испытания, и за благословения, и за то, что деньги за дом у нас есть, потому что Он благословил нас в продаже. Благодарили и за то, что наше будущее — тоже в Его руках, и это радость наша и счастье наше.

Когда мы полностью загрузили контейнер, торопливо пришёл человек, купивший наш дом, и принёс деньги!

Мы прибыли в Хабаровск в мае 1990 года. Начали знакомиться с общиной. Христиан было немногим более десятка. Духовно все едва живые, и у меня порой даже возникал вопрос: живые ли?

Я не переставал взывать: «Господи, освяти меня для работы на Дальнем Востоке!»

Мне пришлось трудиться не только в Хабаровске. Служителей не доставало во всём крае, и нужда в тружениках была очень острая. Отовсюду слышался душераздирающий крик: «Приди и помоги нам!» И надо было ехать...

В Ванино четыре новообращённые сестры собирались для чтения Библии. К ним присоединился человек, как потом выяснилось — одержимый. Его привезли ко мне. Я стал молиться об изгнании бесов, а мужчина зарычал, словно свора псов, потом достал опасную бритву и стал угрожать, что перережет мне горло.

— Спрячь эту игрушку и не пугай меня,— сказал я. — Ты знаешь, что я не боюсь смерти.

Уходя, этот несчастный человек плюнул на меня, а потом стал кидаться кирпичами.

Через время в газете напечатали статью о том, что у баптистского священнослужителя (моё имя изменили) был экстрасенс и тот заставлял его становиться на колени и прочее.

С той поры начались мои поездки в Ванино. Я стал разъяснять сёстрам Священное Писание, преподавать им начатки христианского учения. Горя любовью к Господу и Спасителю, сёстры молились о том, чтобы Бог послал к ним брата, который постоянно проводил бы богослужения, читал и разъяснял им Божье Слово.

Где-то через полгода после нашего переезда в Хабаровск приехал ко мне из Киева Юра, который обратился к Богу в колонии строгого режима в Березани. Он действительно был живым христианином. Я не мог не заметить в нём искреннюю веру и большую любовь к Господу. Мы поехали с ним в Ванино. Побыли там неделю, каждый день проводили собрания, назидая сестёр и прославляя нашего Спасителя. Потом мне надо было возвращаться домой, и я попросил Юру остаться в Ванино ещё на неделю. Он охотно остался, и эта неделя растянулась на десятилетия.

Юра вернулся на Украину, но сердце звало его на восток. Создав семью, он вместе с женой переехал в Ванино. Через несколько лет его рукоположили, и там стала созидаться хорошая церковь. А ведь сколько раз мне приходилось всё бросать и ехать туда, помогать христианам выходить из духовных тупиков, в которые все мы способны попадать, не имея пастырского попечения.

Неподалёку от Ванино есть посёлок Монгохто, в котором находится воинская часть. Одна молодая женщина из Монгохто уверовала и стала ревностно рассказывать о Христе своим друзьям. Вскоре обратились к Богу некоторые жёны офицеров

и лётчиков. Образовалась неплохая группа верующих. Там тоже пришлось мне много потрудиться, чтобы направить новообращённых на верный путь и наставить в истине.

Незадолго до нашего переезда в Комсомольске-на-Амуре демобилизовался из армии Игорь Полянцев. Приехав домой, в Ташкент, он сказал родителям, что дал Богу обет трудиться на Дальнем Востоке. Они его отпустили, и он вернулся в Комсомольск-на-Амуре. Игорь ревностно подвизался во всяком служении. Но он был слишком молодой, и ему надо было помогать.

В Комсомольске-на-Амуре отбывали службу ещё несколько братьев. Они тоже после демобилизации не уехали домой. Через время все они женились. Церковь стала постепенно расти. А потом я пригласил Бориса Яковлевича, и он рукоположил Игоря в пресвитеры.

Так развивалось дело Божье на Дальнем Востоке. Я не мог оставить все эти общины и группы без попечения. Поэтому снова и снова ехал и созидал. Для этого приходилось надолго оставлять Хабаровскую церковь. Жизнь в ней долгие годы еле теплилась. Бывало, чуть оживятся все, и мне надо уже ехать, не могу не ехать. Уезжаю, а дома всё потихоньку возвращается на круги своя.

Я запереживал, стал задумываться о происходящем: в Комсомольске-на-Амуре церковь растёт, в Ванино — растёт, а в Хабаровске роста нет. Двух-трёх человек крестим, пять — отлучаем. Для меня это было весьма тяжело. На молодёжные общения со всех мест едут братья и сёстры, а от нас никто не едет. У нас нет молодёжи, в церкви какой-то застой. И я взмолился к Богу с горькими слезами: «Убери меня, Господи, я негодный пастух! Поставь, Боже, кого-нибудь другого...»

Начали строительство молитвенного дома в Хабаровске. Оно забрало все мои силы. Мне надо было не только составить проект, но и достать строительные материалы, позаботиться о подъёмном кране и прочих машинах и инструментах. Местные братья неохотно участвовали в строительстве, и это была моя печаль.

Музыкальная пауза во время строительства молитвенного дома в Хабаровске

Хабаровская община, 2009 г.

С помощью друзей из разных мест мы всё же построили большой дом с подвальным помещением. Церковь потихоньку стала расти. К нашему отъезду в 2010 году в Хабаровске было уже около девяноста членов церкви, и третья часть из них — молодёжь. Слава за это нашему милосердному Господу!

В Биробиджан возвратились из мест лишения свободы три Андрея. Все они в заключении искренне обратились к Богу. Вступив в завет с Господом через водное крещение, они втроём начали проводить в Биробиджане богослужения. Все трое вскоре женились, продолжая ревностно участвовать в Божьем деле. Так начала созидаться церковь в Биробиджане.

На богослужения собирались вначале у одного из Андреев, но дом становился тесным, семья у него росла. Потом с Божьей помощью мы купили дом, который после пожара нуждался в капитальном ремонте. Я поехал туда со своими двумя внуками. Перекрыли крышу, перестелили полы, поставили перегородки. Слава Богу, есть теперь молитвенный дом и в Биробиджане! Хотя трудиться приходилось немало, видеть Божьи благословения — весьма отрадно.

В ста двадцати километрах от Хабаровска есть посёлок Мухен. Там зарегистрированная община была на грани распада. Мы начали посещать их, и несколько человек захотели присоединиться к нашему братству. Со временем построили молитвенный дом, и община потихоньку стала расти.

Началось пробуждение и в Эльбане. Одна семейная пара ездила в отпуск на Украину, познакомилась там с верующими и охотно приняла благую весть. Вернувшись в Эльбан, супруги стали приглашать к себе людей и рассказывать им о Боге. При этом они грозили проклятием и смертью тем, кто не покается. Под этим страхом покаялось несколько молодых людей. Познакомившись с ними, я стал точнее объяснять им путь Господень, разъяснять Священное Писание. Все они охотно восприняли весть спасения, пожелали заключить завет с Господом и служить Богу, творя Его святую волю.

Все новообращённые в Эльбане были молодыми, и потому получилась молодёжная община.

В 1992 году, спустя месяц после бракосочетания, в Эльбан переехал мой сын Слава со своей супругой Леной. Полные энергии и желания служить Богу где бы то ни было, молодожёны влились в жизнь церкви и скоро обрели авторитет среди новообращённых.

Вячеслав и Елена

Слава приложил много старания к тому, чтобы привить молодым христианам в Эльбане любовь к Писанию.

Церковь понемногу росла. Построили молитвенный дом. Однако в 2001 году недруги подожгли его, и он сгорел.

Я ехал в Богородское на похороны служителя, но рано утром Слава снял меня с поезда в Эльбане — именно в это время горел молитвенный дом.

Не без слёз мы стояли на святом месте, предназначенном

для богослужений, и скорбели о произошедшем.

— Знаете, дети,— сказал я Славе и всем, кто находился рядом,— за нами сейчас наблюдают все — и Божьи Ангелы, и не Божьи. Очень важно, о чём мы думаем сейчас и что будем говорить. Давайте же поблагодарим Бога за это испытание и благословим Его святое имя, ибо Он достоин славы!

В трудный час мы поклонились Богу, Который царствует во Вселенной, и поблагодарили Его за всё, что Он по Своей воле допускает в нашей жизни, имея в отношении нас самые добрые намерения.

Дом молитвы сгорел, но церковь не сгорела! Вскоре вместо сгоревшего деревянного построили новый, каменный, дом. Слава с шестью детьми уехал на Украину, а дети Божьи в Эльбане продолжают служить Богу.

Образовалась хорошая группа христиан в Многовершинном. Как тяжело было туда добираться! В девяностые годы там не было общественного транспорта. Я ездил на попутках (порой ожидая машину полдня), много ходил пешком. Чтобы укрепить христиан в вере, приблизить их к Господу, пришлось приложить много усилий. В конце концов в Многовершинном всё распалось, потому что все верующие выехали из этого городка.

На Камчатке, в областном центре, была зарегистрированная община. В начале девяностых годов там началось брожение: появились харизматы и другие отступники, которые стали учить чему не должно. Несколько новообращённых сестёр, смущаясь от всего происходящего, стали собираться отдельно от церкви и читать журналы «Вестник истины», которые присылали им родственники с материка.

Узнав, что в Хабаровске есть пресвитер, они вначале удивлялись — кто это такой? что значит пресвитер? А потом пригласили меня с просьбой объяснить им путь братства.

В январе 1995 года мы со Славой впервые полетели в Петропавловск-Камчатский. К тому времени из зарегистрированной общины вышло ещё несколько человек. Слава провёл у них не-

сколько собраний, посвящённых панораме Библии. После этого я предложил всем желающим пройти очищение. Беседовал с каждым в отдельности, после чего им всем надо было предстать перед церковью. Но церкви как таковой не было, поэтому они по одному выходили вперёд, и я спрашивал у остальных:

— Вы готовы принять его в члены церкви?

— Готовы!

Так образовалась община из двадцати членов. Их надо было учить жить, учить петь и служить Богу. Теперь мне, как служителю, надо было посещать и Петропавловск-Камчатский, куда билет из Хабаровска стоил невероятно дорого. Но я ездил к ним. За каждую поездку мы разучивали три-четыре гимна, разбирали несколько мест Священного Писания.

В посёлке Эссо тоже образовалась группа верующих. Эссо — замечательный уголок земли с множеством горячих источников. Церкви Камчатки стали проводить в Эссо летние лагеря, куда съезжалось обычно около сорока детей.

Между Петропавловском и Эссо есть посёлок Мильково. Там десять человек вышли из зарегистрированной общины. В этой группе тоже надо было совершать духовные требы.

Друзья из Молдавии несколько раз ездили на Сахалин и там благовествовали. В посёлке Смирных две девушки приняли благую весть и в 1992 году вступили в завет с Господом. Уверовал там и капитан милиции. Его жена, узнав, что он хочет креститься, воспротивилась всем своим существом. Она пошла с ним на берег и никак не давала переодеться в белое. Долго он не мог освободиться от неё — она держала его за руку и не отпускала. Всё это время мы пели, пока наконец он переоделся и мы зашли с ним в воду. Жена озлобленно стала бросать в нас камни и попала ему в грудь. Пока мы совершали крещение, она взяла его одежду и бросила в горную реку. Всё уплыло.

После крещения женщина гневно плюнула на меня, выражая тем самым своё презрение. Потом она пошла домой, собрала вещи своего мужа и выставила их на улицу.

В Южно-Сахалинске в зарегистрированной общине покаялся один молодой человек, но оставался поклонником металлорока. Как-то раз он приехал в Хабаровск и пришёл к нам. Мы долго беседовали с ним, пока он не понял суть настоящей христианской жизни. Оставив прежний образ жизни, он всецело отдался на служение Богу. В его доме стали проходить богослужения.

В 2002 году в Южно-Сахалинск переехал из Молдавии служитель. Церковь приобрела молитвенный дом и стала постепенно расти.

Уверовало несколько человек в Корсакове. Сахалин ожил!

Так появились Божьи светильники на Дальнем Востоке, и все их надо было обслуживать, надо было заботиться о том, чтобы огонь в них не угасал. Бог давал на это силы, благодарность Ему!

Сибирское объединение церквей очень большое, и служителей было далеко не достаточно, чтобы удовлетворить нужды христиан. Один пресвитер, проехав со мной по нескольким церквам, с тоской в голосе сказал:

— Я слышал, что это Дальний Восток, но что он такой дальний, даже не думал...

Я трудился там охотно, не зная устали. Приеду, бывало, с Камчатки, через день-два надо ехать на Сахалин. По возвращении с Сахалина задержусь на две-три недели, чтобы устроить дела в домашнем регионе, и поспешаю на Камчатку. Так нескончаемой чередой проходили дни, месяцы, годы. Бог вдохновлял меня, давал силы, и мне очень хотелось назидать Божий народ, побуждать всех к святой и жертвенной жизни.

В 1996 году меня вновь ввели в сотрудники Совета церквей, а потом и в члены Совета церквей с правом рукоположения.

Первый раз я участвовал в рукоположении ещё в начале восьмидесятых годов с Корнеем Корнеевичем Крекером. Этот опытный пресвитер умел превратить служение рукоположения в праздник для церкви. Мне это очень понравилось, и я тоже старался так делать.

Возложенные на меня обязанности расширили круг моего служения. Как не поехать в Приморский край, когда ответственный служитель слёзно просит: «Посетите нас, надо рукоположить братьев!» А для рукоположения необходимо познакомиться со всеми кандидатами, надо переживать за них и молиться... В Приморском крае — двадцать девять групп и общин, и в каждой из них надо побывать!

С братьями-сибиряками мы жили очень дружно. Видя, что со мной Господь, они тоже приглашали меня для рукоположения. В те годы служители, имеющие право рукополагать, ушли в вечность, и объединение почувствовало их нехватку. Несколько лет подряд я посещал эти дальние края и многих там рукоположил: и в Омской области, и в Алтайском крае, и в Павлодаре, и в Кемеровской области, и в других местах. Ответственные служители подготавливали для рукоположения человек десять-двенадцать, и потом мы ехали и поставляли избранных на

После рукоположения в Славгороде

Николай Абрамович и Степан Григорьевич. «Они и в старости плодовиты, сочны и свежи, чтобы возвещать, что праведен Господь...»

Лучшие друзья и сотрудники на Божьей ниве (слева направо): Иван Яковлевич Антонов, Борис Яковлевич Шмидт, Давид Андреевич Пивнёв, Степан Григорьевич Германюк

служение. В церквах по этому случаю был большой праздник.

При всём том я оставался пресвитером Хабаровской церкви. Старался, чтобы богослужения проходили живо, назидательно. Например, один раз в месяц, в день воспоминания страданий Христовых, на вечернем собрании участвовали три, а то и четыре семьи. Каждая семья готовила стих, псалом и проповедь. Это всем понравилось, и такие собрания стали практиковать чаще. Хотя сразу было нелегко, многие чувствовали себя скованно. Но потом никто не хотел оставаться в стороне, все старались прославить Бога.

Заботясь о духовном состоянии Божьих детей, я желал, чтобы они хорошо знали Писание, с любовью и ревностно служили Богу и друг другу, чтобы их живая вера была видна в делах. Наряду с этим мне нередко приходилось совершать молитвы над физически больными, и это служение не только забирало мои силы, но и приносило удовлетворение и радость моему духу.

Не раз и не два приглашал меня для молитвы об исцелении детей мой сын Слава. У одной из его дочерей при рождении не открылся пищевод, и дитя не могло кушать. Врачи намеревались оперировать новорождённую, но Слава забрал её из больницы под расписку и приехал ко мне. Мы поступили так, как учит Писание, и Всемогущий совершил чудо — девочка начала есть, её организм слаженно заработал.

Однажды приезжаю с Камчатки, а у меня дома сидит в ожидании один из членов церкви.

— Вы сильно устали? — взволнованно спрашивает, увидев меня.

— Ну да, не на курорте был...

— А у меня сын умирает. У него признали менингит. Вы могли бы поехать к нам, помолиться над ним?

— Едем немедленно! — ответил я, не став ни ужинать, ни переодеваться.

Мать держала шестилетнего сына на руках. Он горел. Такой горячей головы мне не приходилось видеть.

Как только я зашёл, мать зарыдала. Моё сердце тоже затрепетало: как помочь друзьям в этом случае?

— «Бог нам прибежище и сила, скорый помощник в бедах»,— прочитал я текст из 45-го Псалма, и эти живые, драгоценные слова, обладая большой силой, стали успокаивать сердце родителей.

Супруги прежде всего «вошли во святилище», открыли Богу своё сердце, помолились. Затем я возложил на больного мальчика руки. В процессе молитвы его голова начала остывать, и я это чувствовал.

Как трепетало моё сердце от сознания Божьего присутствия и Его дивного вмешательства! Как Он близок к нам и как милостив! Для Него не существует трудностей — Он всемогущий и для совершения чуда ждёт лишь нашего доверия и обращения к Нему!

После молитвы я предложил матери пощупать голову сына. Она была холодная! На лбу у мальчика выступил холодный пот.

Помазав мальчика елеем, я посоветовал уложить его в постель и дать возможность уснуть.

Менингит — инфекционная болезнь, и доктора настаивали на том, чтобы мальчика госпитализировать. В понедельник (молитву об исцелении совершали в субботу) приехал участковый врач забрать мальчика в больницу.

— Где больной? — спросил он у матери.

— Играет во дворе,— улыбнулась мать.

Естественно, врач был в недоумении. И только знание того, что имеет дело с верующими, помогло ему поверить в действительность.

— Вы странные люди,— развёл он руками, сделав короткую запись в своём журнале.

В Комсомольске-на-Амуре серьёзно болела жена пресвитера. После одного из братских общений он попросил меня:

— Помолитесь о моей жене. Ей завтра предстоит операция по удалению камней из почек.

Мы помолились с ним вместе, и на следующий день жена пошла в больницу. Однако операцию ей не сделали.

Она пришла домой вся в слезах от радости:

— Как и положено перед операцией, врачи стали брать анализы, обследовать почки, но камней не обнаружили! Почки стали чистыми!

Таков наш Бог. Так Он благоволит к Своим детям, и слышит их просьбы, и отвечает на их молитвы.

Прожили мы с Зиночкой на Дальнем Востоке двадцать лет. Господь подарил нам двух дочерей: в 1989 году (ещё на Украине) родилась Лиза, а в 1991 году — Аня.

Труд на Божьей ниве был сопряжён с большими трудностями, но Небесный Отец всегда наблюдал за тем, чтобы они не превышали наших сил. В Хабаровске нам пришлось претерпеть немало и бытовых проблем. Были сложности и с углём, и с дровами, и с водой, которую не один год возили в флягах.

Зина никогда не роптала. Молчаливо, с терпением и кротостью она переносила все невзгоды, разделяя со мной служение нашему Господу.

Однажды зимой у нас обвалился потолок и едва не придавил детей, которые спали на двухъярусной кровати.

А сколько людей — и верующих, и неверующих — побывало в нашем доме! Кто-то приезжал издалека, чтобы побеседовать, исповедаться. Кто-то просил совершить молитву об исцелении. И всех надо было принять, приютить.

Как-то раз перед краевым совещанием в нашем доме ночевало немало братьев. Одним из последних приехал Давид Андреевич Пивнёв. Он тогда был ответственным за Сибирское объединение. Мы топили печь углём, и за ночь дом остывал. Тёплого одеяла Давиду Андреевичу не хватило, и к утру он сильно замёрз. Через короткое время этот заботливый пастырь приехал снова и привёз с собой несколько тёплых верблюжьих одеял. Так Господь заботился о нас, радуя Своим попечением.

С Борисом Яковлевичем Шмидтом мы были настоящими друзьями. Я доверял ему всё, доверял то, что не мог доверить никому другому. Каждый его приезд приносил мне утешение и бодрость. Его уход с земли был для меня очень большой потерей.

Переезд в Шебекино

Покидать Дальний Восток мне было жаль. Там осталась часть моего сердца. Сколько слёз пришлось пролить в том краю, сколько испытать благословений! Как всё это забыть?!

Я полюбил тот далёкий край, полюбил народ, живущий там. Однако годы и болезни диктовали своё, и в январе 2010 года мы переехали в город Шебекино Белгородской области.

Шебекино принял нас миролюбиво. Мы влились в церковь, в свою родную стихию, без которой вообще немыслима жизнь. Труда и здесь очень много, но силы уже недостаёт.

Братья любят меня, считаются со мной. Областной совет зачастую проходит в нашем доме. Зиночка печёт блины и после совещания всех угощает.

Нередко ко мне приезжают за помощью больные и духовно обременённые. После молитвы очень многие обретают исцеление, сердечный покой и радость. Господь и сегодня Тот же — всемогущий, милостивый, и приходящим к Нему Он дарует Своё благословение.

Помогать нуждающимся в исцелении — большой труд. Он требует усиленных молитв, постов и сердечного участия. Чтобы понести чьё-то бремя, надо подвизаться. А как не подвизаться, если ты Божий служитель и твоя цель — прославить Бога своей жизнью!

В день восьмидесятилетия с детьми и внуками (далеко не со всеми)

Алексей и Елизавета

Улетает из родного гнезда последний птенец...

Уже собираясь к отъезду из Хабаровска, в октябре 2009 года мы с Зиной отдали замуж свою дочь Елизавету.

В декабре 2013 года вышла замуж наша младшая дочь Анна.

Так все мои дети стали жить самостоятельно. Все они, получив оправдание в Иисусе Христе, приобщились к Божьей Церкви. Сохранят ли они веру, переданную им отцами? Смогут ли научить своих детей любить Бога и Святое Писание? Об этом много размышляю и молюсь.

В 2014 году Господь допустил мне серьёзное испытание: я упал и повредил позвоночник. Этот недуг дополнил букет моих болезней и надолго привязал меня к постели. Я стал меньше общаться с братьями, с церковью, и это мои потери.

Но болезнь ничуть не удаляет меня от Господа, с Которым нахожусь в живом общении. Он — отрада моя и утешение моё! Ему молюсь непрестанно, Его славословлю, Его воспеваю сердцем и устами. Чудно и сладко быть в общении с Ним!

Благодарю Господа за всё, что мог сделать ради Него, за всё, что было в моей жизни и чего не было по Его милости. Благодарю Господа за всё, что отмерила мне в жизни Его любящая рука.

А я — раб Его, я был всего лишь свидетелем Божьих дел, поэтому честь и слава принадлежит Ему единому!

Содержание

Детство 3
Юность 6
Первые годы семейной жизни 12
Пробуждение Божьего народа 21
Незабываемое 38
Первый арест 44
В неволе 48
В лагере для заключённых 52
Конец срока 61
Этап 65
В Чумикане 71
Чудесная встреча 76
На краю света с семьёй 79
Без недругов — никуда 88
Глоток свободы 96
Второй арест 101
Нелёгкие годы 114
Новые скорби 121
Снова дома 129
Служение на Дальнем Востоке 139
Переезд в Шебекино 154